

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС
Том 7. № 1/2021

DISCOURSE
Volume 7. No. 1/2021

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2021

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издается с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Редакционная коллегия:

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при межпарламентской ассамблее ЕВРАЗЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатъев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

И. Б. Руберт, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгачева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).
- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).
- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;
- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;
- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No FS77-62347 of 14.07.2015)
Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University
Founded in 2015. Issued 6 times a year

Accepted Languages: Russian, English

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof. Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Irina B. Rubert, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint-Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, India

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics)

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Лисанюк Е. Н., Хамидов А. А. Аргумент к незнанию и аргумент от тишины	5
Федоров Р. В., Пафомова Л. А. Значение мировоззренческих парадигм в формировании концептуального основания социального прогноза.....	17
Сироткин Ю. Л. Время в эпистемологических конфигурациях М. Фуко	32

СОЦИОЛОГИЯ

Дерюгин П. П., Баннова О. С., Камышина Е. А., Попов Р. Е., Сидорова А. Н. Социальное и профессиональное осознание студентами инженерно-технических специальностей наступающей цифровизации (Опыт пилотажного исследования и первые итоги).....	43
Кудрявцева М. Е. Ментальное нездоровье современного молодого человека как продукт мифологического сознания	57
Чугунова А. А., Писарева А. Н. Мониторинг административных аккаунтов, регулирующих туристическую деятельность в России (на примере сети «ВКонтакте»).....	69
Солдатов А. А. Новые социальные группы как фактор политической дестабилизации в современном социуме.....	82

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Flaksman M. A. Stanislav Voronin's Universal Classification of Onomatopoeic Words: a Critical Approach (Part 2)	92
Telezko G. M. To the Use of Etymological Methods in the Research of the Origin of Slavs.....	103
Тихонова Е. С. Частотные устойчивые словосочетания в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике»: структура и вариативность	125
Беседина Е. И., Кузьмич И. В., Шамина Е. А. К вопросу о базовых компонентах формирования поликультурной личности.....	140
Правила представления рукописей авторами	153

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Lisanyuk E. N., Khamidov A. A. Argument from Ignorance and Argument from Silence	5
Fedorov R. V., Pafomova L. A. The Importance of Worldview Paradigms in Formation of the Conceptual Foundation Social Forecast.....	17
Sirotkin Yu. L. Time in M. Foucault's Epistemological Configurations.....	32

SOCIOLOGY

Deryugin P. P., Bannova O. S., Kamyshina E. A., Popov R. E., Sidorova A. N. Social and Professional Awareness by Students of Engineers Specialties of the Upcoming Digitalization (Pilot Study Experience and First Results).....	43
Kudryavtseva M. E. The Mental Illness of a Modern Young Person as a Product of Mythological Consciousness	57
Chugunova A. A., Pisareva A. N. Monitoring of administrative accounts regulating tourist activity in Russia (on the Example of social network "Vkontakte").....	69
Soldatov A. A. New Social Groups as the Factor of Political Instability in the Modern Society	82

LINGUISTICS

Flaksman M. A. Stanislav Voronin's Universal Classification of Onomatopoeic Words: a Critical Approach (Part 2)	92
Telezko G. M. To the Use of Etymological Methods in the Research of the Origin of Slavs.....	103
Tikhonova E. S. Frequent Fixed Collocations in the "Livonian Rhymed Chronicle": Structure and Variety.....	125
Besedina E. I., Kuzmich I. V., Shamina E. A. Essential Elements for the Formation of a Policulturally Educated Individual: a Problem of Statement.....	140

УДК 162.6

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-1-5-16>

Оригинальная статья / Original paper

Аргумент к незнанию и аргумент от тишины

Е. Н. Лисанюк^{1,2}, А. А. Хамидов¹✉

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

✉a.a.khamidov@yandex.ru

Введение. Данная статья посвящена выявлению специфики аргумента к незнанию и аргумента от тишины. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом научного сообщества к моделированию отменяемых (правдоподобных) рассуждений и проверке их обоснованности.

Методология и источники. Методологически исследование базируется на диалектическом подходе Д. Уолтона, предложившего корпус схем аргументации для правдоподобных аргументов и методику проверки их обоснованности при помощи критических вопросов. Для проверки обоснованности аргументов к незнанию и от тишины мы предлагаем понятие эпистемического бремени, надлежащее исполнение которого выступает необходимым условием обоснованности этих аргументов.

Результаты и обсуждение. Результатом исследования является разработка корпусов критических вопросов к двум схемам аргументации: аргументу к незнанию и аргументу от тишины, куда включены вопросы для проверки исполнения эпистемического бремени рассуждающим или источником информации. Методика проверки аргументов посредством предложенных критических вопросов разобрана на примерах.

Заключение. Различие между двумя видами рассуждений состоит в том, что в аргументе к незнанию эпистемическое бремя возложено на рассуждающих (участников дискуссии), а в аргументе от тишины – на источник информации.

Ключевые слова: правдоподобная аргументация, критические вопросы, схемы аргументации, отменяемые рассуждения, интеллектуальная добродетель.

Для цитирования: Лисанюк Е. Н., Хамидов А. А. Аргумент к незнанию и аргумент от тишины // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-5-16

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФ (проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 01.12.2020; принята после рецензирования 11.01.2021; опубликована онлайн 25.02.2021

© Лисанюк Е. Н., Хамидов А. А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Argument from Ignorance and Argument from Silence

Elena N. Lisanyuk^{1,2}, Alisher A. Khamidov¹✉

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

²*Higher School of Economics, St Petersburg, Russia*

✉a.a.khamidov@yandex.ru

Introduction. This article focuses on the specifics of the arguments from ignorance and arguments from silence. The relevance of the work is due to the growing interest of the scientific community in modeling of defeasible (presumptive) reasoning and verification of their validity.

Methodology and sources. Methodologically, the work is based on the dialectical approach of D. Walton, who proposed a corpus of argumentation schemes for presumptive arguments and a methodology for testing their validity using critical questions. To test the validity of arguments from ignorance and silence, we propose the concept of epistemic burden, the proper fulfillment of which is a necessary condition for the validity of these arguments.

Results and discussion. The result of the research is the development of corpuses of critical questions for two schemes of argumentation: the argument for ignorance and the argument from silence, which include questions to check the fulfillment of the epistemic burden by the proponent or information source. The methodology for verifying arguments using the proposed critical questions is analyzed using examples.

Conclusion. The difference between the two types of reasoning is that in the argument from ignorance, the epistemic burden is placed on the discussion participants (panelists), and in the argument from silence it is placed on the source of the information.

Key words: presumptive argumentation, critical questions, argumentation schemes, defeasible reasoning, intellectual virtue.

For citation: Lisanyuk E. N., Khamidov A. A. Argument from Ignorance and Argument from Silence. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 5–16. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-5-16 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant of Russian Science Foundation (project No. 20-18-00158 “Formal philosophy of argumentation and a comprehensive methodology for finding and selecting solutions to a dispute”).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.12.2020; adopted after review 11.01.2021; published online 25.02.2021

Введение. Аргументы к незнанию и от тишины встречаются в ситуациях, когда требуется принять решение в условиях нехватки или отсутствия информации. Чтобы обосновать такое решение, необходимо вывести заключение из правдоподобных допущений, как если бы имеющаяся в наличии информация была верна и полна. Эти два свойства – презумптивный характер допущения и необходимость избрать наилучшее обоснование для действия – обуславливают специфическое строение аргументов к незнанию и аргументов от тишины, их отменяемый характер и их использование преимущественно в практической аргументации, т. е. аргументации о том, что нужно делать и как поступать.

Аргумент к незнанию (*ad ignorantiam*), или от незнания, – это схема рассуждения, посредством которой умозакljučают, что события нет, поскольку если бы оно произошло, об этом было бы достоверно известно.

Аргумент к тишине, или от тишины, – это схема рассуждения, посредством которой приходят к выводу о том, что предполагаемый факт не соответствует действительности или предполагаемое событие на самом деле никогда не происходило, основываясь на отсутствии упоминания о конкретном факте или событии в известном и заслуживающем доверия источнике.

Примеры рассуждений, содержащих аргументы к незнанию (АКН) и от тишины (АОТ), можно встретить достаточно часто.

Первый пример АКН, назовем его «Невский рак», вдохновлен необычными сотрудниками Водоканала Санкт-Петербурга. Речь в нем идет о том, что качество очистки сточных вод в Санкт-Петербурге контролируется не только лабораторно, но еще и необычными сотрудниками – раками. Называется такая система проверки – биомониторинг. «Если качество воды ухудшится, чувствительный рак это ощутит сразу: ученые заметят не только изменения в его поведении, но и получают сигнал от специального оптоволоконного датчика, прикрепленного к панцирю. Датчик в режиме реального времени снимает показания сердечной активности животного. Если одновременно у всех шести раков сердечный ритм резко повысится в 1,5–2 раза, загорится красный сигнал системы “светофор” в диспетчерской. При этом технологи очистных сооружений будут действовать по специальному регламенту, позволяющему выяснять причину и принимать оперативные меры по корректировке технологического процесса» [1]. Соответственно, если раки ведут себя привычным образом, ученые предполагают, что сточные воды не содержат загрязняющих веществ, поскольку если бы они все-таки их содержали, об этом стало бы известно по поведению раков.

В рассказе «Серебряный» А. Конан Дойла можно обнаружить еще один пример похожего косвенного рассуждения, на этот раз – пример АОТ: «Я допустил ошибку, милый Уотсон. Боюсь, со мной это случается гораздо чаще, чем думают люди, знающие меня только по вашим запискам. Я просто не мог поверить, что лучшего скакуна Англии можно скрывать так долго, да еще в таком пустынном краю, как Северный Дартмур. Вчера я с часу на час ждал сообщения, что лошадь нашли и что ее похититель – убийца Джона Стрэкера. Но прошел день, прошла ночь, и единственное, что прибавилось к делу, – это арест молодого Фицроя Симпсона. Я понял, что пора действовать. И все-таки у меня такое ощущение, что вчерашний день не прошел зря» [2].

Другой пример АОТ – это рекомендация активистов московского движения «Поиск пропавших детей»: «Для детей дошкольного возраста, особенно в случае, если он пропал у вас на глазах, – в толпе, в торговом центре – существует «золотое правило 10 минут». Если вы не можете установить местонахождение вашего ребенка в течение 10 минут, то уже стоит начать беспокоиться. В данном случае лучше волноваться напрасно, нежели допустить беду» [3]. «Золотое правило 10 минут» говорит о том, что если вы не получаете вестей от своего ребенка в течение определенного времени, то стоит действовать так, как если бы он пропал.

Подобные рассуждения, когда отсутствие данных там, где их ожидают обнаружить, принимают за свидетельство в пользу утверждения, противоположного тому утверждению, которое удалось бы обосновать, если бы эти данные были, широко распространены в практической деятельности людей. С одной стороны, нам часто приходится основывать решения на шатких предположениях, потому что данных для обоснованного решения нет,

но последствия от промедления с решением или отказа его принять могут оказаться хуже, чем от ошибочного решения. Едва ли не единственным основанием для подобных предположений выступает отсутствие сведений об обратном, поэтому, как только подобные сведения или контрпримеры появятся, необходимо отказаться от сделанных выводов. Эти две особенности – основанием для вывода служит правдоподобное предположение и его принимают за истинное в условиях отсутствия информации об обратном – характерны для всех правдоподобных рассуждений. В силу первой особенности их часто называют презумптивными, ввиду того что они основаны на презумпциях – интеллектуальных «заплатах», компенсирующих нехватку знания. В силу второй особенности их называют отменяемыми, потому что заключение, выведенное из такого предположения, придется отбросить, когда и если поступит опровергающая информация. Все сказанное справедливо по отношению к АКН и АОТ, они оба относятся к правдоподобным аргументам.

С другой стороны, АКН и АОТ, как и многие другие правдоподобные аргументы, в учебниках логики и аргументации трактуются как ошибки аргументации, например, [4, с. 203–204] или [5, с. 93–94]. Подобный взгляд Ч. Хэмблин, стоявший у истоков изучения правдоподобной аргументации в XX в., назвал стандартным подходом и раскритиковал как выплескивание с водой и ребенка в отсутствии указания на правило, которое было нарушено [6]. Другим триггером исследования правдоподобных аргументов послужила модель аргументации С. Тулмина, инкорпорировавшая в строение аргументов отклонение возражения (rebuttal) [7]. И, наконец, третьим источником исследования правдоподобных аргументов выступают формальные теории аргументации, образовавшие в наши дни логику аргументации, в которой аргумент приемлемый, если он способен противостоять контраргументации, а в противном случае – неприемлемый [8].

Стандартный взгляд видит в АКН и АОТ либо ошибку мнимого доказательства, когда заключение о ложности предложения о наличии некоторого положения дел выводят из отсутствия доказательства его истинности, либо ошибку переноса бремени доказательства, когда задачу доказывания некоего положения предлагают решить другой стороне и доказать положение, противоположное данному. Мы придерживаемся идеи о том, что правдоподобные рассуждения, не претендуя на дедуктивную корректность, могут служить хорошими аргументами при определенных условиях. Единственный источник их ошибочности – это предположение об истинности посылок, оказавшееся неверным, что делает аргумент необоснованным. Такой взгляд на правдоподобные аргументы возлагает большую надежду на проверку их обоснованности, которой и посвящена данная статья.

Цель этого исследования мы видим в обосновании тезиса об отличии между аргументом к незнанию и аргументом от тишины. Оно заключается в том, что АКН подразумевает, что рассуждающий приложил максимум эпистемических усилий, чтобы получить необходимые и релевантные сведения об интересующих его фактах или событиях, так что их отсутствие разумно трактовать как отсутствие факта или события, как в примере с учеными, наблюдающими за невскими раками. АОТ подразумевает, что эти усилия были приложены источником информации, словно бы на нем лежала обязанность предоставить исчерпывающую и релевантную информацию, как в примере с сообщениями, которых не дождался Холмс, или ребенком, не подающим о себе сигналов. Условимся называть эту обязанность эпистемическим бременем, по аналогии с бременем доказательства в аргументации, воз-

лагающим обязанность доказательства тезиса на его проponenta – того, кто его выдвигает в дискуссии. Различие в том, на кого возложено эпистемическое бремя – на рассуждающего или на источник информации – находит практическое выражение в проверке обоснованности аргументов при помощи формулируемых с его учетом критических вопросов.

Методология и источники. По способу демонстрации аргументы делятся на демонстративные – к ним относятся дедуктивные аргументы, и недемонстративные, охватывающие индуктивные и правдоподобные аргументы. Дедуктивные аргументы основаны на формальном отношении логического следования, посредством которого из посылок выводятся заключение. Недемонстративные аргументы зиждутся на разного рода эмпирических или содержательных отношениях. Индуктивные аргументы основаны на отношениях части и целого на ограниченном множестве каких-либо объектов, или множестве – образце, или на причинно-следственных отношениях между свойствами объектов и явлений различной природы. Посылки, фиксирующие наличие этих отношений в образце, поддерживают вероятность истинности заключения о присущности или неприсущности этих свойств и отношений целевому множеству объектов. Многообразие содержательных отношений между посылками и заключением в правдоподобных аргументах весьма широко: от допущений о существовании причинных связей и предположений о наступлении тех или иных событий в будущем в аргументах к последствиям (*ad consequentiam*) до связи между личностью говорящего и достоверностью его или ее утверждений в аргументах к человеку, авторитету или экспертному мнению. Фактическая, или эмпирическая, верифицируемость истинности посылок индуктивного аргумента позволяет выводить из них заключения с вероятностью того, что заключение истинно, эта вероятность может быть выше или ниже, в зависимости от содержания посылок. Правдоподобность истинности заключения в презумптивном аргументе основана на фальсифицируемости посылок, так что они истинны и, стало быть, поддерживают истинность заключения лишь до тех пор, пока нет свидетельств, что посылки не являются истинными. Иначе говоря, заключение правдоподобного аргумента истинно, если не найдется контраргумент.

Среди специалистов по аргументации проблемами аргумента к незнанию особенно интересовались представители диалектического подхода Д. Уолтона, предложившего для презумптивных аргументов набор схем аргументации – контекстуальных аналогов логической формы для дедуктивных аргументов. По аналогии с логической формой схема аргументации уточняет характер связи между посылками и заключением презумптивного аргумента, однако, в отличие от логической формы, схема аргументации не обеспечивает необходимую истинность заключения. Для проверки валидности презумптивных рассуждений был предложен ряд критических вопросов по каждой из схем, с помощью которых один агент дискуссии может подвергнуть рассуждения другого критике. Только в том случае, если второму агенту удастся в ответ защитить свое рассуждение в процессе диалога, оно будет считаться обоснованным. Критические вопросы формулируются для каждой схемы аргументации специально. Обоснованность правдоподобного аргумента зависит от схемы аргументации и ответов на критические вопросы к ней, совместимых с заключением.

Между презумптивными рассуждениями в целом, АКН и АОТ существует тесная взаимосвязь, которая проявляется в том, что все презумптивные аргументы исходят из предположения об отсутствии контрфактической информации. То есть все они остаются в силе

до тех пор, пока не появится противоречащий факт. Все лебеди белые, пока нет черного. Все птицы летают, пока мы не повстречаем пингвина.

Подтверждением этой связи служит, например, тот факт, что многие общеизвестные презумпции являются АКН или АОТ. Так, в статистике существует нулевая гипотеза об отсутствии связи между явлениями, пока не получено данных о ее наличии; в праве – презумпция смерти, презумпция невиновности обвиняемого [9].

Презумпция смерти состоит в том, что согласно ст. 45 Гражданского кодекса Российской Федерации суд может объявить гражданина умершим, если в месте его жительства отсутствуют сведения о месте его пребывания в течение пяти лет или даже раньше – в течение шести месяцев, если он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или позволяющих предполагать его гибель. Эту презумпцию можно интерпретировать как АКН в том смысле, что родственники или компетентные органы приложили усилия для поиска информации о месте пребывания человека, или как АОТ, потому что, если человек был бы жив, он бы дал о себе знать за столь продолжительное время. Презумпция невиновности обвиняемого – это разновидность АКН. Согласно ст. 14. УПК РФ она состоит в том, что «обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [10]. Подразумевается, что обвиняемый невиновен до тех пор, пока судебные органы не приложат соответствующие профессиональные усилия для доказательства обратного, вследствие чего презумпция будет либо отброшена, если удастся доказать его виновность в суде, либо станет юридической истиной в противоположном случае.

В этих версиях АКН речь идет о том, чтобы отбросить предположение вследствие его несовместимости с информацией, свидетельствующей об обратном, поэтому можно заключить, что АКН отсылает к логическому постулату не-противоречия, напоминая доказательство от противного. Помимо этого, АОТ также апеллирует к полноте «тишины», к ее исчерпывающему характеру.

Стремление установить логические свойства АКН вызвало научную полемику, ход которой подробно излагается в статье М. Д. Хинтона [11], на нее мы полагаемся в изложении основных точек зрения ее участников. И. Копи и К. Коэн, авторы влиятельного американского учебника логики, определили АКН как умозаключение, в котором делают вывод, что «предложение верно лишь на основании того, что оно не была доказано как ложное» [5, с. 93]. Другое определение АКН было дано Д. Зарефским. Он отмечал, что «апелляция к незнанию допускает, что утверждение должно быть истинным (или ложным), потому что противоположная позиция не может быть опровергнута (или доказана)» [11, с. 186]. Хинтон считает, что эти два определения уже содержат в себе два противоположных подхода к АКН. В определении Копи и Коэна Хинтон (как и мы выше) указывает на логическую ошибку, поскольку заключение об истинности предложения логически не следует с необходимостью из посылок, утверждающих, что не доказана его ложность. Второе же определение говорит о том, что несмотря на то, что рассуждение является дедуктивно несостоятельным, оно может рассматриваться в качестве хорошего аргумента. Происходит это за счет того, что мы допускаем заключение как правдоподобно истинное, а не выводим его посредством дедуктивного умозаключения. Таким образом, второе определение характеризует АКН как отменяемое рассуждение.

Д. Уолтон считает, что отменяемый характер АКН обусловлен неполнотой информации, и если АКН поместить в условия, когда у нас есть весь список релевантных свидетельств, окажется, что АКН будет дедуктивным [12]. Оксфорд и Хан называют такой тип аргумента эпистемическим, а условия, в которых на него можно положиться, – эпистемической замкнутостью. Этот термин близок идее очерчивания, или доверительному алгоритму в немонотонной логике, когда из подмножества посылок выводят достоверные заключения при помощи отбрасывания несовместимых утверждений [8]. Примером может служить следующее рассуждение: «Имеется список всех победителей чемпионата мира по футболу с момента начала соревнований. Польши нет в этом списке. Я прихожу к выводу, что Польша никогда не выигрывала чемпионат мира по футболу» [11, с. 194]. Однако в таком случае неясно, почему такой аргумент стал бы называться АКН, поскольку для незнания в условиях полноты свидетельств не остается места, в то время как остается задача проверки совместимости поступающих сведений.

Результаты и обсуждение. На практике презумптивные рассуждения часто оказываются неполными: чтобы определить тип, к которому относится тот или иной аргумент, его необходимо реконструировать. Для восстановления имплицитных посылок большое значение имеет выбор схемы аргументации, после чего становится возможной проверка обоснованности презумптивных аргументов с помощью критических вопросов. Для АКН Д. Уолтон приводит следующую схему аргументации [15, с. 254]:

Большая посылка: *Если бы А было истинным, А было бы известно в качестве истинного.*

Меньшая посылка: *А не является известным в качестве истинного.*

Заключение: *А – ложно.*

Критические вопросы для этой схемы:

CQ1 *Насколько полон поиск знаний в ходе расследования?*

CQ2 *Насколько полными должны быть знания, чтобы адекватно поддержать аргумент?*

Данная схема, а также критические вопросы были подвергнуты критике в исследовательской литературе. Основной мишенью оказалась формулировка «быть известным в качестве истинного». Хинтон предлагает свою интерпретацию для схемы аргумента к незнанию [11, с. 201]:

1. *Нет достоверных доступных нам данных о том, что р.*

2. *Резонно ожидать, что если бы р было истинно, имелись бы достоверные доступные нам данные о р.*

3. *Следовательно, р не истинно.*

Критические вопросы Хинтон формулирует следующим образом:

CQ1 *Действительно ли нам недоступны эти данные?*

CQ2 *Разумно ли ожидать что эти данные станут доступны нам?*

Как видно, в версии Хинтона схема приобрела более детализированный вид. В первом критическом вопросе уточняется само отсутствие данных у нас, проверяется первая

посылка или выполнение рассуждающим эпистемического бремени. Если такие данные будут обнаружены, для чего должны быть приложены соответствующие усилия, то аргумент сразу же окажется необоснованным. Второй вопрос нацелен на проверку второй посылки с другой стороны эпистемического бремени, а именно – со стороны самих данных.

С учетом нашей идеи эпистемического бремени CQ2 Хинтона разумно разделить на два: если допустить, что имеет место положение дел, описываемое в *p*, повлечет ли это за собой наличие данных, свидетельствующих о *p*? И будут ли эти данные доступны нам? Такая постановка вопросов отражает два различных аспекта: первый вопрос относится к положению дел и к его способности порождать свидетельства (данные), совместимость которых предстоит оценить, а второй – относится к самому агенту и уточняет выполнение вытекающей из эпистемического бремени обязанности прилагать когнитивные усилия. Только если оба эти фактора налицо, мы получаем значимое отсутствие свидетельств (данных), которое и будет говорить в пользу того, что мы имеем дело с обоснованным аргументом к незнанию.

Таким образом, мы предлагаем следующие критические вопросы к схеме Хинтона:

*CQ1 Действительно ли отсутствуют эти данные о *p*?*

*CQ2 Вызывает ли положение дел *p* наличие соответствующих данных (свидетельств) о себе?*

*CQ3 Стоит ли ожидать что эти данные о *p* станут эпистемически доступны нам?*

Для того чтобы лучше понять, как работают эти критические вопросы, попробуем разобрать с их помощью простое рассуждение. Допустим, мы предполагаем, что утверждение о том, что Иван, наш сосед и взрослый мужчина, болел ветрянкой на прошлой неделе, не является истинным, т. е. Иван не болел ветрянкой, потому что, если бы он болел ею, мы бы это обязательно заметили.

Чтобы проверить, является ли данное рассуждение обоснованным, нам будет необходимо дать ответы на соответствующие критические вопросы.

CQ1 Действительно ли отсутствуют данные о ветрянке у Ивана?

Данными о ветрянке послужили бы высыпания на коже Ивана. Были ли они? Допустим, что на прошлой неделе их не было. Этот ответ не противоречит заключению о том, что Иван не болел ветрянкой на прошлой неделе.

CQ2 Вызывает ли положение дел «Иван болел ветрянкой на прошлой неделе» наличие соответствующих данных (свидетельств) о себе?

В нашем примере это вопрос о том, вызывает ли ветрянка видимую сыпь на коже взрослого человека. Ответ на него утвердительный, потому что с очень высокой вероятностью ветрянка вызывает сыпь. Стало быть, наш вывод о том, что Иван не болел ветрянкой на прошлой неделе, совместим и с ответом на второй вопрос. И, наконец, третий вопрос:

CQ3 Разумно ли ожидать, что данные о ветрянке у Ивана будут нам эпистемически доступны?

Если мы никогда прежде не видели Ивана или так случилось, что не виделись с ним именно на прошлой неделе, то разумно считать, что ответ отрицательный. Такой же ответ

будет в том случае, если из-за плохого зрения или темного времени суток мы не узнали Ивана, столкнувшись с ним на улице на прошлой неделе. В этом случае мы не сможем разглядеть сыпь. Но, допустим, что мы не знаем, что за болезнь ветрянки и какие у нее симптомы. Тогда мы не сможем распознать сыпь в качестве данных, свидетельствующих о ветрянке. Соответственно, мы не сможем ответить утвердительно на третий вопрос и будем считать, что рассуждение необоснованно. Таким образом, АКН требует определенных эпистемических компетенций и усилий со стороны рассуждающего, без которых проверить его обоснованность затруднительно. Это свидетельствует о том, что применительно к АКН имеет смысл говорить об интеллектуальных добродетелях рассуждающих [13], а не только о логических характеристиках утверждений, составляющих эту фигуру рассуждения.

Аргумент к тишине получил сравнительно меньше внимания научного сообщества, чем АКН. Вот его схема, предложенная Джоном Лэнгом [14]:

1. *Существует документ D или его функциональный эквивалент, в котором событие E не упоминается.*
2. *Автор D имел намерение исчерпывающе перечислить все члены множества событий, членом которого должно быть E.*
3. *E должно быть таким, чтобы, если бы оно произошло, автор D не мог бы его пропустить.*
4. *Следовательно, E не имело места.*

Как мы видим, АОТ, как и АКН, исходит из того, что у нас не оказывается определенной информации. Как же определить, является ли АОТ обоснованным? Предлагаем сделать это при помощи критических вопросов, и поскольку мы не смогли обнаружить критических вопросов к этой схеме аргументации в научных публикациях, остается только предложить свои собственные.

SQ1 Действительно ли событие E не упоминается в документе D?

SQ2 Намеревался ли автор полностью перечислить все релевантные события?

SQ3 Было бы событие E релевантным описываемому множеству событий?

SQ4 Имеются ли известные причины, по которым автор мог не упомянуть указанное событие?

Рассмотрим пример АОТ и проверим обоснованность при помощи критических вопросов.

Н. М. Карамзин, один из наиболее уважаемых русских историков, в «Истории государства Российского», фундаментальном компендиуме российской истории, не упоминает Марию Долгорукову в списке законных жен Ивана Грозного, значит, скорее всего, не существовало законной жены Ивана Грозного с таким именем.

SQ1 Действительно ли Мария Долгорукова не упоминается в «Истории государства Российского» в качестве законной жены Ивана Грозного?

Да, это так.

SQ2 Имел ли автор своим намерением перечислить всех законных жен Ивана Грозного?

Да.

СQ3 Был бы факт замужества М. Долгоруковой за Иваном Грозным релевантным для данного источника?

Определенно, да.

СQ4 Имеются ли причины, по которым автор не мог упомянуть данное событие?

Нет, о таких причинах нам неизвестно. Цензуры в отношении этого вопроса, насколько мы можем судить, во времена Карамзина не было. Нет причин сомневаться и в надежности этого источника. На основании ответов на критические вопросы, согласующихся с заключением нашего рассуждения, мы можем считать данный аргумент обоснованным. Отметим, что помимо совместимости ответов на СQ1 и СQ3 с заключением аргументов, отражающей фактическую сторону дела в связи с источником информации, важную роль играют ответы на вопросы СQ2 и СQ4. С одной стороны, они уточняют «исполнение» источником эпистемического бремени, что роднит АОТ с АКН. С другой стороны, они обеспечивают исчерпывающий характер отсутствия данных, что указывает на связь АОТ с презумпцией полноты применительно к источнику информации.

Итак, если обратить внимание на критические вопросы к схемам аргументации, становится очевидно, что в АОТ критические вопросы ориентированы к автору или источнику информации, который не является стороной дискуссии, в то время как в случае с АКН они направлены на ее участников. АКН можно было бы коротко резюмировать так: если бы это событие произошло, мы, приложившие достаточные когнитивные усилия для выяснения этого вопроса, не могли бы о нем не узнать, но мы не знаем об этом событии, поэтому его не было. Реконструкция АОТ такова: если бы событие произошло, уважаемый автор достоверного источника не мог бы про него не упомянуть, однако он его не упомянул. Значит, события не было.

Заключение. АОТ и АКН имеют много общего. Во-первых, оба аргумента являются презумптивными, а это значит, что правдоподобность заключения основана на фальсифицируемости посылок, т. е. на их способности парировать возражения в виде критических вопросов. Во-вторых, оба аргумента обоснованы через отсутствие данных и являются косвенными рассуждениями. Для проверки аргумента к незнанию задействуют логический принцип не-противоречия. К этому аргумент к тишине добавляет презумпцию полноты ожидаемых сведений. Схемы аргументации АКН и АОТ символизируют отменяемые рассуждения, они отражают существование некоторых эмпирических содержательных отношений между объектами в мире и знаниями людей об этих отношениях. Проверка обоснованности аргументов подразумевает детализацию и уточнение характера этого отношения в данном аргументе в соответствии с его схемой. Когда в ходе аргументативной дискуссии даются ответы на критические вопросы, мы проверяем наличие соответствующей правдоподобной связи между посылками и заключением. Если ответы на критические вопросы совместимы с заключением аргумента и его посылками, можно говорить, что в рамках дискуссии рассуждение должно быть признано обоснованным в правдоподобном смысле, т. е. оно обосновано до тех пор, пока его посылки способны отклонить возражения. Различие между двумя аргументами состоит в том, что в АКН эпистемическое бремя возложено на рассуждающих (участников дискуссии), а в АОТ – на источник информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Невский рак // ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга». URL: http://www.vodokanal.spb.ru/vodosnabzhenie/biomonitoring/nevskij_rak1/ (дата обращения: 01.08.2020).
2. Дойл А. К. Записки о Шерлоке Холмсе / пер. с англ. В. Михалюка. Харьков: Клуб семейного досуга, 2012.
3. Лепина М. Когда нужно «начинать бояться»: что делать, если ребенок потерялся? // Милосердие.ru. 2015. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/kogda-nuzhno-nachinat-boyatsya-cto-delat-esli-rebenok-poteryalsya/> (дата обращения: 01.08.2020).
4. Ивлев Ю. В. Логика. М.: Логос, 1998.
5. Copi I. M., Cohen C. Introduction to Logic. 8 ed. New York: Macmillan, 1990.
6. Hamblin C. L. Fallacies. London: Methuen, 1970.
7. Toulmin S. E. The uses of argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.
8. Лисанюк Е. Н. Аргументация и убеждение. СПб.: Наука, 2015.
9. Ст. 45. Объявление гражданина умершим // Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1. 1994. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 30.09.2020).
10. Ст. 14. Презумпция невиновности // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Ч. 1. 2001. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/50cc4ba5b9174a79ff3a7c8fe091aed08316c8f9/ (дата обращения: 30.09.2020).
11. Hinton M. D. On Arguments from Ignorance // Informal Logic. 2018. Vol. 38, № 2. P. 184–212. DOI: <https://doi.org/10.22329/il.v38i2.4697>.
12. Walton D. N. Arguments from Ignorance. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 1996.
13. Фролов К. Г. Интеллектуальная честность как интеллектуальная добродетель // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 2. С. 85–97. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-2-85-97>.
14. Lange J. The Argument from Silence // History and Theory. 1966. Vol. 5, № 3. P. 288–301.
15. Walton D. New directions in the logic of dialogue // Synthese. 1985. Vol. 63, № 3. P. 259–274. DOI: 10.1007/BF00485596.

Информация об авторах.

Лисанюк Елена Николаевна – доктор философских наук (2016), профессор кафедры логики Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор Школы философии и культурологии НИУ «Высшая школа экономики», Старая Басманная ул., д. 21/4, Москва, 105066, Россия. Автор 170 научных публикаций. Сфера научных интересов: логика, аргументация, деонтическая логика, история логики, формальная философия, логика действия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0135-4583>. E-mail: e.lisanuk@spbu.ru

Хамидов Алишер Асламович – аспирант кафедры логики, инженер-исследователь института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 7 научных публикаций. Сфера научных интересов: аргументация, философия действия, логика Аристотеля. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8306-885X>. E-mail: a.a.khamidov@yandex.ru

REFERENCES

1. "Nevsky crayfish", *SUE "Vodokanal of St. Petersburg"*, available at: http://www.vodokanal.spb.ru/vodosnabzhenie/biomonitoring/nevskij_rak1/ (accessed: 01.08.2020).

2. Doyle, A.K. (2012), *Zapiski o Sherloke Kholmse* [Notes about Sherlock Holmes], Transl. by Mikhalyuk, V., Klub Semeinogo Dosuga, Khar'kov, Ukraine.

3. Lepina, M. (2015), "When to "start to be afraid": what to do if the child is lost?", *Miloserdie.ru*, available at: <https://www.miloserdie.ru/article/kogda-nuzhno-nachinat-boyatsya-chto-delat-esli-rebenok-poteryalsya/> (accessed: 01.08.2020).

4. Ivlev, Yu.V. (1998), *Logika* [Logic], Logos, Moscow, RUS.

5. Copi, I.M. and Cohen, C. (1990), *Introduction to Logic*, 8 ed., Macmillan, New York, USA.

6. Hamblin, C.L. (1970), *Fallacies*, Methuen, London, UK.

7. Toulmin, S.E. (1958), *The uses of argument*, Cambridge University Press, Cambridge, USA.

8. Lisanyuk, E.N. (2015), *Argumentatsiya i ubezhdenie* [Argumentation and persuasion], Nauka, SPb, RUS.

9. "Art. 45. Declaring a citizen as deceased" (1994), *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation], part 1, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (accessed 30.09.2020).

10. "Art. 14. Presumption of innocence" (2001), *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation], part 1, available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/50cc4ba5b9174a79ff3a7c8fe091aed08316c8f9/ (accessed 30.09.2020).

11. Hinton, M.D. (2018), "On Arguments from Ignorance", *Informal Logic*, vol. 38, no. 2, pp. 184–212. DOI: <https://doi.org/10.22329/il.v38i2.4697>.

12. Walton, D.N. (1996), *Arguments from Ignorance*, The Pennsylvania State University Press, University Park, PA, USA.

13. Frolov, K.G. (2020), "Intellectual Integrity as Intellectual Virtue", *Siberian Journal of Philosophy*, vol. 18, no. 2, pp. 85–97. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-2-85-97>.

14. Lange, J. (1966), "The Argument From Silence", *History and Theory*, vol. 5, no. 3, pp. 288–301.

15. Walton, D. (1985), "New directions in the logic of dialogue", *Synthese*, vol. 63, no. 3, pp. 259–274. DOI: 10.1007/BF00485596.

Information about the authors.

Elena N. Lisanyuk – Dr. Sci. (Philosophy) (2016), Professor at the Department of Logic, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the School of Philosophy and Cultural Studies, The Higher School of Economics, 21/4 Staraya Basmannaya str., Moscow 105066, Russia. The author of 170 scientific publications. Area of expertise: logic, argumentation, deontic logic, history of logic, formal philosophy, logic of action. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0135-4583>. E-mail: e.lisanuk@spbu.ru

Alisher A. Khamidov – Postgraduate at the Department of Logic, Research Engineer at the Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 7 scientific publications. Area of expertise: argumentation, philosophy of action, logic of Aristotle. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8306-885X>. E-mail: a.a.khamidov@yandex.ru

Значение мировоззренческих парадигм в формировании концептуального основания социального прогноза

Р. В. Федоров[✉], Л. А. Пафомова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

[✉]rvfedorov@etu.ru

Введение. Прогнозирование в социальной философии направлено на предвосхищение и формирование концептуального образа будущего общества. Методологической основой построения общей схемы развития для достижения желаемого состояния социальной системы являются мировоззренческие и культурно-исторические парадигмы. Философский анализ исторического процесса, несмотря на все его многообразие, позволяет выявить фундаментальные детерминанты, которые являются основой для геополитических сдвигов в мире. Обоснование сценариев и моделей будущего мироустройства предполагает достижение зоны устойчивости благодаря унификации характера взаимоотношений между реальными акторами мировой истории. Унификация характера алгоритмов взаимодействия не означает исключения национальных интересов и нивелирования цивилизационных особенностей акторов. Основная цель формулируется в контексте необходимости достижения приемлемого для всех сторон компромисса в условиях конкуренции на геополитическом пространстве. В ситуации конфронтации мировоззренческие установки, направленные на получение одностороннего выигрыша, будут неизбежно корректировать параметры социального прогноза со стороны акторов, которые рассматриваются как объект такого воздействия.

Методология и источники. Методологическая основа работы – использование философской методологии сравнительного анализа на материале мировоззренческих и политических нарративов в геополитических сценариях, которые являются базовыми для концептуального обоснования способов достижения конкретных политических целей. Анализируются парадигма цивилизационной глобализации и экспертно-прогностические рекомендации, обосновывающие механизмы воздействия для осуществления задач, направленных на изоляцию социальных систем, ценности которых, с точки зрения западной политической элиты, несовместимы с либерализмом.

Результаты и обсуждение. В статье рассматриваются особенности социального прогнозирования, обусловленные наличием объективной ресурсной базы для осуществления намеченных целей и механизмом принятия политических решений. В силу действия в обществе большого числа переменных, влияющих на динамику его функционирования, наличие субъективного фактора позволяет реализовывать вариативность его развития. Конкуренция геополитических интересов основных акторов исторического процесса расширяет диапазон неопределенности в способах и механизмах реализации достижения поставленных целей. Субъектами политического управления определяется специфика формирования адекватного реагирования в ответ на доктрины однополярного стратегического доминирования. Мобилизация экономических и политических ресурсов позволяет сохранять свою цивилизационную идентичность в противостоянии экспансионистским геополитическим стратегиям.

© Федоров Р. В., Пафомова Л. А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. В реальном мире либеральные ценности не обладают статусом всеобщей универсальности. Теоретическо-методологические принципы при формировании социального прогноза становятся важнейшим звеном в современных условиях. Россия в сфере геополитики должна позиционировать себя как гуманитарно-ориентированная политическая сила, обеспечивающая сохранение традиций и самобытности всех народов. Это позволит создавать платформу для объединения социальных движений, отстаивающих аналогичные мировоззренческие позиции в политической борьбе.

Ключевые слова: социальный прогноз, мировоззренческие установки, геополитические интересы, зона влияния, акторы, национальные стратегии.

Для цитирования: Федоров Р. В., Пафомова Л. А. Значение мировоззренческих парадигм в формировании концептуального основания социального прогноза // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 17–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-17-31

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 22.12.2020; принята после рецензирования 12.01.2021; опубликована онлайн 25.02.2021

The Importance of Worldview Paradigms in Formation of the Conceptual Foundation Social Forecast

Roman V. Fedorov[✉], Ludmila A. Pafomova

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

[✉]rvfedorov@etu.ru

Introduction. Forecasting in social philosophy is aimed at anticipating and forming a conceptual image of the future society. The methodological basis for constructing a development scheme for achieving the desired state of the social system is ideological and cultural-historical paradigms. A philosophical analysis of the historical process, despite all its diversity, allows us to identify fundamental determinants that are used for geopolitical shifts in the world. The unification of the nature of the interaction algorithms does not mean the exclusion of national interests and the levelling of the civilizational characteristics of the actors. The main goal is formulated in the context of the need to reach a compromise acceptable to all parties in the face of competition in the geopolitical space. In a situation of confrontation, attitudes aimed at one-sided gain will inevitably adjust the parameters of social forecast on the part of the actors who are regarded as the object of such influence.

Methodology and sources. As a methodological basis for work, the authors use the philosophical methodology of comparative analysis on the material of worldview and political narratives in geopolitical scenarios, which are basic for the conceptual substantiation of ways to achieve specific political goals. The article analyzes the paradigm of civilisational globalisation and expert-prognostic recommendations substantiating influence mechanisms for the implementation of tasks aimed at isolation of social systems whose values, from the point of view of the Western political elite, are incompatible with liberalism.

Results and discussion. The article examines the features of social forecasting, which are determined by the availability of an objective resource base for the implementation of the intended goals and the mechanism for making political decisions. Due to the large number of variables in society that affect the dynamics of its development, the presence of a subjective factor makes it possible to realize the variability of its development.

Competition of the geopolitical interests of the main actors in the historical process increases the range of uncertainty in the ways and mechanisms for achieving the set goals. The subjects of political control determine the specifics of the formation of an adequate response in response to the doctrine of unipolar strategic domination. The mobilization of economic and political resources allows maintaining civilizations identity in opposition to expansionary geopolitical strategies.

Conclusion. In the real world, liberal values do not have the status of general universality. Theoretical and methodological principles in the formation of social prognosis become the most important link in modern conditions. In the sphere of geopolitics, Russia should position itself as a humanitarian-oriented political force, ensuring the preservation of traditions and the identity of all peoples. This would help to create a platform for uniting social movements advocating similar world view positions in the political struggle.

Key words: social forecast, worldview, geopolitical interests, zone of influence, actors, national strategies.

For citation: Fedorov R. V., Pafomova L. A. The Importance of Worldview Paradigms in Formation of the Conceptual Foundation Social Forecast. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 17–31. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-17-31 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.12.2020; adopted after review 12.01.2021; published online 25.02.2021

Введение. Прогнозирование в социальной философии направлено на предвосхищение и формирование концептуального образа будущего общества. Методологической основой построения общей схемы развития для достижения желаемого состояния социальной системы являются мировоззренческие и культурно-исторические парадигмы. Философский анализ исторического процесса, несмотря на все его многообразие, позволяет выявить фундаментальные детерминанты, которые являются основой для геополитических сдвигов в мире. Обоснование сценариев и моделей будущего мироустройства предполагает достижение зоны устойчивости благодаря унификации характера взаимоотношений между реальными акторами мировой истории. Унификация характера алгоритмов взаимодействия не означает исключения национальных интересов и нивелирования цивилизационных особенностей акторов. Основная цель формулируется в контексте необходимости достижения приемлемого для всех сторон компромисса в условиях конкуренции на геополитическом пространстве. В ситуации конфронтации мировоззренческие установки, направленные на получение одностороннего выигрыша, будут неизбежно корректировать параметры социального прогноза со стороны акторов, которые рассматриваются как объект такого воздействия.

Методология и источники. Методологическая основа работы – использование философской методологии сравнительного анализа на материале мировоззренческих и политических нарративов в геополитических сценариях, которые являются базовыми для концептуального обоснования способов достижения конкретных политических целей. Анализируются парадигма цивилизационной глобализации и экспертно-прогностические рекомендации, обосновывающие механизмы воздействия для осуществления задач, направленных на изоляцию социальных систем, ценности которых, с точки зрения западной политической элиты, несовместимы с либерализмом.

Понимание исторического процесса, как правило, связано с объяснением необходимости и закономерности свершившихся событий постфактум. Исследователю доступна необходимая информация, связанная с раскладом социальных компонентов, влияющих на итоговый выбор пути развития социальной системы. Этот анализ основывается на реальных показателях экономического состояния описываемого социального объекта с учетом динамики его изменения за конкретный период. В этом контексте рассматриваются возможные варианты развития событий с учетом как внутривнутриполитических, так и геополитических факторов. В зависимости от мировоззренческих предпочтений исследователя формируется вектор допустимых изменений социальной системы, отличающихся от реально зафиксированного состояния последней в исследуемом временном диапазоне. Предполагается, что полученные в результате исследования сценарии возможных путей развития будут служить основой для составления прогноза на будущее. В данном случае временной шаг прогнозирования горизонта событий ограничивается границей поколений, т. е. речь идет о реальной возможности модифицирования социальной среды, механизмы влияния на которую соответствуют целям и задачам представленного плана действий, и результаты этого воздействия можно будет фиксировать в конкретных социальных параметрах.

Результаты и обсуждение. В диапазоне границы поколения можно учитывать не только общую цивилизационную составляющую, но и специфику исторического культурного кода, традиции в восприятии окружающей исторической среды, тенденции развития технико-экономического блока, внутренние социально-политические и общие геополитические факторы. Ретроспективный анализ не может быть применен при составлении конкретного прогноза, что подразумевает высокую степень вероятности его осуществления в границах от 5 до 30 лет. Те факты, что каменный век завершился не потому, «что закончились камни», а рабовладельческая формация неизбежно будет трансформирована и исчезнет как способ функционирования общества, дают понимание о наличии общих объективных законов развития мира. Построение точной модели прошлых исторических событий фиксирует лишь применимость используемой методики для описания выбранного предшествующего периода. Объективных критериев, позволяющих определить ее эвристическую ценность для прогнозирования будущих состояний социальной системы, нет.

При составлении социальных прогнозов важно понимать, что характер развития общества даже на локальных временных отрезках представляет собой необратимый процесс. Вернуть систему в исходное состояние невозможно, так как составляющие ее элементы и сложный характер взаимосвязи между ними создают принципиально новую конфигурацию. Поэтому принципиально важно не только уметь адекватно анализировать динамику изменения прогнозируемых показателей, но и быть уверенным, что исходные предпосылки и данные репродуцируют реальные социальные процессы. По аналогии с процессом создания программного обеспечения социальный прогноз можно представить как программу с открытым кодом, что позволяет его совершенствовать для достижения в будущем заложенных в нем итоговых показателей. Уровень абстрагирования исходных данных при составлении программы воздействия на социальный объект не должен трансформироваться до уровня идеализированных моделей. Идеализированные модели имеют свою функцию – помогают понять наиболее существенные свойства системы в целом. Используемые в идеальных моделях параметры и характеристики не соответствуют существующей в

реальном масштабе времени социальной системе. Их предназначение состоит в формировании исторической парадигмы, а не прагматических рекомендаций при формировании социальных прогнозов.

Реальная обстановка на геополитической арене в целом принципиально не отличается от ситуации в мире 70–80-х годов прошлого века. Она также характеризуется общей нестабильностью и неопределенностью. Роль международных институтов, включая ООН, снижается. Формально сохраняя свое нормативное значение, они не в состоянии не только обеспечить решение глобальных проблем, но и адекватно реагировать на региональные политические, социальные и экономические конфликты. Международное право фактически заменяется созданием «правил», выполнение которых преследует интересы отдельных стран или временных альянсов путем декларирования устраивающих их вариантов «дорожной карты». При этом скорость многофакторных изменений в мире, если посмотреть только на события 2020 г., кардинальным образом отличается от динамики изменения обстановки 70–80-х гг. XX в. В аспекте внешней политики закономерно прослеживается тенденция перехода на «ручное управление», так как возрастает роль субъективного фактора при принятии решения, когда основные акторы объективно не могут просчитать глобальные риски, даже если они являются «предвиденными», в силу невозможности точно рассчитать последствия на длительную перспективу. Ситуация осложняется тем, что прикрытие разногласий дипломатическими средствами, по сути, не решает кардинально ликвидацию враждебных отношений между ведущими акторами в геополитическом раскладе. Принципиальное расхождение существует в понимании национальными государствами «унифицированной» парадигмы культурного кода глобального сообщества, который, с точки зрения его адептов, делит страны на «неправильные», «отсталые» и «избранные» в достижении истинных морально-этических норм. Миссия «избранной» страны – изменить «неправильные» страны и указать им путь к «Граду на холме». В случае реализации возможности управлять и руководить глобальным миром у стран-«ревизионистов» нет иллюзий по вопросу, какими средствами и методами этот проект будет осуществляться.

Основными субъектами формирования геополитики сегодня выступают три великие державы: США, Китай и Россия. США последовательно прилагает усилия с целью вовлечения в свой альянс как можно больше региональных акторов, помимо традиционных союзников по блоку НАТО. Окончательная расстановка сил на мировой арене будет зависеть от того, насколько эффективно и прагматично каждая из них сможет прогнозировать свои действия с учетом имеющихся в их распоряжении ресурсов влияния.

В этом аспекте действия, предпринятые с прагматическими целями, в итоге могут изменить мировой расклад сил, на который изначально не были рассчитаны.

Стратегический просчет в выборе средств для устранения усиливающейся мощи СССР был допущен США в 1971 г. после тайного визита помощника президента США по вопросам национальной безопасности Генри Киссинджера в Китай. Объединяющей платформой для достижения сотрудничества было противостояние «гегемонизму», «целью тогда состояла в том, чтобы создать баланс против Советского Союза» [1]. Китай получил от этого сотрудничества не только доступ к инвестициям и технологиям, но и по факту – подтверждение статуса великой державы. В 1971 г. Генеральная ассамблея ООН лишила Тайвань места в Совете Безопасности ООН, а КНР стала постоянным членом Совета Безопасности. Без изменения позиции США такое решение было бы невозможным. С точки зрения

США, принципиально вектор общего доминирования Вашингтона не мог быть ослаблен этим внешнеполитическим маневром, так как Китай должен был оставаться на вторых ролях. «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит, в конце концов, из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия» [2, с. 40]. В этом контексте США рассматривали политику разрядки как стратегию ведения конфликта с СССР, что позволило Рейгану использовать доступный ему промежуток времени с большим тактическим мастерством и весьма впечатляющим эффектом в итоге [3].

Оценивая геополитическую реальность, Бжезинский в 2016 г. отмечал, что в выборе возможных партнеров из двух потенциально опасных стран Россия является главным противником, «но в перспективе им может стать Китай» [4]. В Стратегии Национальной безопасности 2017 г. в перечислении стран-«ревизионистов» первым уже упоминается Китай. России в этом списке отводится второе место. Их объединяет стремление оспорить геополитические преимущества Америки и попытки изменить международный порядок в свою пользу [5].

В настоящее время политическая элита США пришла к выводу, что был допущен стратегический просчет в прогнозировании меняющейся системы международных отношений. Признана необходимость выработки новой национальной стратегии для борьбы с беспрецедентной угрозой для Америки со стороны Китая. Отмечается, что решительные действия для предотвращения этой угрозы будут связаны с экономическими потрясениями и возможным концом глобалистского мирового порядка. «Однако мы должны поставить себя перед вопросом: есть ли у нас выбор?» [6]. На этот риторический вопрос ответ с точки зрения американского истеблишмента может быть только один – выбора нет, какой бы ни была его стоимость.

Переоценка политики Ричарда Никсона в отношениях с Китаем призвана скорректировать недопущение подобных вариантов действий в отношении с другими странами. Сделан вывод, что по прошествии почти полувека (в 2021 г. будет ровно 50 лет со дня секретной миссии Генри Киссинджера в Китай) приходится признавать суровую истину: XXI в. может быть не «свободным», а китайским. Госсекретарь США Майк Помпео в июле 2020 г. в апокалипсических красках описал возможность такого варианта. «Если мы сейчас преклоним колени, то дети наших детей могут оказаться во власти Китайской коммунистической партии, чьи действия являются главной проблемой сегодня в свободном мире» [7]. Вызов со стороны Китая заключается не только в сопоставимом с Америкой экономическом и военном потенциале. Принципиальное расхождение заключается в цивилизационном различии и боязни непоправимого урона, который Пекин может нанести американской модели экономического и политического развития в целом. «Китай присоединился к американскому миропорядку не для того, чтобы помочь его сохранению, а для того, чтобы бросить ему вызов изнутри» [8].

Киссинджер предлагал администрации США возобновить сотрудничество с Россией как вариант противостояния усиливающейся угрозе со стороны КНР. Осуществить повторение тактики 70-х годов для Дональда Трампа в современных реалиях было неприемлемо, так как это означало бы фактически помощь не только в технологической модернизации России, но и укрепление ее военного потенциала. Повторять вариант, при котором,

«возможно, мы создали Франкенштейна», никому не хочется. Как утверждает Вильям Сафайр, бывший спичрайтер президента, именно так Ричард Никсон охарактеризовал итог политики по отношению к Китаю.

В данном конкретном случае конструкция будущего миропорядка, сформулированная в качестве прогноза с последующей его реализацией, не была плодом не имеющих под собой основания расчетов. В распоряжении США были необходимые экономические и политические ресурсы. Методы, предпринятые Никсоном совместно с советником по национальной безопасности Киссинджером, были «шедевром оборонительной реалистической стратегии» [9]. Произошла абсолютизация одного из возможных состояний системы. Если один из сценариев развития рассматривается как фатально-неизбежный, то вероятность его осуществления будет оставаться под вопросом. Следовательно, стратегическая ошибка заключалась не в выборе тактического плана действия, а в способе его реализации. Одним из последствий такого подхода, в частности, стала деградация, затронувшая «ржавый пояс Америки».

Надо различать два взаимосвязанных блока. Один – глобальная стратегия, второй – тактическая стратегия, успешность которой достигается за счет социального прогноза. Он имеет ограниченные временные рамки, является вероятностным и должен предполагать возможность его корректировки или полную блокировку задействованных ресурсов для его выполнения.

Применительно к России глобальная стратегия США не претерпевает принципиальных изменений. Отношение к России как к «империи зла» при Рональде Рейгане или как к стране, вовлеченной «в сферу дипломатического и экономического партнерства» (Стратегия Национальной безопасности 2002 г. [10]), при Джиме Картере не меняли суть общего подхода. В 1997 г. в обстановке наиболее «дружественных» отношений, Бжезинский надеялся на распад России на Европейскую, Сибирскую и Дальневосточную республики, так как это обеспечивало бы «более широкие возможности для использования местного творческого потенциала, на протяжении веков подавлявшегося тяжелой рукой московской бюрократии» [2, с. 240]. «Партнерские отношения» подразумевали односторонний выигрыш на геополитическом поле. Значение социального прогноза состоит в том, что он может помочь скорректировать способы достижения стратегических целей в интервале принятия тактических политических решений и действий. Вопрос заключается в том, принимает ли политическая элита сценарий предполагаемой динамики развития социальной системы как научно обоснованный или рассматривает его как вариант интеллектуальной игры, которая по своим параметрам мало отличается от гадания на кофейной гуще. Интервенционистская стратегия воздействия с целью полного контроля за проведением глобальной геополитики становится невозможной при сопоставлении непропорциональных затрат материальных и политических ресурсов с возможной итоговой выгодой.

В 1987 г. в исследованиях по вопросу будущего состояния основных тенденций мирового развития были представлены два варианта развития событий. Концепция о «конце истории» Ф. Фукуямы и предупреждение об «имперском перенапряжении» П. Кеннеди. В конце XX в., после ликвидации СССР, анализ Кеннеди воспринимался как околону научная фантастика (в частности, Джо Байденом, на тот момент вице-президентом в администрации Б. Обамы).

По прошествии более чем 30-летнего срока с момента опубликования прогнозов есть возможность сравнить их с реальными фактами. Мировоззренческие предпочтения и идеологическая ангажированность политических элит Запада мешали беспристрастно оценить выводы Кеннеди. «...Американским государственным деятелям необходимо признать, что сложившиеся устойчивые тенденции необратимы, а делами нужно “управлять” так, чтобы относительная эрозия позиции Соединенных Штатов происходила медленно и плавно, а не ускорялась недальновидной политикой, приносящей лишь кратковременное преимущество и ставящей страну в невыгодное положение в долгосрочной перспективе» [11, с. 843]. Идеологическая парадигма развития Ф. Фукуямы, как впоследствии признал сам автор, оказалась не соответствующей реальной траектории и содержанию исторического процесса [12].

На тенденцию ослабления позиций США как единственного актора, определяющего геополитический вектор развития мира, оказывает влияние степень социальной устойчивости и стабильности американского общества. Выводы об «имперском перенапряжении» дополняются перспективой социально-политической нестабильности, предсказанной в 2010 г. на основе структурно-демографической теории (SDT). Согласно прогнозу, начиная с 2020 г., данный процесс будет сопровождаться трансформацией конфликта интересов в конфликт ценностей [13]. Следует учитывать, что на время составления прогноза уровень социальной нестабильности (период с конца XX в. до 2010 г.) был в США низким. Как отмечает П. Турчин: «В США мы очень близко подошли к тому моменту, когда гражданская война или революция становятся вероятными. <...> Но что касается рецептов, позволяющих избежать второй гражданской войны? Это выходит за рамки моего научного исследования» [14]. От того, насколько трезво политический истеблишмент сможет оценить ситуацию и найти приемлемые для компромисса решения, будет зависеть устойчивость общества. Спонтанные, основанные на текущем преимуществе одной из сторон действия могут привести в итоге к непредсказуемым последствиям. Проблема заключается в том, что разногласия не исчезнут после выборов президента 3 ноября. Единственное, что является общим для противоборствующих сторон, – ненависть к кандидатуре политических соперников и допущение насильственных действий для доказательства своей правоты. Происходят процессы, которые затрагивают базовые мировоззренческие принципы.

Характерный пример в этом отношении – выборы в штате Миссисипи. Это был последний штат, где присутствовал боевой флаг Конфедерации. В бюллетень для голосования 3 ноября 2020 г. по выборам президента был внесен пункт с цветной фотографией нового флага [15]. Если в 2001 г. на референдуме о государственном флаге штата был предложен выбор между старым и новым образцом флага, то в 2020 г. был представлен только один вариант нового дизайна. Голосовать можно было за новый дизайн: да (71,2 %) либо нет (28,3 %) в формулировке «Поддерживаете голосование по другому новому дизайну флага, который будет представлен на специальных выборах в 2021 г.?» [16]. Борьба с проявлением «оскорбления идеалов демократии» происходит также в форме сноса памятников, которые лет десять тому назад никому не мешали. Сам процесс начался до выступлений Black Lives Matter. С мая 2020 г. уже сносят памятники не только конфедератам, но и напрямую не связанным с ними историческим личностям от Колумба до Тедди Рузвельта. Никто из них не сражался за Конфедерацию. Невозможно списать все сносы на самопро-

извольные массовые беспорядки. В основе этого движения идеологический фундамент. Цель – не просто переписать историю, а создать новую. «Теперь у Америки “нет героев” <...> потому что общество расколосось, и нет настоящих американцев, живых или мертвых, которые работают на сегодняшние США. <...> Это означает, что старая американская идеология явно проигрывает, и ее дни, похоже, сочтены. Но самое интересное, что нет реальной замены этим “устаревшим” героям» [17].

Это дает свои результаты. 62 % американцев боятся открыто высказывать свои политические взгляды [18]. На этом фоне происходит падение общего доверия к прошедшим 3 ноября 2020 г. выборам. Если до выборов 68 % избирателей Республиканской партии сообщали, что у них было хоть какое-то доверие к избирательной системе США, то после выборов за несколько дней этот показатель снизился до 34 % [19].

Модель социального прогноза по определению не может быть статичной. Мировой расклад сил видоизменяется не только вследствие изменения материальных ресурсов у акторов, но и в результате изменения политического вектора приоритетов в странах, способных оказать влияние на него. Возрастает роль субъективных факторов. Снижение эффективности во взаимодействии мировых держав для сдерживания и устранения региональных конфликтов в итоге может привести к глобальным изменениям геополитического ландшафта. Что, в свою очередь, будет создавать предпосылки увеличения вероятности возникновения прямого военного столкновения между основными акторами. В этом случае даже те страны, которые не готовы были пожертвовать своими стратегическими экономическими интересами, а ограничивались приемлемыми для них экономическими санкциями и «идеологической» поддержкой, будут в него вовлечены. Если не будут определены границы, переход за которые начнет увеличивать неопределенность для будущего существования цивилизационной самоидентификации основных акторов, то риск возникновения такого сценария мирового развития начнет непропорционально возрастать. «А если это будет совершенно невозможно, мы скатимся в ситуацию, подобную Первой мировой войне» [20].

Точка зрения Запада отражена в докладах, которые были представлены стратегическим исследовательским центром (RAND Corporation) в рамках программы «Стратегия, доктрина и ресурсы», спонсируемой армией США. Если резюмировать общие рекомендации по вопросам отношений с Россией, то они сводятся к анализу вариантов наилучшего способа разбалансировки противника с последующей дестабилизацией социальной системы страны. Предлагается широкий спектр мер для достижения поставленных целей. В информационном поле необходимо стремиться к инициации действий, которые могут нанести государству значительный урон. Напрямую не предлагается активизировать провокации по отношению к «недемократическому» режиму. Использование эвфемизмов типа «поддержка внутренних протестов и ненасильственных действий» не меняет смысловое содержание компании по дискредитации власти как внутри страны, так и на международной арене. Процесс усиления экономических санкций должен быть увязан с максимальным привлечением других стран для большей эффективности наносимого ущерба [21]. Указывается на необходимость жесткой блокировки геополитических интересов России в «серой зоне», в которую включено все постсоветское пространство [22]. С военно-политической точки зрения, Россия остается стратегическим врагом. Необходимо пред-

принимать усилия для сохранения позиций США как основной военной сверхдержавы. Опасность возможной утраты этого статуса к 2030 г. может привести к потере способности определять, когда и зачем в будущем будут возникать войны [23].

Констатация существования широкого спектра причин, вызывающих геополитическую нестабильность в мире, не означает невозможность выработки для России прогноза и рекомендаций, исходя из которых можно будет реализовывать достижение приемлемых для нее условий развития. Глобальные угрозы, которые могут быть реализованы в реальную трансформацию существующей социальной системы с разрушительными для России последствиями, должны быть четко артикулированы. Такой институциональный подход позволяет избежать многих стратегических ошибок, учесть национальные особенности России и обеспечить ее геополитическую безопасность. По аналогии с доктриной «Монро» необходимо концептуально зафиксировать цели России на постсоветском пространстве. Методы реализации целей в границах постсоветского пространства будут во многом зависеть от наличия соответствующих ресурсов и экономического состояния с учетом динамики его изменения. Компромиссы в меняющейся обстановке расклада макроэкономического и политического влияния не должны создавать иллюзию у глобальных и региональных акторов в отходе от принципиальных положений по отношению к очерченной зоне интересов России.

Формирование стратегии России на внешнем периметре должно осуществляться на двух уровнях. На первом уровне социальный прогноз будет состоять из модели предполагаемого состояния мировой системы отношений на основе существующих объективных факторов. Второй уровень – предпочтительное для России состояние, которого можно достичь с помощью имеющихся ресурсов и средств воздействия. Наличие такого прогноза будет выполнять функцию петли обратной связи, что позволит корректировать текущие действия. Положительный результат будет модифицировать саму модель предпочтительного состояния, усиливая более выгодные для страны параметры. Необходимо использовать имеющиеся разногласия внутри Западного блока.

Европейский союз не может обеспечить себе подлинную военную и политическую субъективность даже на региональном уровне. На наличие таких проблем указывают представители политической элиты Европы и Америки. В Мюнхенском докладе по безопасности (Munich Security Report 2020. Westlessness) фактически признается, что после последних десятилетий однополярной гегемонии США западная либеральная демократия Европейского союза впервые столкнулась с ситуацией, при которой встает дилемма: продолжать ли безоговорочно следовать в фарватере Вашингтона или попытаться выработать свою собственную стратегию действий? [24]. Бывший госсекретарь США Джордж Шульц отмечает, что отношения США «с большей частью остального мира также стали характеризоваться недоверием, граничащим с враждебностью» [25]. В самом Евросоюзе усилия по возрождению третьей Речи Посполитой с целью создания «Троеморья» показывают наличие у Польши собственных «европейских принципов». Польша «от моря до моря» по факту будет представлять угрозу не только экономическому, но и политическому доминированию Германии.

Отсутствие уверенности в безусловной поддержке при возникновении экстраординарных обстоятельств заставляет пересматривать парадигму о нерушимости партнерских

отношений даже у ближайших геополитических союзников. Стабильность и предсказуемость отношений в любой момент может быть нарушена событиями, аналогичными по последствиям пандемии COVID-19. С учетом того, что мировое лидерство США и до пандемии находилось на траектории спада, его потеря таит в себе опасность разрушения самой империи, отмечает Серджио Марчи. Правительству Канады следует рассматривать возможность этого варианта и понимать, что он будет означать для национальных интересов. «Мы должны сделать наши стратегические расчеты, не будучи застигнутыми врасплох и не будучи ограниченными сентиментальностью» [25]. С точки зрения бывшего председателя ВТО, надежды на то, что ничто не изменится, увеличивают риск потери политической и экономической стабильности Канады.

Заключение. Позиционирование России как цивилизации, которая сохраняет традиционные ценности в противовес Западному мейнстриму, позволит формировать на уровне гражданского общества социальные движения, поддерживающие аналогичные установки. В идеологическом контексте необходимо акцентировать, что в глобальном мире Россия выступает как гуманитарно ориентированная политическая сила, обеспечивающая сохранение традиций и самобытности всех народов. В противном случае современный проект западной глобализации на уровне отдельных стран может привести к потере их идентичности. Необходимо создавать платформу для объединения новых социальных движений, отстаивающих традиционные ценности, с учетом их становления как субъекта публичной политики и внутренней политической борьбы.

Государство, если оно ставит перед собой цель достижения стабильного развития, не может быть политически индифферентным. Надо использовать «мировой опыт», в частности, США. В данном случае неважно, мнимое или реальное влияние оказывают другие акторы на внутреннюю политику Америки, важен сам подход к этой проблеме. Необходимо законодательно исключить возможность «иностранных агентов» не только участвовать в политических выборных компаниях, но и иметь возможность осуществлять контроль за их проведением. Речь идет о всевозможных НКО с западным финансированием.

На уровне руководящей политической элиты должна быть четкая и понятная программа основных целей и задач России в геополитической перспективе. В мировоззренческом плане это означает отстаивание национальных интересов страны и сохранение ее государственного единства. В политическом – насколько политические партии соответствуют этим задачам. Сам по себе факт декларирования национальных интересов не является гарантией отстаивания этих интересов в экстремальной ситуации. Номинальный или номенклатурный лидер партии в кризисной обстановке не может гарантировать мобилизацию своих сторонников на противодействие центростремительных по отношению к обществу тенденций. Неопределенность ситуации в мире на фоне снижения экономических показателей верифицирует реальное влияние партийных структур на социальную систему. Следовательно, если власть предполагает, что существует вероятность неспособности парламентских партий отстаивать в формате уличных акций духовно-нравственные ценности народов Российской Федерации, исторические и национально-культурные традиции, то необходимо заранее оказывать содействие тем общественным движениям, которые смогут осуществить эту поддержку. Политическое руководство должно ясно и недвусмысленно объяснить, что оно понимает под «социально ответственной личностью» и «духовно-

нравственными ценностями». Необходимо признать, что в реальном мире либеральные ценности не обладают статусом всеобщей универсальности. Постановка стратегических задач в политическом плане оказывает мотивирующее воздействие на социум, соответственно теоретическо-методологические принципы при формировании социального прогноза становятся важнейшим звеном в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wainer D. Kissinger Warns U. S. and China Must Set Limits to Avoid a Blowup // Bloomberg. 2020. 7 Oct. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-10-07/kissinger-warns-u-s-and-china-must-set-limits-to-avoid-a-blowup> (дата обращения: 20.10.2020).
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы / пер. с англ. О. Ю. Уральской. М.: Международные отношения, 1998.
3. The Interview: Henry Kissinger // The National Interest. 2015. 19 Aug. URL: <http://www.nationalinterest.org/feature/the-interview-henry-kissinger-13615> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Brzezinski Z. Toward a Global Realignment // The American Interest. 2016. Vol. 11, № 6. URL: <https://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/> (дата обращения: 09.10.2020).
5. The National Security Strategy of the United States of America // The White House. 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (дата обращения: 16.10.2020).
6. Poindexter J., McFarlane R., Levine R. A New U. S. National Security Strategy: A World Transformed // The National Interest. 2020. 20 July. URL: <https://nationalinterest.org/feature/new-us-national-security-strategy-world-transformed-165173?page=0%2C2> (дата обращения: 14.09.2020).
7. Pompeo M. R. Communist China and the Free World's Future // U. S. Department of State. 2020. 23 July. URL: <https://www.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future/> (дата обращения: 14.09.2020).
8. Layne C. Coming Storms. The Return of Great-Power War // Foreign Affairs. 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-10-13/coming-storms> (дата обращения: 01.11.2020).
9. Beebe G. Balancing Great Power Politics in 2021 and Beyond // The National Interest. 2020. 17 Oct. URL: <https://nationalinterest.org/feature/balancing-great-power-politics-2021-and-beyond-170814?page=0%2C1> (дата обращения: 20.10.2020).
10. The National Security Strategy of the United States of America // U. S. Department of State. 2002. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (дата обращения: 15.09.2020).
11. Кеннеди П. Взлеты и падения великих держав. Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. / пер. с англ. Е. Калугина, М. Леоновича. Екатеринбург: Гонзо, 2018.
12. The Fight Over Identity Politics / S. Y. Abrams, J. Sides, M. Tesler and etc. // Foreign Affairs. 2019. Vol. 98, № 2. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-02-01/stacey-abrams-response-to-francis-fukuyama-identity-politics-article> (дата обращения: 15.09.2020).
13. Turchin P., Korotayev A. The 2010 structural-demographic forecast for the 2010–2020 decade: A retrospective assessment // PLOS ONE. 2020. № 15 (8). URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0237458> (дата обращения: 12.09.2020).
14. Turchin P. I predicted 2020 would be a mess for the U. S. Could that help prevent a second civil war? // The Globe and Mail. 2020. 3 July. URL: https://www.theglobeandmail.com/opinion/article-i-predicted-2020-would-be-a-mess-for-the-us-could-that-help-prevent/?utm_medium

=Referrer:+Social+Network+//+Media&utm_campaign=Shared+Web+Article+Links (дата обращения: 28.08.2020).

15. Sample Official Election Ballot State of Mississippi // 2020 General Election. 2020. URL: <https://www.sos.ms.gov/content/documents/elections/FINAL%202020%20Sample%20GE%20Ballot%20with%20Flag.pdf> (дата обращения: 02.11.2020).

16. Mississippi Ballot Measure 3, State Flag Referendum (2020) // Ballotpedia. 2020. URL: [https://ballotpedia.org/Mississippi_Ballot_Measure_3,_State_Flag_Referendum_\(2020\)](https://ballotpedia.org/Mississippi_Ballot_Measure_3,_State_Flag_Referendum_(2020)) (дата обращения: 06.11.2020).

17. Kirby T. Heroless America Is Losing Ideological Ground Quickly // The Strategic Culture Foundation. 2020. 19 June. URL: <https://www.strategic-culture.org/news/2020/06/19/heroless-america-is-losing-ideological-ground-quickly/> (дата обращения: 26.08.2020).

18. Ekins E. Poll: 62 % of Americans Say They Have Political Views They're Afraid to Share // Cato Institute. 2020. 22 July. URL: <https://www.cato.org/publications/survey-reports/poll-62-americans-say-they-have-political-views-theyre-afraid-share#introduction> (дата обращения: 02.09.2020).

19. Laughlin N., Shelburne P. Trust in Elections Erodes Further in Wake of Capitol Riot; Majority of Republicans Back Trump's Concession // Morning Consult. 2020. URL: <https://morningconsult.com/form/tracking-voter-trust-in-elections/> (дата обращения: 10.11.2020).

20. Overextending and unbalancing Russia. Assessing the Impact of Cost-Imposing Options / J. Dobbins, R. S. Cohen, N. Chandler and etc. // RAND Corporation. 2019. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (дата обращения: 10.08.2020). DOI: <https://doi.org/10.7249/RB10014>.

21. Russia's Hostile Measures. Combating Russian Gray Zone Aggression Against NATO in the Contact, Blunt, and Surge Layers of Competition / B. Connable, S. Young, S. Pezard and etc. // RAND Corporation. 2020. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2539.html (дата обращения: 15.08.2020). DOI: <https://doi.org/10.7249/RR2539>.

22. Peering into the Cristal Ball. Holistically Assessing the Future of Warfare / R. S. Cohen, N. Chandler, Sh. Efron and etc. // RAND Corporation. 2020. URL: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10073.html (дата обращения: 18.07.2020). DOI: <https://doi.org/10.7249/RB10073>.

23. Munich Security Report 2020. Westlessness // Munich Security Conference. 2020. URL: https://securityconference.Org/assets/user_upload/MunichSecurityReport2020.pdf (дата обращения: 25.07.2020).

24. Shultz G. P. On Trust // Foreign Service J. 2020. November. URL: <https://www.afsa.org/on-trust> (дата обращения: 20.11.2020).

25. Marchi S. Is the U. S. empire in jeopardy? // Macleans. 2020. 15 Apr. URL: <https://www.macleans.ca/opinion/is-the-u-s-empire-in-jeopardy/> (дата обращения: 26.06.2020).

Информация об авторах.

Федоров Роман Валентинович – кандидат философских наук (2007), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», ул. Проф. Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 46 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология исследования общества, геополитика. E-mail: rvfedorov@etu.ru

Пафомова Людмила Алексеевна – кандидат философских наук (2007), доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», ул. Проф. Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 51 научной публикации. Сфера научных интересов: методология научного исследования, аксиология науки. E-mail: lapafomova@etu.ru

REFERENCES

1. Wainer, D. (2020), "Kissinger Warns U.S. and China Must Set Limits to Avoid a Blowup", *Bloomberg*, 7 Oct., available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-10-07/kissinger-warns-u-s-and-china-must-set-limits-to-avoid-a-blowup> (accessed 20.10.2020).
2. Brzezinski, Z. (1998), *The Grand Chessboard. American primacy and its geostrategic imperatives*, Transl. by Ural'skaya, O.Yu., Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, RUS.
3. "The Interview: Henry Kissinger" (2015), *The National Interest*, 19 August, available at: <http://www.nationalinterest.org/feature/the-interview-henry-kissinger-13615> (accessed 10.10.2020).
4. Brzezinski, Z. (2016), "Toward a Global Realignment", *The American Interest*, vol. 11, no. 6, available at: <https://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/> (accessed 09.10.2020).
5. "The National Security Strategy of the United States of America" (2017), *The White House*, available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (accessed 16.10.2020).
6. Poindexter, J., McFarlane, R. and Levine, R. (2020), "A New U.S. National Security Strategy: A World Transformed", *The National Interest*, 20 July, available at: <https://nationalinterest.org/feature/new-us-national-security-strategy-world-transformed-165173?page=0%2C2> (accessed 14.09.2020).
7. Pompeo, M.R. (2020), "Communist China and the Free World's Future", *U.S. Department of State*, 23 July, available at: <https://www.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future/> (accessed 14.09.2020).
8. Layne, C. (2020), "Coming Storms. The Return of Great-Power War", *Foreign Affairs*, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-10-13/coming-storms> (accessed 01.11.2020).
9. Beebe, G. (2020), "Balancing Great Power Politics in 2021 and Beyond", *The National Interest*, 17 Oct., available at: <https://nationalinterest.org/feature/balancing-great-power-politics-2021-and-beyond-170814?page=0%2C1> (accessed 20.10.2020).
10. "The National Security Strategy of the United States of America" (2002), *U.S. Department of State*, available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed 15.09.2020).
11. Kennedy, P. (2018), *The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*, Transl. by Kalugin, E. and Leonovich, M., Gonzo, Ekaterinburg, RUS.
12. Abrams, S. Y., Sides, J., Tesler, M. and etc. (2019), "The Fight Over Identity Politics", *Foreign Affairs*, vol. 98, no. 2, available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2019-02-01/stacey-abrams-response-to-francis-fukuyama-identity-politics-article> (accessed 15.09.2020).
13. Turchin, P. and Korotayev, A. (2020), "The 2010 structural-demographic forecast for the 2010–2020 decade: A retrospective assessment", *PLOS ONE*, no. 15 (8), available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0237458> (accessed 12.09.2020).
14. Turchin, P. (2020), "I predicted 2020 would be a mess for the U.S. Could that help prevent a second civil war?", *The Globe and Mail*, 3 July, available at: https://www.theglobeandmail.com/opinion/article-i-predicted-2020-would-be-a-mess-for-the-us-could-that-help-prevent/?utm_medium=Referrer:+Social+Network++Media&utm_campaign=Shared+Web+Article+Links (accessed 28.08.2020).
15. "Sample Official Election Ballot State of Mississippi" (2020), *2020 General Election*, available at: <https://www.sos.ms.gov/content/documents/elections/FINAL%202020%20Sample%20GE%20Ballot%20with%20Flag.pdf> (accessed 02.11.2020).
16. "Mississippi Ballot Measure 3, State Flag Referendum (2020)" (2020), *Ballotpedia*, available at: [https://ballotpedia.org/Mississippi_Ballot_Measure_3,_State_Flag_Referendum_\(2020\)](https://ballotpedia.org/Mississippi_Ballot_Measure_3,_State_Flag_Referendum_(2020)) (accessed 06.11.2020).
17. Kirby, T. (2020), "Heroless America Is Losing Ideological Ground Quickly", *The Strategic Culture Foundation*, 19 June, available at: <https://www.strategic-culture.org/news/2020/06/19/heroless-america-is-losing-ideological-ground-quickly/> (accessed 26.08.2020).

18. Ekins, E. (2020), "Poll: 62 % of Americans Say They Have Political Views They're Afraid to Share", *Cato Institute*, 22 July, available at: <https://www.cato.org/publications/survey-reports/poll-62-americans-say-they-have-political-views-theyre-afraid-share#introduction> (accessed 02.09.2020).

19. Laughlin, N. and Shelburne, P. (2020), "Trust in Elections Erodes Further in Wake of Capitol Riot; Majority of Republicans Back Trump's Concession", *Morning Consult*, available at: <https://morningconsult.com/form/tracking-voter-trust-in-elections/> (accessed 10.11.2020).

20. Dobbins, J., Cohen, R.S., Chandler, N. and etc. (2019), "Overextending and unbalancing Russia. Assessing the Impact of Cost-Imposing Options", *RAND Corporation*, available at: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html (accessed 10.08.2020). DOI: <https://doi.org/10.7249/RB10014>.

21. Connable, B., Young, S., Pezard, S. and etc. (2020), "Russia's Hostile Measures. Combating Russian Gray Zone Aggression Against NATO in the Contact, Blunt, and Surge Layers of Competition", *RAND Corporation*, available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2539.html (accessed 15.08.2020). DOI: <https://doi.org/10.7249/RR2539>.

22. Cohen, R.S., Chandler, N., Efron, Sh. and etc. (2020), "Peering into the Cristal Ball. Holistically Assessing the Future of Warfare", *RAND Corporation*, available at: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10073.html (accessed 18.07.2020). DOI: <https://doi.org/10.7249/RB10073>.

23. "Munich Security Report 2020. Westlessness" (2020), *Munich Security Conference*, available at: https://securityconference.Org/assets/user_upload/MunichSecurityReport2020.pdf (accessed 25.07.2020).

24. Shultz, G.P. (2020), "On Trust", *Foreign Service Journal*, November, available at: <https://www.afsa.org/on-trust> (accessed 20.11.2020).

25. Marchi, S. (2020), "Is the U.S. empire in jeopardy?", *Macleans*, 15 April, available at: <https://www.macleans.ca/opinion/is-the-u-s-empire-in-jeopardy/> (accessed 26.06.2020).

Information about the authors.

Roman V. Fedorov – Can. Sci. (Philosophy) (2007), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 46 scientific publications. Area of expertise: society research methodology, geopolitics. E-mail: rvfedorov@etu.ru

Ludmila A. Pafomova – Can. Sci. (Philosophy) (2007), Associate Professor at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 51 scientific publications. Area of expertise: methodology of scientific research, axiology of science. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9289-7454>. E-mail: lapafomova@etu.ru

Время в эпистемологических конфигурациях М. Фуко

Ю. Л. Сироткин✉

Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия

✉syurij75@gmail.com

Введение. В статье рассматриваются представления о времени и пространстве, изложенные в работах М. Фуко, раскрываются их природа и генезис. Предлагается анализ пространственно-временного континуума исторической ретроспективы в эпистемологических конфигурациях Фуко. Интерпретация представлений французского философа осуществляется в векторе антропологического дискурса. Статья свободна от нюансированности в изложении раскрываемой проблематики, что является результатом спецификации текстов Фуко. Целью данной статьи является аналитика пространственно-временного континуума в оригинальной интерпретации известного французского философа. Необходимость анализа вызвана отсутствием отечественных разработок пространственно-временной проблематики в философском наследии Фуко, стоявшего у истоков постнеклассического знания и оказавшего значительное влияние на становление постмодернистской парадигмы аналитики пространственно-временного континуума.

Методология и источники. Обзор взглядов Фуко на пространство-время осуществлен на основе авторской концепции единства человека и пространственно-временного континуума. Мы исходили из необходимости человеческого измерения пространства-времени, а также из того, что время-пространство рассматривается как антропологический феномен. Наш подход основан на том, что восприятие пространственно-временного континуума соотносится с изменениями человека. В соответствии с исходными идеями обоснованной концепции анализируется время-пространство в эпистемологических конфигурациях Фуко.

Результаты и обсуждение. Дискурс человекомерного пространства-времени и его антропологической природы позволяет представить взгляды Фуко в противоречивой целостности и инкорпорировать в нее те нередко взаимоисключающие посылы, которые формулировал философ. Антропологические основы аналитики позволяют констатировать оригинальность в постановке проблемы времени-пространства в познавательных моделях Фуко.

Заключение. Антропологическая природа в аналитике времени-пространства Фуко явилась одной из основ антропологизации подходов к анализу пространственно-временного континуума в постнеклассическом векторе эволюции французского структурализма и постмодернистской парадигме в целом (Делёз, Деррида и др.).

Ключевые слова: пространственно-временной континуум, историческое время, пространство, эпистема, прерывность, рассеивание, дискурс, язык.

Для цитирования: Сироткин Ю. Л. Время в эпистемологических конфигурациях М. Фуко // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 32–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-32-42

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 21.10.2020; принята после рецензирования 11.12.2020; опубликована онлайн 25.02.2021

© Сироткин Ю. Л., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Time in M. Foucault's Epistemological Configurations

Yuri L. Sirotkin✉

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia

✉syurij75@gmail.com

Introduction. The article examines the concepts of time and space set forth in the works of M. Foucault, reveals their nature and Genesis. An analysis of the space-time continuum of historical retrospect in Foucault's epistemological configurations is proposed. The interpretation of the French philosopher's ideas is carried out in the vector of anthropological discourse. The article is free from nuance in the presentation of the revealed issues, which is the result of the specification of Foucault's texts. The purpose of this article is to analyze the space-time continuum in the original interpretation of the famous French philosopher. The need for analysis is caused by the lack of domestic developments in space-time problems in the philosophical legacy of Foucault, who stood at the origins of post-non-classical knowledge and had a significant impact on the formation of the postmodern paradigm of space-time continuum analysis.

Methodology and sources. The review of Foucault's views on space-time is based on the author's concept of the unity of man and the space-time continuum. We proceeded from the need for a human dimension of space-time, as well as from the fact that time-space is considered as an anthropological phenomenon. Our approach is based on the fact that the perception of the space-time continuum correlates with human changes. Time-space in Foucault's epistemological configurations is analyzed in accordance with the initial ideas of the grounded concept.

Results and discussion. The discourse of human dimensional space-time and its anthropological nature allows us to present Foucault's views in a contradictory integrity and incorporate into it the often mutually exclusive messages that the philosopher formulated. The anthropological foundations of Analytics allow us to state the originality in the formulation of the time-space problem in Foucault's cognitive models.

Conclusion. The anthropological nature in the dimension of space-time Foucault was one of the foundations of anthropological approaches to the analysis of the space-time continuum in postnonclassical the evolution of French structuralism and post-modernist paradigm as a whole (Deleuze, Derrida, etc.).

Key words: space-time continuum, the historical time, space, episteme, discontinuity, dispersion, discourse, language.

For citation: Sirotkin Yu. L. Time in M. Foucault's Epistemological Configurations. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 32–42. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-32-42 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 21.10.2020; adopted after review 11.12.2020; published online 25.02.2021

Введение. Переход в постнеклассическую реальность предопределил изменение основных пластов бытия предметов познания: если классическое мышление предполагало обоснование пространства посредством времени, то современное сознание мыслит время посредством пространства. Основным способом бытия предметов познания становится темпоральность в историческом измерении, т. е. историческое время. М. Фуко (1926–1984) – один из тех французских философов, кто стоял у истоков радикальных перемен, изменивших познавательные конструкты. Равно противоречивый и неопределенный в постановках многочисленных проблем и более чем сдержанный в поиске и, тем более, в

обосновании путей и вариантов их решения и попытках их осуществления, Фуко берет за правило обозначать проблему, а не сосредотачиваться на поисках ее решения. Это именно тот случай, когда постановка проблемы не менее важна, чем ее решение. Одной из актуализированных проблем является проблематика статуса пространственно-временного континуума в исторической ретроспективе, нашедшая отражение в эпистемологических конструкциях М. Фуко. Причем Фуко признается, что отвергает «единообразную модель темпоризации» [1, с. 354], тем самым не ограничивает свободу интерпретаций и толкований собственных построений.

Особенностью мыслительных построений М. Фуко является их асистемность. Несмотря на неприятие концептуальности, Фуко делает фундаментальные обобщения, которые между тем невозможно структурировать в завершенную познавательную модель в силу их противоречивости предыдущим обобщениям, но, безусловно, значимым для исследуемой проблематики. Спецификация взглядов Фуко на познание не может быть проигнорирована. Относительно философского мышления декларируется, что оно более метаисторично, несмотря на причастность к истории. Поэтому акт философского мышления есть акт вечно настоящего, а «исторические описания неизбежно подчиняются современному состоянию знания» [1, с. 38]. Это процесс самообоснования. «Философское познание, – комментирует А. С. Колесников, – есть внутреннее усилие, постоянное вопрошание о своих предпосылках, абсолютное сомнение в них, и именно благодаря этому происходит ее самообоснование» [2, с. 19]. Философское познание определяется усилиями философского мышления, которое критически рефлексивирует относительно различных философских построений. Фуко с присущим ему своеобразием убедительно показал это в своих сочинениях [1, 3–5 и др.].

Методология и источники. Исходным основанием исследования явились положения философской антропологии о многомерной сущности человека и необходимости человеческого измерения пространственно-временного континуума. Анализ времени-пространства в эпистемологических конфигурациях Фуко предполагает человекомерность пространственно-временного континуума, что свидетельствует о его антропологической природе. В исследовании использовались следующие положения концепции единства человека и пространственно-временного континуума: антропологический смысл времени постигается его проживанием как преодолением; индивидуальное восприятие времени-пространства оформляет внутреннее пространство человека, наполняет его содержанием, имеющим конкретно-историческое значение; через познание пространства-времени человек познает собственную сущность и жизненные смыслы; восприятие времени имеет конкретно-исторический контекст [6, с. 368–369].

Постмодернистский вектор аналитики конституирует новый подход к времени-пространству, который расширяет и углубляет сложившиеся представления о восприятии человеком пространственно-временного континуума с учетом оригинальных интерпретаций знака, языка, нарратива, дискурса и бытия человека.

Результаты и обсуждение. Конфигурацию эпистемы как внутренней структуры пространства познания определяют согласно Фуко жизнь, труд и язык, законы функционирования которых отличаются от логических законов мышления. Проблема человека определяется настоящим как временем его антропологического бытия. Непрерывность взаимопо-

реходов между порядком мысли и порядком бытия обеспечивалась языком классической эпохи, утверждающим единство бытия-познания. Современная эпистема устраняет познающую инстанцию, возводя на ее место человека, ограниченного исторической эпохой в его формах тела, потребностях и языках. Историческая эпоха предполагает ограниченность времени; ограничения задаются содержанием жизни, трудом и его предметами, устраняя метафизику бесконечного. Человек настоящего олицетворяет единство эмпирического и трансцендентального. «Это значит, – уточняет Н. С. Автономова, – что только в человеке и через него происходит познание каких-либо эмпирических содержаний, и вместе с тем только в нем это познание обосновывается, поскольку именно в нем природное пространство живого тела связывается с историческим временем культуры» [7, с. 18]. Это одна особенность. Другая состоит в признании заблуждений и призыве к (само)познанию, что способствует обретению человеческого в человеке. Познание человеком самого себя в качестве обыкновенного/простого человека становится приоритетом. Человек бесконечен в самопознании; глубину познания себя определяет глубина мысли; мысль, выраженная в слове, становится практикой, осуществляемой в поступлении. Преодолев антропологические иллюзии классической эпохи, исключившей возможность человека в силу однородности и однообразия аналитических практик, человек обретает себя в новом качестве бытия, позволяющем надеяться на вновь обретаемое единство взамен единству утраченному. В этом видится перспектива антропологического дискурса.

Эпистемологический конструкт – это исторические эпохи, состоящие из периодов – временных отрезков, определяющих их характеристики и задающих вектор эволюции. Многообразие периодов складывается в эпохи. Изучение каждой эпохи может быть подчинено определенной схеме, предполагающей правила. Периоды располагаются внутри эпистемы, которых у Фуко три: Возрождение, Новое время и Современность. Единство эпохи достигается преодолением противоречивости ее элементов, выраженных в спорах и столкновениях. Оппозиционность не препятствует единству; она обеспечивает преемственность векторов эволюции. Принятая логика анализа приводит к выделению основной эпистемологической проблемы: человек и время.

Человек как историческая индивидуальность обречен действовать. Для осуществления действий в настоящем человеку необходимо знать свои возможности. Для того чтобы строить будущее, человеку следует знать собственное прошлое – время и пространство, которое определило его сегодняшнего. Выйти за пределы, ограниченные настоящим, человеку позволит погружение в прошлое, т. е. постижение исторического времени. Постигание истории предполагает не только знание, извлечение «уроков», но и переосмысление ее событийно-творческой канвы – линии. В множественности смыслов, векторной вариативности, разнообразии подходов и потенциальных решений заключены возможности истории, которые частично реализованы, а отчасти упущены.

Историческое время инкорпорирует эволюцию человека и его типов, историю общества, науки, культуры и т. д. Множественность векторов эволюции предоставляет возможность обоснования альтернатив, но не умаляет достижений и/или неудач человека конкретно-исторической эпохи как ее субъекта, вне которого исторический процесс обезличивается, а историческое время утрачивает смысл в силу антропологической природы.

Обращаясь к тезису Фуко об «исчезновении» человека, констатируем, что речь в контексте развертываемого анализа идет о преодолении гуманистической установки на идеал, возможный лишь в абстрагировании человеческой природы и создании модели, не соответствующей реальному и объективному положению человека, в том числе в системе социально-антропологических координат. Субъект ставится под сомнение с целью преодолеть его как описательную конструкцию. Фуко манифестирует о кризисе современных ему представлений о человеке, но не говорит о том, какой человек должен занять место предшественника в пространстве «индивидуализированного общества» (З. Бауман). Время Фуко еще не высветило грани постэкономического человека, не говоря уже о проявлении его базовых характеристик [6, с. 257–283].

Структурирующим механизмом эпох (эпистем по Фуко) являются человек как историческая индивидуальность и его социальные типы [6, с. 95–201]. В контексте развертываемой гипотетической модели серьезное значение приобретает анализ прерывностей исторического времени / критических периодов истории при переходе от одной эпохи к другой и их преемственности в отношении становления и развития исторической индивидуальности и ее типов. Связующим звеном прерывностей-переходов является человек, анализируемый в контексте эволюционных/революционных изменений как в плане деконструкции-реконструкции мыслительных парадигм, так и в плане оформления образов, воспринимаемых общественным сознанием. Целесообразно обратить внимание на дополнительное обстоятельство. Прерывность определяется не только применительно к историческому времени, но и в отношении мышления и культуры. Прерывность – «то есть то, что иногда всего лишь за несколько лет какая-то культура перестает мыслить на прежний лад и начинает мыслить иначе и иное» [3, с. 85], – обозначает пространство, находящееся по ту сторону мысли, но изначально существующее и определяющее мысль. Прерывность, таким образом, имеет пространственно-временные характеристики. Исторические разрывы универсализируются и используются Фуко для анализа истории науки, в частности истории психиатрии [4].

М. Фуко неоднократно повторяет: историческое время состоит из отрезков, которые прерывны. Однако прерывность всячески устранилась историками, что вменялось им в обязанность. Такое положение оказалось устойчивым для классической науки, к которой принадлежит история, в том числе этого требовал «необходимый коррелят основополагающей деятельности субъекта» [1, с. 52]. Историческое сознание пребывало в дискурсе непрерывности; оно создало первичного субъекта становления истории. Время понималось в терминах обобщения, а непрерывность означала единство исторического времени. Эвристическая ситуация изменилась и теперь прерывность «стала одним из основных элементов исторического анализа» [1, с. 45]. В распоряжении Фуко оказываются достаточно весомые аргументы для обоснования тройной роли прерывности [1]. В нашей интерпретации прерывность означает промежутки между циклами, т. е. используя устоявшийся термин – переходные эпохи. Прерывность отделяет не только времена, но и разделяет пространства. Прерывность есть специфицирующие явления в пространстве; непрерывность индивидуализирует их во времени. Единство обеспечивает целостность восприятия пространственно-временного континуума в исторической ретроспективе. В отношении единства Фуко непостоянен. Ставя под сомнение единство, Фуко констатирует, что не отказы-

вается от единства, но получает «возможность описать иные единства <...> через совокупность уже освоенных форм принятия решений» [1, с. 76]. Основу описания образует отказ «от форм группирования элементов, выдающих себя за естественные, непосредственные и универсальные единства» [1] и включенных в замысел описания дискурсивных событий.

В отношении исторического анализа Фуко вводит в оборот понятия прерывности и различия, разрыва и преобразований, описание рядов и границ. Введенные понятия-феномены преследуют цель переформатирования истории в смыслах рассеивания. Субъект восстанавливает цепочку умозаключений и рассматривает ее как звенья единой цепи соотносительно сосуществующих понятий. Поиски дискурса «в поле закономерности для различных позиций субъективности» позволяют свидетельствовать о рассеивании субъекта и его прерывности по отношению к самому себе. Дискурс приобретает пространственные характеристики; он становится «пространством взаимодействий внешнего характера, где разворачивается сеть отдельных местоположений» [1, с. 119]. Поведение людей сводится к различным способам разметки пространства, в котором находятся объекты и явления. Дискурсы выступают не только как совокупность знаний, но и как практики, свидетельствующие об объектах, которые они образовали. Язык как метафора обозначает взаимоотношение продуктов духовной культуры.

Фуко предполагает постижение истории через дискурс. Дискурс – это мера измерения времени и форма его воспроизведения (воссоздания). По своей природе дискурс историчен. Это «фрагмент истории, единство и непрерывность в самой истории» [1, с. 223]. Дискурс ставит проблему «специфических модусов своей темпоральности, чем своего неожиданного возникновения посреди соучастного времени» [1, с. 223–224]. Дискурс предполагает высказывание. «Дискурсивная практика – это совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [1, с. 224]. История воссоздается в том, что было сказано. Это означает «проследить в обратном порядке процесс выражения: спуститься вдоль сохраненных во времени и рассеянных в пространстве высказываний к тому внутреннему тайному содержанию, которое им предшествовало, в них отложилось и в них же оказывается обнаруженным, выданным и преданным» [1, с. 230]. Возможно, таким образом, откроется тайна субъективности. Высказывание не только содержит, но и создает прошлое, объясняет то, что предшествует событиям, делающим его возможным, отклоняет то, что преодолено. У высказывания, как видим, имеются своеобразные отношения со временем. Имеется определенный статус и место, что обеспечивает высказыванию «возможные отношения с прошлым и открывает ему вероятное будущее» [1, с. 191]. Не менее важно, что высказывание фиксирует в себе событие, которое не повторяется, так как обладает временной и пространственной единичностью.

Высказывания рассеиваются во времени: а) последовательность событий становится объектом дискурса; принцип сочленения дискурса обнаруживает цепь последовательных событий; б) субординация событий включает в себе вектор времени. Предлагаемая Фуко археология не принимает в качестве модели логическую схему одновременности и линейную последовательность событий; она обращает внимание на пересечение последователь-

ности отношений и отношений вообще; она выделяет временные векторы депривации. Археология демонстрирует отказ от линейной модели речи, т. е. от описания последовательной событийности и от модели потока сознания, «настоящее которого всегда ускользает от самого себя, переходя в претворение будущего и удержание прошлого» [1, с. 305]. Археология знаний превращается в практику собственных форм последовательности, т. е. хронологию высказываний.

Фуко исходит из «антропологии конкретного человека». В авторском оформлении трактовка «антропологии» весьма своеобразна. Идея субъекта интерпретируется как трансформация самого себя через формирование знания. Субъект для Фуко становится точкой пересечения дискурсов и определяется языковыми практиками, которые немислимы без текста/нарратива и дискурса. Фуко стремится к преодолению пережитого опыта повседневности, к которому апеллировала феноменологическая традиция. Целью изживания является приближение к тому, что нельзя пережить средствами достижения экзистенциальной точки. «Опыт понимается Фуко как некий предел, функция которого заключается в том, чтобы вырвать субъекта у него самого» [2, с. 12]. Проблематизируется «антропология выражения», которая основана на онтологическом размышлении о присутствии в бытии. Цель этой антропологии – определиться в отношениях между смыслом и символом, образом и выражением.

Понятие «эпистема» используется Фуко для создания особой конфигурации «слов», «вещей» и «представлений», целью которой являются условия возможности знаний. Объем и ресурсы знаний ограничены определенной исторической эпохой. Знания эволюционируют от одной эпистемы к другой. Эпистемы образуют общее пространство знания. За эпистемами, дискурсивными практиками исчезает мыслящий в универсальной форме субъект. Человек лишается статуса субъекта, что означает отсутствие возможности субъективирования в процессах, имеющих человекомерный характер. Вероятно, Фуко осознавал потенциальный парадокс. Поэтому не исключал присутствие субъекта, допуская возможность участия в процессах, сопровождающих его жизнь. Фуко сосредоточил интерес на вопросе о том, посредством каких практик человек конституируется в качестве определенной исторической формы субъекта. Для Фуко это форма, имеющая исторически изменчивую конституцию. Иначе говоря, исторический субъект обладает способностью самоформирования. Человек остается у Фуко в историческом времени в качестве его субъекта. Субъект становится изменчивой исторической и культурной реальностью.

В исторической ретроспективе время сопряжено с пространством. Это историческое время и пространство истории. Время и пространство у Фуко континуально. История, как известно, интегрирована в пространство познания. Фуко предлагает обратиться к общему пространству знания. Пространство для Фуко определяется «синтаксическими последовательностями» [3, с. 47]. Пространство соотносится с формами подобия, одной из которых является аналогия. Положение человека в пространстве своеобразно. «Пространство аналогии является, по сути, пространством распространения. Человек полностью замыкается на самом себе; однако этот же человек, наоборот, передает сходства, полученные им от мира. Он является великим средоточием соотношений – центром, где различные соотношения сосредоточиваются и откуда они излучаются снова» [3, с. 60]. Человек становится пространствообразующим элементом; пространство замыкается на человеке; человек

замыкает на себе пространство, которое обретает признаки антропологического феномена и характеризуется как человекомерное. Такое положение человека в историческом времени-пространстве ограничивается временным промежутком со специфической социокультурной ситуацией, определенной Фуко в качестве Возрожденческой эпистемы.

В антропологическом ключе раскрывается соотношение времени-пространства и языка. Фуко показал, что движение истории является результатом «фундаментального соотношения пространства и языка». «Постоянному разрыву времени язык придает непрерывность пространства, и именно в той мере, в какой он анализирует, сочленяет и расчленяет представление, он имеет возможность связывать посредством времени познание вещей» [3, с. 147]. Знак, язык, нарратив позволяют обозреть время и развернуть пространство. Язык утверждает порядок в пространстве [3, с. 116]; с XVII в. изменяется отношение языка ко времени; языки развертывают представления; время для языка становится «его внутренним способом анализа» [3, с. 123]. Время обретает для языка значение «внутреннего элемента» [3, с. 124]. Пространство истории тождественно пространству языка; пространство заканчивается в словах, становящихся его границей.

Предназначение пространства Фуко видит в укреплении иной системы власти – власти над человеком как биологическим видом. Пространство служит для установления всеобъемлющего контроля власти над человеком. Одной из важнейших технологий власти становится «дисциплинарная власть». Дисциплинарная власть требует замкнутого пространства. Но не менее значимо ее тяготение к преодолению пространственных границ, «к разложению групп и масс на элементарные составляющие – индивидов – и к сопоставлению каждого индивида и строго определенного места. Она не терпит диффузной циркуляции индивидов, опасных и бесполезных сбиваний в кучки. Каждый индивид должен быть всегда на своем месте, каждого в любой момент можно найти, проконтролировать – и более полно использовать» [8, с. 15]. Каждый индивид имеет свое место в дисциплинарном пространстве, что соответствует его рангу в классификации, утвержденной дисциплинарной властью [5].

Видение дисциплинарного пространства Фуко получило отражение в работах российских философов. В. А. Подорога считает, что дисциплинарное пространство сопоставимо с пространством «вне жизни». В этом пространстве человек «бьется о время», находясь вне времени. Техника дисциплинарного пространства – «это набор определенных средств насилия, которыми располагает институт или организация, отдельная личность, чтобы принуждать некое множество человеческих существ к определенному поведению и труду в крайне ограниченном пространстве» [9, с. 20]. Эта техника распространяется на множество пространств (социальное, экономическое и т. д.). Результатом использования дисциплинарных техник являются соответствующие условия, в которых закономерно возрастает значимость приватного пространства как пространства сохранения человечности и потенциала саморазвития [10]. Иное дело лагерное/репрессивное пространство, которое, как показывает В. А. Подорога, становится пространством выживания. Человек, побывавший в репрессивном пространстве, делит время на до и после. Он теряет ориентацию в пространстве-времени вследствие шока от пребывания в изоляции и распадается. Распад происходит в пространстве без очерченных границ, где время ускоряется и мигает. Это состояние определяется как отрицательная антропология [9, с. 68].

Вернемся к Фуко, от которого, впрочем, мы не настолько удалились, как это может показаться. В «Истории безумия» пространство изоляции одновременно и реальное, и искусственное; в нем выделяются «зоны пространственной удаленности и бездействия души» [4, с. 409]. Фуко превращает пространство изоляции в сакральное пространство, в пространство чуда, в пустое пространство. Пространство изоляции требует преодоления и придания ему некоего «положительного смысла» [4, с. 424].

Что касается пространства, обратим внимание, что для Фуко оно есть преимущественно пространство анализа. В XVIII в. пространство порядка разрывается (внесем уточнение: речь идет о пространстве представлений, расчленяющих время и вещи, которые оно производит). Наблюдается «уход знания и мысли за пределы пространства представления», что в положительной части ориентируется на рефлексивность субъективности. К слову, в эпистемологическом смысле человек как таковой отсутствовал вплоть до XVIII в. Иначе говоря, он не осознавался. Осознание человека возникает там, где возникает «эмпирико-трансцендентальная двойственность» [3, с. 340], т. е. на границе современной эпохи; она же обозначает эту границу. Правда, в другом месте и по другому поводу Фуко утверждает, что «человек возник в начале XIX в.» [3, с. 350]. (Мы, однако, осмелились не обращать внимание на столь «незначительные» расхождения, которые, впрочем, не единичны.) Не будучи голословными, к сказанному добавим мимолетно оброненную фразу о том, что гуманитарные науки – «это вообще не науки» [3, с. 385], или «Мера – не время, а время, сообразуемое с конечной целью» [5, с. 357], или утверждение о том, что историчность человека существует «на некоем глубинном уровне» [5, с. 388]. Ограничиваясь сказанным и избегая полемики, не можем не спросить: что это за глубинный уровень и чем измеряется его глубина?

Неадекватность формулировок касается не только фраз и сомнительных утверждений, но и выдвинутых положений, относящихся непосредственно к анализируемой в статье проблематике. Например, конечность человеческого бытия означает «конечность без бесконечности, т. е. конечность, никогда не кончающуюся <...>, у которой всегда есть время, чтобы переосмыслить то, что она уже помыслила» [3, с. 390]. Мы не интерпретируем и не комментируем подобные положения, оставляя за собой право считать поиски содержащегося в них смысла пустой затеей, которая приглашает нас поучаствовать в имитированной философом игре, скорее провокационной, чем продуктивной. Для предпринятого изложения важнее утверждение о том, что «человек – это не столько зарубка, отмечающая мгновение в длительности, это открытость, исходя из которой только и может строиться время, изливаясь длительность» [3, с. 353]. Человек оказывается вместилищем пространственно-временного континуума, определяя его антропологическую природу. По одной из гипотез Фуко время есть результат внеисторического разрыва. Время мыслится как первоначало, которое означает «возврат всегда – уже – начавшегося». Так первоначало обрисовывается на фоне времени, с вечно отступающей линией горизонта, что свидетельствует о его бесконечности.

Область первоначального, «которая сочленяет человеческий опыт с временем природы и жизни, с историей, с напластованиями культурного прошлого», позволяет мысли предпринять попытку «воссоздать человека во всей его самоидентичности – в той полноте или в той пустоте, каковой сам он является; воссоздать историю и время в том самом

повторении, которое они делают невозможным, но к которому она понуждает мысль; и воссоздать само бытие в том, что оно есть» [3, с. 355]. Событийная хронология разворачивается в соответствии со временем, выявляющим связность событий. временем является человек, которому время дано в опыте. Это время отлично от философски представляемого времени. Соотношение представления и времени дает возможность «восстановить время во всей его целостности» [3, с. 356]. На этом основании покоится философия исторического времени, антропологический ресурс которого находится в начале освоения. Человек оказался лишенным истории – справедливо утверждает Фуко – и поэтому стремится ее обнаружить в самом себе; это та историчность, которая сущностно близка ему. Мы в отличие от Фуко не видим в этом утверждении двусмысленности [3, с. 387]. Более определенного суждения у Фуко нам обнаружить не удалось.

Заключение. Аналитика пространства-времени, содержащаяся в эпистемологических конфигурациях Фуко, позволяет сделать следующее обобщение. Представления Фуко о пространстве-времени находятся в основании постнеклассической парадигмы анализа пространственно-временного континуума, с обнаруживаемыми элементами постмодернистской интерпретации. Фуко преследовал цель подступиться к «вопросам мысли будущего» путем опережающей проблематизации. В чем отчасти преуспел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. 2-е изд., испр. СПб.: Гуманитарная Академия, 2012.
2. Колесников А. С. Мишель Фуко и его «Археология знания» // М. Фуко. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. 2-е изд., испр. СПб.: Гуманитарная Академия, 2012. С. 5–30.
3. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сad, 1994.
4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. К. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: AdMarginem, 1999.
6. Сироткин Ю. Л. Человек и время. Философско-антропологический дискурс. Казань: КЮИ МВД России, 2017.
7. Автономова Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // М. Фуко. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. СПб.: А-сad, 1994. С. 7–27.
8. Сокулер З. А. Структура субъективности, рисунки на песке и волны времени // М. Фуко. История безумия в классическую эпоху / пер. с фр. И. К. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 5–20.
9. Подорога В. А. Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. М.: Рипол-классик, 2017.
10. Сироткин Ю. Л. Антропоцентрический принцип категоризации приватного пространства // Вестн. КазГУКИ. 2019. № 4. С. 6–14.

Информация об авторе.

Сироткин Юрий Львович – кандидат социологических наук (2000), доцент (2012), доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России, ул. Магистральная, д. 35, Казань, 420108, Россия. Автор

72 научных публикаций. Сфера научных интересов: философская антропология, социальная философия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>. E-mail: syurij75@gmail.com

REFERENCES

1. Foucault, M. (2012), *Arkheologiya znaniya* [L'Archéologie du savoir], Transl. by Rakova, M.B. and Serebryannikova, A.Yu., 2nd ed., Gumanitarnaya Akademiya, SPb., RUS.
2. Kolesnikov, A.S. (2012), "Michel Foucault and his "Archeology of Knowledge"", *Arkheologiya znaniya* [L'Archéologie du savoir], Transl. by Rakova, M.B. and Serebryannikova, A.Yu., 2nd ed., Gumanitarnaya Akademiya, SPb., RUS, pp. 5–30.
3. Foucault, M. (1994), *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Les Mots et les Choses. Archeologie des science humaines], Transl. by Vizgin, V.P. and Avtonomova, N.S., A-cad, SPb., RUS.
4. Foucault, M. (1997), *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Histoire de la folie à l'âge classique], Transl. by Staf, I.K., Universitetskaya kniga, SPb., RUS.
5. Foucault, M. (1999), *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Surveiller et punir: Naissance de la Prison], Transl. by Naumov, V., in Borisova, I. (ed.), AdMarginem, Moscow, RUS.
6. Sirotkin, Yu.L. (2017), *Chelovek i vremya. Filosofsko-antropologicheskii diskurs* [Human and time. Philosophical and anthropological discourse], Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan', RUS.
7. Avtonomova, N.S. (1994), "Michel Foucault and his book "Les Mots et les Choses"", *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Les Mots et les Choses. Archeologie des science humaines], Transl. by Vizgin, V.P. and Avtonomova, N.S., A-cad, SPb., RUS, pp. 7–27.
8. Sokuler, Z.A. (1997), "The structure of subjectivity, drawings in the sand and waves of time", *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [Histoire de la folie à l'âge classique], Transl. by Staf, I.K., Universitetskaya kniga, SPb., RUS, pp. 5–20.
9. Podoroga, V.A. (2017), *Vremya posle. Osventsim i GULAG: myslit' absol'yutnoe zlo* [Time after. Auschwitz and the Gulag: thinking absolute evil], RIPOL classic, Moscow, RUS.
10. Sirotkin, Yu.L. (2019), "Anthropological Principle of Private Space Categorization", Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts, no. 4, pp. 6–14.

Information about the author.

Yuri L. Sirotkin – Can. Sci. (Sociology) (2000), Docent (2012), Associate Professor at the Department of philosophy, political science, sociology and psychology, Kazan Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, 35 Magistral'naya str., Kazan 420108, Russia. The author of 72 scientific publications. Area of expertise: philosophical anthropology, social philosophy. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9434-6314>. E-mail: syurij75@gmail.com

**Социальное и профессиональное осознание
студентами инженерно-технических
специальностей наступающей цифровизации
(Опыт пилотажного исследования и первые итоги)**

П. П. Дерюгин¹✉, О. С. Баннова², Е. А. Камышина², Р. Е. Попов¹, А. Н. Сидорова¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉ppd1@rambler.ru

Введение. Наступающая цифровизация по-особому воспринимается и осознается студентами инженерно-технических факультетов. Это стало более очевидным в условиях пандемии, когда старшее поколение оценивает это наступление чаще негативно, а студенчество – с пониманием, а нередко и с восторгом. С какими достоинствами и с какими проблемами отождествляет наступление цифровизации на социальное пространство общества та часть молодежи, которая ориентируется на инженерно-техническое образование? Насколько осознаны ими преимущества и достоинства цифровизации в профессиональном и социальном смыслах? Ответы на эти вопросы как основная цель исследования обсуждаются в представленной статье.

Методология и источники. Методология исследования формируется как мультипарадигмальная на базе совокупности исследований, посвященных изучению практик формирования социальных отношений студенчества, складывающихся на основе социальных сетей и мобильных устройств, Интернета. Очевидно, что общество столкнулось с революционными изменениями эпохального порядка, направление и характер которых плохо согласуется с некоторыми методологическими принципами, сложившимися ранее в теоретических концепциях. Эти измененные обстоятельства также предопределили стратегию и методику пилотажного эмпирического исследования, которые можно определить как качественные.

Результаты и обсуждение. Показано наличие противоречий между реальной глубиной включенностью студентов инженерно-технического профиля в цифровизацию и некоторое отставание осознания социальных контекстов и социальных смыслов цифровизации. Эмпирические результаты подтверждают, что студенты хорошо осознают следующие аспекты: расширяющийся круг профессий, связанных с ИТ-технологиями; возникновение новых профессиональных групп; профессиональные отличия инженеров, работавших в более ранние периоды, в сравнении с современными инженерами. Однако осознание влияния дигитализации на социальные процессы (в частности на социальную стратификацию и новые формы социального неравенства) и в целом понимание социальных реальностей цифрового общества происходят с некоторым опозданием.

© Дерюгин П. П., Баннова О. С., Камышина Е. А., Попов Р. Е., Сидорова А. Н., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Полученные результаты исследования раскрывают неоднозначность восприятия цифровизации студентами инженерно-технического профиля. Реальная динамика процесса цифровизации опережает социальное осознание этих реалий. Более четко студентами осознаются и положительно оцениваются технические и технологические достоинства цифровизации, в то время как социальные последствия оцениваются несколько пассивно и по ограниченному кругу проблем. Осознанность наступившей цифровизации в студенческой среде не отражает всей совокупности многочисленных социальных аспектов цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, студенты инженерно-технического профиля, преимущества цифровизации, социальные проблемы цифровизации.

Для цитирования: Дерюгин П. П., Баннова О. С., Камышина Е. А., Попов Р. Е., Сидорова А. Н. Социальное и профессиональное осознание студентами инженерно-технических специальностей наступающей цифровизации (Опыт пилотажного исследования и первые итоги) // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 43–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-43-56

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-29-07443 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указу Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 17.12.2020; принята после рецензирования 11.01.2021; опубликована онлайн 25.02.2021

Social and Professional Awareness by Students of Engineers Specialties of the Upcoming Digitalization (Pilot Study Experience and First Results)

***Pavel P. Deryugin*^{1✉}, *Olesya S. Bannova*², *Elena A. Kamyshina*², *Roman E. Popov*¹,
*Anna N. Sidorova*¹**

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

✉ppd1@rambler.ru

Introduction. The upcoming digitalization is perceived and understood differently by students of technology faculties. This becomes more obvious in the context of pandemic, when the older generation often assesses this offensive negatively, and the technical students – with understanding, and often with enthusiasm. What are the advantages and problems with the emergence of digitalization in the social space of society in the eyes of young people focused on technical education? To what extent are the advantages and benefits of digitalization understood in a professional and social sense? What is the depth of the contradictions and the unity of social and professional awareness of digitalization? – the answer to this question, as the main goal of the study, is discussed in the presented article.

Methodology and sources. The research methodology is formed on the basis on a set of studies. They are devoted to the study practices of the social formation relations among students, molded on social networks, mobile devices and the Internet. It is obvious that society is faced with revolutionary changes of an epochal order, the direction and nature of which is poorly consistent with some methodological principles, theories and concepts that

have developed. Therefore, the methodological attitudes of researchers are represented by a multi-paradigm approach. These changed circumstances also predetermined the strategy and methodologies of the pilot empirical study, which can be defined as qualitative.

Results and discussion. The results of the study show the existence of contradictions between the actual involvement of technical students in digitalization, on the one hand, and the lag in understanding the social contexts and social meanings of digitalization in the life of society, on the other. Empirical results confirm that in practical terms, students are included in digitalization. They are well expanding the range of professions related to IT technologies, new professional groups are emerging, professional differences in the features of the activities of engineers who worked in earlier periods in comparison with the activities of modern engineers due to digitalization are outlined. However, the awareness of the impact of digitalization on social processes and social stratification, the emergence of new forms of social inequality, and the general understanding of society as digital is formed with some delay.

Conclusion. The results of the study show the ambiguity of the perception of digitalization by engineering students. The real dynamics of the digitalization process is ahead of social perception and awareness of the realities of the development of modern Russian society. Students are more clearly aware of and positively assessed the technical and technological advantages of digitalization, while the social consequences of digitalization are assessed somewhat passively and according to a limited range of problems. The awareness of the onset of digitalization in the student environment does not reflect the totality of the reality of the numerous social aspects of digitalization.

Key words: digitalization, engineering students, advantages of digitalization, social problems of digitalization.

For citation: Deryugin P. P., Bannova O. S., Kamyshina E. A., Popov R. E., Sidorova A. N. Social and Professional Awareness by Students of Engineers Specialties of the Upcoming Digitalization (Pilot Study Experience and First Results). DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 43–56. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-43-56 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-29-07443 “Scientific and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: the format for creating world-class scientific and educational centers according to the Presidential Decree “On National Goals and Strategic Tasks of the Development of the Russian Federation for the period until 2024”).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 17.12.2020; adopted after review 11.01.2021; published online 25.02.2021

Введение. Современное постиндустриальное общество представляет собой непропорциональную социотехническую систему, в которой интенсивность и динамика развития технических и технологических (Hi-Tech) инноваций существенно опережают развитие социальных процессов и разработку гуманитарных (Hi-Hume) технологий [1, с. 193]. По мнению целого ряда ученых, революционные изменения в информатизации усугубляют дифференциацию общества, в особенности дифференциацию между старшими и младшими поколениями, между людьми, вовлеченными в процесс цифровизации, и теми, кто является пользователем результатов применения цифровых технологий, которые «можно использовать не только во благо, но и во вред людям» [2, с. 172].

Своеобразием и спецификой отличаются восприятие и осознание социальных последствий цифровизации студентами инженерно-технических специальностей. Прежде всего

следует подчеркнуть, что если студентами гуманитарных, медицинских, социальных факультетов цифровизация воспринимается преимущественно как инструментальная или технологическая составляющая их профессии, то для студентов многих инженерно-технических факультетов цифровизация составляет содержательную, сущностную часть их профессиональной подготовки. В обыденном сознании россиян бытует мнение о многочисленных опасностях, которые влечет за собой цифровизация. Однако это не меняет сути вопроса. «Тормозить» цифровизацию всех областей жизни общества, тем более делать это искусственно, невозможно. Цифровизация в перспективах развития российского общества играет доктринальную роль и выступает решающей силой перехода общества в «когнитивную фазу развития» [3, с. 236].

Цель работы заключается в выявлении и характеристике противоречий, складывающихся между социальным и профессиональным осознанием студентами инженерно-технического профиля влияния цифровизации на различные стороны жизни общества.

Методология и источники. По нашему мнению, методологические основания исследования цифровой социальной реальности наиболее адекватно могут быть отражены на базе интеграции принципов теории нового институционализма и когнитивного подхода, позволяющих взаимоувязанно раскрыть особенности становления институтов цифрового общества, а также места и роли цифрового поколения в жизни общества, специфики осознания этим поколением происходящих изменений в обществе в дихотомических координатах рационального–иррационального. По результатам анализа работ авторитетных исследователей такие изменения прежде всего выражаются в следующих трансформациях:

- появление новых социальных статусов и ролей [4, с. 207–210; 5];
- формирование новых профессиональных и социальных групп и сообществ [6];
- возникновение новых эталонов, признаков и показателей социальной стратификации [7, с. 68–72] и специфики понимания будущего цифрового общества [8];
- формирование специфической (цифровой) иерархии ценностей [1, 9];
- опережающий характер возникновения новых социальных практик и отставание их научного объяснения [10, с. 43];
- изменение характеристик студенчества как особой социальной группы, первичная социализация которой прошла в условиях цифрового общества, при дефиците непосредственного общения со значимыми взрослыми и наличии устаревшего опыта их родителей [1, с. 194];
- появление разнообразия отношений к протестным действиям цифрового поколения [11, с. 5];
- признание факта «обесценивания труда как такового, в том числе умственного» [12, с. 6].

В совокупности показанных качественно новых социальных и профессиональных характеристик развития выражаются направления трансформаций формирующегося цифрового общества. Соответственно обращение к их анализу стало главными направлениями построения методических процедур в эмпирической части исследования.

Материалы и методы эмпирического исследования. Замысел эмпирической части пилотажного исследования реализовывался в два этапа. На первом этапе предполагалось изучение осознания студентами: 1) отличий характеристик современного инженера и

инженера прошлых лет (30–40-летней давности); 2) новых профессиональных и социальных статусов и ролей, возникающих под влиянием цифровизации; 3) характеристик хорошего рабочего места в современном понимании. Вторая часть исследования предполагала выявление представлений о социальных аспектах цифровизации: 1) о критериях стратификации, важных для респондентов-студентов и их коллег по обучению; 2) о понимании основных характеристик современного общества. Сравнение первой и второй частей исследования позволяло подтвердить или опровергнуть *основную гипотезу* о том, что в силу особенностей профессиональной подготовки студентов инженерно-технического профиля профессиональные последствия цифровизации будут оцениваться ими более активно, многогранно и обстоятельно. Напротив, социальные последствия – менее активно и узконаправленно, в общем – ограниченно.

В эмпирическом исследовании использован метод свободных ассоциаций, который процедурно реализовывался в виде интернет-опроса и анализа письменных ответов на поставленные вопросы. Высказываемые ассоциации тесно связаны с социализацией человека [13, с. 117] и ценностями, представляющими собой «наиболее глубокие основания культуры» [14]. Поэтому обращение к ассоциативному ряду представлений респондентов в значительной степени способно раскрывать грани осознания социальных реалий.

В написании эссе по пяти темам принимали участие студенты инженерно-технического профиля Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Выборка составляла от 34 до 83 % генеральной совокупности одного из курсов. В общей сложности были проанализированы материалы 387 эссе. Исследование проводилось в сентябре–декабре 2020 г.

Пилотажный характер исследования определяет некоторые ограничения. Прежде всего, следует учитывать, что это результаты только одного технического вуза. Во-вторых, проведение исследования в период пандемии не полностью соответствует иным (типичным) обстоятельствам и условиям.

Результаты и обсуждение. В целом характеризуя результаты пилотажного исследования, следует подчеркнуть высокую степень однородности полученных данных.

Осознание студентами достоинств и преимуществ Интернета для деятельности современного инженера осознается как «сама собой» существующая данность, что отражает основательную (подсознательную) их включенность в цифровизацию. Всего лишь 21 % опрошенных посчитали важным показать, что Интернет является главным отличием современных инженеров от инженеров прошлых лет. Остальные о таком отличии «даже не подумали». При этом подавляющее число студентов подчеркивали, что наличие Интернета, несомненно, расширяет коммуникативные возможности и возможность дистанционной работы, позволяет проводить анализ больших данных и осуществлять международный обмен опытом и повышение квалификации – в общем, они видят его многочисленные преимущества. В подавляющем числе ответов сравнение с инженерами прошлых лет осуществлялось в сфере социально-профессиональных качеств. К числу достоинств инженеров прошлых лет отнесены дисциплинированность, товарищество, трудолюбие (14 %). Достоинств современных инженеров значительно больше: они выглядят адаптивными, коммуникабельными, способными решать разнообразные задачи, обладают современными ценностями, творчеством и высокой мотивацией и пр. – это отметили 49 % респондентов.

Наиболее осознанно цифровизация воспринимается как стимул развития нового рынка труда и появления множества новых профессий, профессиональных статусов и ролей. Из всего числа таких признаков (128) 52 относились к профессиям в ИТ-сфере (ИТ-пираты, инстаграмщики, интернет-тролли и пр.). 21 признак относился ко всем иным профессиям (коллектор, копирайтер, коуч и пр.). Еще 55 признаков характеризовали появление новых социальных ролей (белоленточник, бодипозитивщик, вейпер, веган и пр.).

При этом частота упоминаний этих 128 признаков была более ориентирована на цифровые характеристики современных профессий и статусов, и о них студенты упоминали несколько чаще (рис. 1).

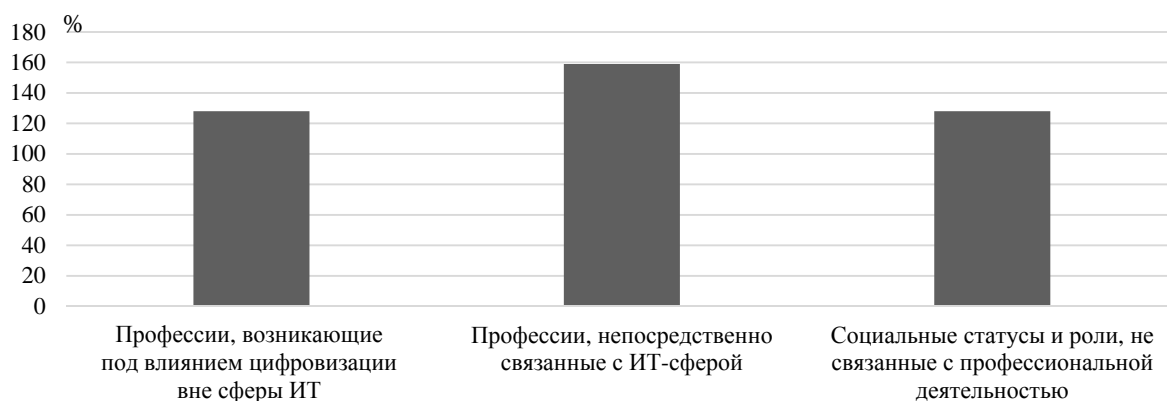

Рис. 1. Частота упоминания тегов – новых профессиональных и социальных статусов и ролей
Fig. 1. Frequency of mentioning tags – new professional and social statuses and roles

Очевидно, что представленные количественные данные показывают, что студенты понимают общество как преимущественно ориентированное на ИТ-профессии.

Цифровизация стимулирует развитие целого ряда конкретных профессий, которые студентами осознаются в качестве возможных перспектив (рис. 2).

Рис. 2. Облако тегов «Социальные роли и социальные статусы»
Fig. 2. Tag cloud «Social roles and social statuses»

Контент-анализ облака тегов показывает, что в сфере ИТ-профессий отчетливо выделяются позиции блогеров (35,4 %), веб- и гейм-дизайнеров (13,3 %), а также инфобизнесменов (12,6 %). Далее выражены категории статусов и ролей, связанных с использованием Интернета и социальных сетей. Центральные места среди них занимают тиктокеры (блогеры, ведущие свою деятельность в популярной социальной сети TikTok), стримеры (блогеры, проводящие прямые трансляции), инфлюенсеры (блогеры, публикации которых оказывают заметное влияние на подписчиков), инста-модели, видеоблогеры, ютуб-каналы. Выделяются также категории, призванные описать основные характеристики блогосферы («аудитория», «подписчики», «монетизация», «успех»), а также теги для обозначения других агентов, действующих в социальных сетях и платформах («подписчики» или «фолловеры», «тролли», «хейтеры», «хайпбисты» и др.).

Цифровизация стимулирует свободный рынок, что приводит к появлению целого ряда профессий, обеспечивающих эту свободу. В частности, студенты в других профессиональных группах выделяют позиции фрилансеров (50,7 %), и «коучей, бизнес-тренеров и репетиторов», совокупно – 29,2 %. Определенность набирают профессии волонтеров, клиентов каршеринга, пиар-менеджеров и др. Также выделяется ряд специалистов новых профессий, где ИТ-технологии рассматриваются в качестве инструментария работы, в частности это «специалисты криптовалютного рынка», «data scientist», «аналитики данных», «технологи борьбы с вирусом SARS-CoV-2», а также «битмейкеры», «онлайн-тренеры» и др. Ряд респондентов демонстрирует негативную коннотацию при описании инфобизнесменов и коучей, характеризуя их категорией «инфоцыгане» («люди, продающие различные схемы обогащения, курсы саморазвития и т. д.», «по сути, они поняли, что не могут заработать сами со своей профессией, а заработают, обучая ей кого-либо»). В какой-то степени сюда же можно отнести «троллей» и «фейков-фейкеров».

Цифровизация по-особому трансформирует роли и статусы в социальном пространстве. Среди новых социальных статусов и ролей чаще всего упоминаются «зожники» («приверженцы здорового образа жизни», «фитоняшки», «бодипозитивщики») – 29,6 % и «белоленточники» и «ватники», совместно – 13,6 %. Последние характеризуют сферу политических пристрастий. Часто упоминаются «хипстеры», «хейтеры», «эмо», «фрики» и «хайпбисты» – социальные статусы, связанные с молодежной модой. Отчетливо фиксируются позиции «чайлдфри», «яжемать», «мать-одиночка», «феминисты» и «феминистки».

Немало социальных ролей и статусов связаны с различными сексуальными ориентациями. Сюда можно отнести «борцов за права меньшинств», «асексуалов», «гомосексуалов», «бисексуалов», «аутосексуалов», «трансгендеров», «женоподобных мужчин» и «мужеподобных женщин», «ЛГБТ-активистов», «активистов ЛГБТ+», «андрогенов». Совокупно частота упоминаний таких социальных ролей составляет 13,7 %. По мнению ряда исследователей, активизация настоящей темы связывается с последствиями цифровизации – сидячим образом жизни, перегрузками и распространением социальной изолированности. Кстати, об этом также свидетельствуют результаты настоящего исследования: появляются социальные статусы, определяемые студентами как «нетчики» (поколение NEET, или поколение ни-ни (*исп.* *ni estudia, ni trabaja*) – поколение молодых людей, которые в силу различных факторов экономического, социального или полити-

ческого характера не работают и не учатся), а также «хикикомори» (яп. «добровольное нахождение в изоляции, одиночестве»). Что касается отношения к представленным категориям, респонденты демонстрируют понимание необходимости критического подхода.

Студенты осознают влияние цифровизации, которая воздействует на некоторые стороны социального неравенства, а в условиях пандемии такое неравенство приобретает особую проблематизацию. Это становится понятным из анализа наиболее упоминаемых тегов – «пандемия», «вирус», «неравенство» и «работа». Важность показанных понятий для студентов настолько значима, что в облако тегов перечисленные понятия не были включены по причинам невозможности графически представить данные (рис. 3).

Рис. 3. Облако тегов «Социальные группы и социальная стратификация»
Fig. 3. Tag cloud «Social groups and social stratification»

Наиболее ощутимо осознается проблема материального неравенства, в первую очередь это связано с трудовыми отношениями: респонденты наиболее часто отмечают увеличение разницы доходов, когда на одном полюсе оказываются новые безработные («не-нужные люди»), потерявшие работу в связи с сокращением штата сотрудников, а на другом – увеличившие доходы на фоне пандемии (производители масок, противовирусных препаратов, IT-компании, службы доставки, создатели видеоконтента, психологи и т. д.). Немаловажно, что в этом контексте почти не упоминаются блогеры, ставшие центральной категорией в описании социальных ролей и групп.

В рамках экономического неравенства выделяется категория регионального неравенства. Это касается, например, доступности медицинской и диагностической помощи («В Москве можно сдать тест на вирус даже на дому, а в других же регионах этого трудно добиться даже в больницах»), а также доступности средств защиты и медикаментов. Другой большой блок – разделение по отношению к вирусу с точки зрения физического контакта («контактные», «переболевшие», «болеющие»), с точки зрения отношения к реальности происходящего («признающие», «не признающие», «приверженцы теории заговора»), с точки зрения отношения к требованиям о предупреждении распространения вируса («ковид-диссиденты», «масочники и антимасочники», «ковид-конформисты» – «подстраиваются под ковидный режим»), а также с точки зрения психологической реакции («мнительные», «нозофобия», «уставшие от карантина»). Отдельно выделяются категории до и после 65 лет,

а также люди с хроническими заболеваниями («группа риска»), в противовес которым также выделяется молодежь как наименее подверженная риску заболевания и осложнений.

Большое значение придается дистанционному формату труда и образования. Неравенство отмечается респондентами и в этой сфере: «Те, кто может перейти на удаленную работу, и те, кто перейти на удаленную работу не может в связи со спецификой их трудовой деятельности (например: врачи, кассиры в продуктовых магазинах и т. д.)». В сфере образования акцентируется внимание на качестве обучения в сравнении с периодом до начала пандемии: «Студенты и школьники вынуждены обучаться в дистанционном формате – усвоение материала значительно падает».

Как результат самоизоляции многие отмечают изменение форматов не только в образовании, но и в культурной жизни и других сферах: увеличение роли компьютерных технологий и интернет-коммуникаций, преобладание интернет-общения («Появились новые социальные группы, образованные интернет-связями: группы психологической поддержки, спортивные марафон-группы и т. д.»). Отмечается увеличение потребления в сфере развлечений, в большей степени связанных с кинематографом («выделились киноманы», «любители посмотреть сериалы и фильмы», «онлайн-кинотеатры»). Здесь аутсайдерами становятся группы людей, не умеющие или не имеющие возможности пользоваться цифровыми технологиями (пожилые, малообеспеченные).

Ряд респондентов обращает внимание на возросшую роль семьи как социальной группы, ставшей более значимой в условиях режима самоизоляции, когда «все мы были заперты в своих домах друг с другом, что было достаточно хорошей проверкой на прочность семейных отношений».

Респонденты также отмечают снижение социальной мобильности, изменение востребованных профессий, возросшую потребность специалистов сферы IT и фактически остановившийся набор сотрудников в сфере туризма, увеличение группы незарегистрированных («подпольных») рабочих. Отдельно выделяется категория врачей как имеющих непосредственное отношение к борьбе с пандемией в рамках профессиональной деятельности («группа “Красной зоны”»).

В обобщенном виде основные признаки цифровизации, по мнению студентов инженерно-технических специальностей, выглядят, как показано в таблице.

Представления респондентов о признаках цифрового общества
Representation of responders about the characteristics of a digital society

№	Признак цифрового общества	Количество респондентов, указавших данный признак
1	Наличие и популярность современных цифровых технологий	59
2	Цифровизация всех социальных институтов общества	51
3	Коммуникация с помощью сети Интернет	51
4	Доступность информации	40
5	Хранение, обработка и воспроизведение информации занимают самое важное место в обществе	31
6	Занятость большей части людей в интеллектуальной сфере	13
7	Изменение роли субъектов образования	13
8	Возможность дистанционной работы и учебы	10
9	Необходимость в защите персональных данных и интеллектуальной собственности	8
10	Зависимость большей части людей от цифровых устройств	6

Заключение. Полученные результаты эмпирического исследования показывают неоднозначность осознания цифровизации студентами инженерно-технического профиля.

1. Осознание роли цифровизации в профессиональной сфере студентами технических специальностей опережает восприятие и осознание реалий развития современного российского общества – его социальных изменений. Более четко студентами осознаются и положительно оцениваются технические и технологические достоинства цифровизации. Это видно по активности обсуждения отличий современного инженера и инженеров прошлых лет; особенно отчетливо – по частоте и степени осознания новых профессиональных статусов и ролей в ИТ-сфере; по тем требованиям, которые считаются важными для понимания сущности работы современного инженера. Можно утверждать, что в профессиональной сфере студенчества фактически фиксируется постцифровая ситуация, «в которой цифровое стало полностью связанным с повседневной жизнью и стало ее частью». Таким образом, студенческая среда учащихся на инженерно-технических специальностях не просто принадлежит к группе поколения Z, глубоко включенного в цифровое общество, но и является актором формирования цифрового сознания всего социума.

2. В целом, студенты инженерно-технических специальностей оценивают социальные последствия цифровизации несколько пассивнее, чем профессиональные, и по ограниченному кругу проблем. Осознание влияния наступившей цифровизации на социальные грани жизни общества не отражает всей совокупности реалий многочисленных аспектов цифровизации, трансформирующих социальную сферу общества. В частности, отвечая на вопрос о критериях стратификации, студенты (102 чел.) указали только три критерия (доступность информации, популярность в социальных сетях, компьютерная грамотность) как значимые индикаторы цифровой среды, влияющие на стратификацию в среде современной молодежи. Наряду с этим, высказывая свое положительное отношение к цифровизации всех сфер жизни российского общества, подавляющее число студентов при этом подчеркивали негативное влияние цифровизации на некоторые стороны жизни людей, наиболее всего это фиксируется в возникающих новых формах социального неравенства. Эта сторона цифровизации осознается довольно ясно.

Можно утверждать, что фактическая включенность студентов инженерно-технических специальностей в процессы цифровизации как сформированное социальное качество осознается (формализуется) ими в реальной жизни неотчетливо. Во всяком случае, основными критериями оценивания других людей для студентов остаются традиционные критерии: доход, социальный статус и престиж профессий, властные полномочия и возможности досуга (туризм). Чисто цифровые критерии стратификации занимают последние места в иерархии этих критериев. Очевидна глобализационная особенность направленности осознания содержания и последствий цифровизации – ориентация на примеры и эталоны европейской и американской цифровизации. Значительно реже в качестве таких эталонов выступают примеры российского и китайского опыта.

В прикладном отношении проведенное исследование позволяет раскрыть новые перспективы разработок этой актуальной темы, которые целесообразно использовать в деятельности по подготовке студентов технического университета.

Целесообразные перспективы проведенного исследования:

– для построения инструментария новых исследований – анкетирований, интервью, фокус-групп и др. – как основания стратегии и методики исследований, систематического

обращения к теме в интересах диагностики и фиксации трендов, раскрывающих единство–противопоставление социальных и профессиональных последствий цифровизации;

– проведение сравнительных исследований особенностей понимания цифровизации между студентами различных специальностей – журналистами, психологами, социологами, медиками, программистами и пр. Знание этих различий целесообразно использовать при подготовке программ обучения, выстраивании стратегии и тактики учебного процесса;

– как методический инструментарий, для проведения опросов студенчества в процессе онлайн-обучения и использования Интернета, для проведения углубленного анализа связанности полученных результатов. В частности, накапливаемая в личных кабинетах студентов информация позволяет выявлять связанность осознания разлитых аспектов цифровизации каждым конкретным респондентом. В свою очередь такая работа позволяет классифицировать респондентов, по-разному относящихся к различным граням цифровизации, и более индивидуализированно подходить к организации процесса обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихомиров Н. В. Информационно-коммуникационные технологии как фактор современной социализации: проблемы и вызовы // Вестн. Прикамского социального ин-та. 2019. № 1 (82). С. 193–196.

2. Кулькин А. М. Перспективы и риски развития технологий XXI века // Россия и современный мир. 2012. № 4 (77). С. 172–186.

3. Полещенко К. Н., Разумов В. И., Рыженко Л. И., Семенюк Н. А. Конвергенция социальных и технологических инноваций как основа перехода современного общества в когнитивную фазу развития // Вестн. ОмГУ. 2012. № 2 (64). С. 236–240.

4. Linne J. Two generations of digital natives // *Intercom: Revista Brasileira de Ciências da Comunicação*. 2014. Vol. 37, № 2. P. 203–220. URL: https://www.scielo.br/scielo.php?pid=S1809-58442014000200203&script=sci_arttext&lng=en (дата обращения: 10.12.2020). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/1809-584420149>.

5. Capogna S., Figus A., Mustica S. The Challenges for Digital Society: Education and E-Leadership // *International J. of Innovation and Economic Development*. 2018. Vol. 4, № 3. P. 12–19. URL: <https://researchleap.com/challenges-digital-society-education-e-leadership/> (дата обращения: 10.10.2020). DOI: 10.18775/ijied.1849-7551-7020.2015.43.2002.

6. Combi M. Cultures and Technology: an Analysis of Some of the Changes in Progress – Digital, Global and Local Culture // *Cultural Heritage in a Changing World* / in K. Borowiecki, N. Forbes, A. Fresa (ed.). Cham: Springer, 2016. P. 3–15. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-29544-2_1.

7. Шиняева О. В., Полетаева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство: поиски эффективных практик адаптации населения // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.

8. Dufva T., Dufva M. Grasping the future of the digital society // *Futures*. 2019. Vol. 107. P. 17–28. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328717302252#> (дата обращения: 17.10.2020). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.11.001>.

9. Royackers L., Timmer J., Kool L., Van Est R. Societal and ethical issues of digitization // *Ethics and Information Technology*. 2018. № 20. P. 127–142. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10676-018-9452-x>.

10. Шмаков А. В. Кодекс ритуального поведения в контексте цифровой трансформации экономики // *Terra Economicus*. 2019. № 17 (4). С. 41–61. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-41-61.

11. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 5 (153). С. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.

12. Балацкий Е. В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции // Terra Economicus. 2019. № 17 (2). С. 6–22. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22.

13. Иванова Н. А. Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях // Вестн. СПбГУ. Социология. 2013. № 3. С. 116–122.

14. Савин С. Д. Культура как фактор динамической стабильности российского общества // Вестн. СПбГУ. Социология. 2010. № 2. С. 49–56.

Информация об авторах.

Дерюгин Павел Петрович – доктор социологических наук (2002), профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная диагностика, ценности и ценностные ориентации, сетевой подход в социологии. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>. E-mail: ppd1@rambler.ru

Баннова Олеся Сергеевна – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. E-mail: bannova-o@mail.ru

Камышина Елена Александровна – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 4 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. E-mail: kamyshina.elena@gmail.com

Попов Роман Евгеньевич – аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. E-mail: popov_re@list.ru

Сидорова Анна Николаевна – аспирант факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: молодежь, массовое сознание, межнациональное согласие, человеческий капитал. E-mail: elonielle@gmail.com

Авторский вклад.

Дерюгин Павел Петрович – разработка концепции и структуры исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Баннова Олеся Сергеевна – проведение эмпирической части исследования, анализ литературных источников и интерпретация данных.

Камышина Елена Александровна – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных.

Попов Роман Евгеньевич – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

Сидорова Анна Николаевна – проведение эмпирической части исследования, анализ и интерпретация данных, подготовка текста.

REFERENCES

1. Tikhomirov, N.V. (2019), "Information and communication technologies as a factor of modern socialization: problems and challenges", *Bulletin of Prikamsky Social Institute*, no. 1 (82), pp. 193–196.
2. Kul'kin, A.M. (2012), "Prospects and risks of development of technologies of the XXI century", *Rossiya i sovremenniy mir* [Russia and the modern world], no. 4 (77), pp. 172–186.
3. Poleshchenko, K.N., Razumov, V.I., Ryzhenk, L.I. and Semenyuk, N.A. (2012), "Convergence of social and technological innovations as the basis for the transition of modern society to the cognitive phase of development", *Herald of Omsk University*, no. 2 (64), pp. 236–240.
4. Linne, J. (2014), "Two generations of digital natives", *Intercom: Revista Brasileira de Ciências da Comunicação*, vol. 37, no. 2, pp. 203–220, available at: https://www.scielo.br/scielo.php?pid=S1809-58442014000200203&script=sci_arttext&tlng=en (accessed 10.12.2020). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/1809-584420149>.
5. Capogna, S., Figus, A. and Mustica, S. (2018), "The Challenges for Digital Society: Education and E-Leadership", *International Journal of Innovation and Economic Development*, vol. 4, no. 3, pp. 12–19, available at: <https://researchleap.com/challenges-digital-society-education-e-leadership/> (accessed 10.10.2020). DOI: 10.18775/ijied.1849-7551-7020.2015.43.2002.
6. Combi, M. (2016), "Cultures and Technology: an Analysis of Some of the Changes in Progress – Digital, Global and Local Culture", *Cultural Heritage in a Changing World*, in Borowiecki, K., Forbes, N. and Fresa, A. (ed.), Springer, Cham, Switzerland, pp. 3–15. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-29544-2_1.
7. Shinyaeva, O.V., Poletaeva, O.V. and Slepova, O.M. (2019), "Information and digital inequality: searching for effective population adaptation practices", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 4, pp. 68–85. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.04>.
8. Dufva, T. and Dufva, M. (2019), "Grasping the future of the digital society", *Futures*, vol. 107, pp. 17–28, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328717302252#> (accessed 17.10.2020). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.11.001>.
9. Royackers, L., Timmer, J., Kool, L. and Van Est, R. (2018), "Societal and ethical issues of digitization", *Ethics and Information Technology*, no. 20, pp. 127–142. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10676-018-9452-x>.
10. Shmakov, A.V. (2019), "Code of ritual behavior in the context of digital transformation of economy", *Terra Economicus*, no. 17 (4), pp. 41–61. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-41-61.
11. Brodovskaya, E.V. and Huang, T. (2019), "Digital generation: civil mobilization and political protest among Russian youth", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 5 (153), pp. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.
12. Balatsky, E.V. (2019), "Global challenges of the Fourth Industrial Revolution", *Terra Economicus*, no. 17 (2), pp. 6–22. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-6-22.
13. Ivanova, N.A. (2013), "Application of the method of free association in empirical sociological research", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*, no. 3, pp. 116–122.
14. Savin, S.D. (2010), "Culture as a factor of dynamic stability of Russian society", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Sociology*, no. 2, pp. 49–56.

Information about the authors.

Pavel P. Deryugin – Dr. Sci. (Sociology) (2002), Professor at the Department of Applied and Sectoral Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 200 scientific publications. Areas of expertise: social diagnostics, values and value orientations, a network approach in sociology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>. E-mail: ppd1@rambler.ru

Olesya S. Bannova – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 3 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, interethnic accord, human capital. E-mail: bannova-o@mail.ru

Elena A. Kamyshina – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 4 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, interethnic accord, human capital. E-mail: bannova-o@mail.ru

Roman E. Popov – Postgraduate at the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 3 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, interethnic accord, human capital. E-mail: popov_re@list.ru

Anna N. Sidorova – Postgraduate at the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 5 scientific publications. Areas of expertise: youth, mass consciousness, interethnic accord, human capital. E-mail: elonielle@gmail.com

Author's contribution.

Pavel P. Deryugin – development of the concept and structure of the study, analysis and interpretation of data, preparation of the text.

Olesya S. Bannova – conducting the empirical part of the study, analyzing literature sources and interpreting data.

Elena A. Kamyshina – conducting the empirical part of the study, analyzing and interpreting the data.

Roman E. Popov – conducting the empirical part of the study, analyzing and interpreting the data, preparing the text.

Anna N. Sidorova – conducting the empirical part of the study, analyzing and interpreting the data, preparing the text.

Ментальное нездоровье современного молодого человека как продукт мифологического сознания

М. Е. Кудрявцева[✉]

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉ mashutka331@yandex.ru

Введение. Одной из опасных тенденций в духовном состоянии современного социума является преимущественная ориентация его наиболее активной и молодой части на упрощенное мифологическое отношение к окружающему миру как к набору внешних условий, существующих вне зависимости от творческой преобразующей активности человека. В статье рассматриваются проявления ментального нездоровья в аспекте индивидуалистического и потребительского отношения молодого человека к жизни.

В научной и философской литературе отмечается высокая роль личного мифа как своеобразного психологического механизма, благодаря которому сознание работает правильным образом. В то же время массовые мифы, к числу которых относится, в частности, миф о социальном успехе, человек легко употребляет себе во вред. Кроме того, в качестве характеристики мифологического сознания ученые отмечают феномен гипостазирования как приписывание самостоятельного существования отвлеченным понятиям, а также их сакрализацию. Научная новизна статьи обусловлена вниманием к указанным проявлениям мифологического сознания как свидетельствам ментального нездоровья современного человека.

Методология и источники. В данной статье с позиций социологии культуры и духовной жизни анализируются проявления мифологического сознания человека как тревожные симптомы массового общества, свидетельствующие об искажении культурной нормы и девиации в развитии общества. Приводятся результаты интернет-опроса, проведенного среди студентов младших курсов петербургских вузов на предмет определения ориентиров их социального поведения. Интернет-опрос был проведен с помощью платформы Survio, в нем принимали участие 127 респондентов. Исследование носило пилотажный характер, было проведено по выборочной совокупности. Репрезентативность выборки обеспечивается такими параметрами, как возраст и род занятий респондентов.

Результаты и обсуждение. Большинство респондентов (61,4 %) предпочли в качестве наиболее интересного для себя и окружающих миф о достижении личного успеха, а такие понятия, как «права человека», «имидж» и «успех», в сознании большинства респондентов являются гипостазированными, т. е. воспринимаются как внешние условия благополучной жизни. Всего 7,1 % респондентов свойственно личностное осмысление указанных понятий в аспекте ориентиров для личного социального поведения. Понятие субъектного творчества для большинства опрошенных (83,6 %) является сакрализированным, не допускающим ни малейших ограничений своей свободы. Такие результаты подтверждают наше предположение о распространенности среди молодежи мифологических представлений о важных категориях социального бытия.

© Кудрявцева М. Е., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что социальное поведение современной молодежи во многом определяется ее приверженностью современным массовым мифам, ориентирующим на потребительское отношение к миру, игнорирование необходимости совместного деятельного участия в его создании, на индивидуалистически понимаемую творческую свободу. Подобное социальное поведение является одним из признаков ментального нездоровья, чреватого снижением чувства социальной ответственности человека и ведущего к пагубным для общества последствиям.

Ключевые слова: мифологическое сознание, ментальное нездоровье, потребительское отношение, миф о личном успехе, гипостазирование, творчество, сакрализация.

Для цитирования: Кудрявцева М. Е. Ментальное нездоровье современного молодого человека как продукт мифологического сознания // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 57–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-57-68

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 17.12.2020; принята после рецензирования 11.01.2021; опубликована онлайн 25.02.2021

The Mental Illness of a Modern Young Person as a Product of Mythological Consciousness

Maria E. Kudryavtseva✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉mashutka331@yandex.ru

Introduction. One of the dangerous trends in the spiritual state of modern society is the predominant orientation of its most active and young part towards a simplified mythological attitude towards the surrounding world as a set of external conditions that exist regardless of the creative transformative activity of a person. The article examines the manifestations of mental ill health in the aspect of the individualistic and consumer attitude to life in a young person to life. In the scientific and philosophical literature, the high role of the personal myth is noted as a kind of psychological mechanism, thanks to which consciousness works in the correct way. At the same time, mass myths, which include, in particular, the myth of social success, people easily use to their detriment. In addition, as a characteristic of mythological consciousness, scientists note the phenomenon of hypostasis as attribution of independent existence to abstract concepts, as well as their sacralization. The scientific novelty of the article is due to the attention to the indicated manifestations of mythological consciousness as evidence of the mental illness of a modern person.

Methodology and sources. This article, in line with the sociology of culture and spiritual life, analyzes the manifestations of a person's mythological consciousness as alarming symptoms of a mass society, indicating a distortion of the cultural norm and deviation in the development of society. The article analyzes the results of an Internet survey conducted among junior students of St. Petersburg universities in order to determine the guidelines of their social behavior. The Internet survey was conducted using the Survio platform, and 127 respondents took part in it. The study was of a pilot nature, it was conducted on a sample population. The representativeness of the sample is ensured by such parameters as the age and occupation of the respondents.

Results and discussion. The majority of respondents (61,4 %) preferred the myth of personal success as the most interesting for themselves and those around them, and

concepts such as human rights, image and success in the minds of most respondents are hypostatized, that is, they are perceived as external conditions for a prosperous life. Only 7,1 % of the respondents are characterized by a personal understanding of these concepts in terms of guidelines for their personal social behavior. The concept of subjective creativity for the majority of respondents (83,6 %) is sacralized, and it does not allow the slightest restriction of their freedom.

Conclusion. The results of the study confirmed the hypothesis that the social behavior of modern youth is largely determined by its adherence to modern mass myths, orienting towards a consumer attitude towards the world, ignoring the need for joint active participation in its creation, towards individualistically understood creative freedom. Such social behavior is one of the signs of mental illness, fraught with a decrease in a person's sense of social responsibility and leading to harmful consequences for society.

Key words: mythological consciousness, mental illness, consumer attitude, the myth of personal success, hypostasis, creativity, sacralization.

For citation: Kudryavtseva M. E. The Mental Illness of a Modern Young Person as a Product of Mythological Consciousness. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 57–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-57-68 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 17.12.2020; adopted after review 11.01.2021; published online 25.02.2021

Введение. Одним из актуальных понятий сегодняшней жизни является, с нашей точки зрения, понятие ментального здоровья человека. Очевидно, что данное понятие пересекается с понятием «психическое здоровье», однако не исчерпывается им. Понятие психического здоровья соотносится преимущественно с медицинскими аспектами и означает стабильность функционирования психики. Понятие ментального здоровья ассоциируется, помимо указанного выше, с социально-гуманитарными аспектами, с понятием ментальности как атрибута целой социальной группы [1]. Отсутствие психического здоровья делает невозможным выполнение человеком его социальных функций; отсутствие ментального здоровья, предельным выражением которого является ментальный хаос, тормозит личностное развитие человека, не дает ему возможности сориентироваться в условиях переизбытка информации, идентифицировать себя как представителя определенной группы, носителя определенных ценностей. В русле социокультурного подхода понятие ментального здоровья можно интерпретировать как систему духовных факторов производства, относительно которых академик А. И. Фурсов писал: «Духовные факторы производства суть идеи (представления, верования), образы, символы, ценности, посредством которых человек соотносит себя с материальным и социальным миром (т. е. с веществом и энергией). Духовные факторы производства – это то, во что верят люди, ценности, которыми они руководствуются в социальном поведении и материальном производстве, и, самое главное, цели и смыслы, определяющие их поведение...» [2].

Как представляется, можно быть психически здоровым человеком с общепринятой точки зрения и находиться в состоянии ментального хаоса, ощущение которого оказывается вытесненным в подсознание со всеми вытекающими из этого последствиями. К числу этих последствий относится в социально позитивном варианте феномен «человека-функции», подавляющего своей внешней социальной активностью любую рефлексивную, выходящую за рамки парадигмы стремления к социальному успеху. В социально негативном

варианте человек социально неуспешный, находящийся в состоянии ментального хаоса, не определившийся с ценностями, неспособный разобраться в причинах своей неуспешности, тонущий в море окружающей его информации, может быстро превратиться в аморального и агрессивного, опасного для общества.

С позиций социально-психологического и социокультурного подходов можно выделить следующие проявления ментального хаоса.

Во-первых, полная хаотизация представлений о мире, склонность впадать в крайности: либо принимать абсолютно все концепции и точки зрения, либо сомневаться во всем и тотально отрицать всё.

Во-вторых, это проблемы культурной самоидентификации, также отзывающейся крайностями: определение себя либо как «гражданина мира», индивидуалиста, лишённого какой бы то ни было культурной принадлежности, либо как представителя узкой этнокультурной группы, стремящейся к самоизоляции и обрубаящей связи с другими культурами. В аспекте жизненной активности, как представляется, в первом случае человек, скорее, будет идентифицировать себя как субъекта потребления, а не субъекта творчества, поскольку творчество (в первую очередь в гуманитарной сфере, но не только в ней) в большой степени связано с конкретной культурой. Во втором случае тормозить творческую активность будет само стремление к обособлению и самоизоляции, требующее зачастую не столько созидательной, сколько разрушительной активности.

В-третьих, опасным проявлением ментального хаоса являются крайности сознания, также тяготеющего к одному из полюсов: редукция мышления либо к абсолютно позитивистскому, плоскорациональному, делающему невозможным восприятие объемной картины мира, либо к полной иррационализации. Очевидно, что обе крайности, упрощающие картину мира, свидетельствуют о зашоренности, наполненности стереотипами, неспособности человека к критическому подходу.

В-четвертых, проявлением ментального хаоса служит характеризующееся крайностями отношение человека к цифровой среде. С одной стороны, полное ее игнорирование или неприятие, ее демонизация, страх перед ней, что свойственно многим людям старшего поколения, с другой стороны – полное перенесение в нее своей жизни, уход от реальности, тем более затягивающий, чем больше все институты общества на нее переключаются.

В целом можно сказать, что ментальный хаос обнаруживает себя как упрощенное, склонное к крайним субъективным оценкам восприятие человеком окружающего мира в виде некоего набора условий внешней среды – этнокультурных, технологических, потребительских, сложившихся и существующих вне зависимости от активной созидательной, ценностно окрашенной деятельности самого человека.

Можно предположить, что элементы ментального хаоса свойственны современным молодым людям, и полнообъемное исследование позволило бы оценить наличие в сознании молодежи и степень проявления выделенных нами выше признаков ментального нездоровья.

Цель данной статьи – отследить проявления ментального нездоровья в аспекте индивидуалистического и потребительского отношения молодого человека к жизни.

Методология и источники. Опасность ментального хаоса, с нашей точки зрения, обусловлена феноменом мифологического сознания, не менее актуальным в современном

мире, чем это было в прошлые эпохи. Необходимо отметить, однако, что мифологическое сознание современного массового человека, неспособного подняться до подлинно научного восприятия мира (свойственного, по нашему мнению, вообще очень немногим людям), – это определенная данность, оценивать которую следует не по факту ее наличия, а по содержанию того мифа, который является системообразующим для того или иного человека или общественной группы.

Философы отмечают высокую роль мифа в жизни человека любой эпохи, М. К. Мардашвили писал о том, что миф – это своеобразная «человекообразующая машина». По мнению философа, созидательная роль мифа – это «восполнение и созидание человеком себя в бытии» [3]. А. Ф. Лосев писал о том, что миф – это «совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от случайности и произвола. Это подлинная и максимально конкретная реальность» [4, с. 9–10]. Однако для того, чтобы стало возможным оценить роль мифа в аспекте ментального здоровья или нездоровья человека, нужно подойти к мифу с позиций ценностного подхода. Миф, способный обеспечить человеку ментальное здоровье и духовный рост, – это, как отмечает А. Н. Канев, «миф личностный – это глубоко духовное переживание бытия, зависящее от качеств личности, укорененной в духовной традиции» [5, с. 63]. В первую очередь такой личностный миф – это миф о героическом человеке. С точки зрения выдающегося исследователя религии XX в. Дж. Кэмпбелла, основу мифа о герое составляет внутренний психологический процесс становления личности (то, что Юнг называл индивидуацией). «Герой, – пишет Кэмпбелл, – представляет собой мужчину или женщину, способных преодолеть свои личные и локально исторические ограничения и перейти к обладающим всеобщей значимостью, общечеловеческим формам. Точки зрения, мысли и воодушевление такого человека в незапятнанном виде исходят из первичных импульсов человеческой жизни и мышления. Герой умирает как современный человек, но возрождается как человек вечный – совершенный, обобщенный и всеобщий» [6, с. 20].

В современном мире мифы продолжают выполнять свою ориентационную и дисциплинарную функцию не в меньшей степени, чем это было в древнем мире, однако содержание мифов принципиально изменилось. А. Н. Канев пишет, что современный миф – массовый, или макромиф, – это «эрзац мифотворчества, искусственная замена внутренней духовной работы, универсальный мифологический шаблон для создания поведенческих матриц как новых традиций и ценностей» [5, с. 63].

Схожей точки зрения придерживается и Э. А. Баташева: «Человек – по самой своей природе существо, априорно нуждающееся в мифологии и религии, которые можно рассматривать не только как формы культуры и сознания, но и в определенном смысле как своеобразные механизмы, благодаря которым сознание работает правильным образом. Соответственно, когда в процессе секуляризации человек отказывается от мифа и объясняет его исключительно как вымысел, он в результате изобретает иные формы мифа, как правило, более примитивные, которые легко обращает себе же во вред» [7, с. 30].

Одним из наиболее популярных современных массовых мифов является миф о социальном успехе как главной жизненной цели. Обращение к данному мифу – эффективный инструмент управления массовым сознанием, поэтому широко используется в практике профессиональных коммуникаций, прежде всего в рекламе и связях с общественностью.

Опасность его для ментального здоровья человека двойная. Она обусловлена, во-первых, мифологизацией самого успеха, выражающегося в первую очередь в обладании благополучием и высоким социальным статусом, и уже во вторую и в третью очередь – высокими возможностями социального служения. Во-вторых, она обусловлена мифологизацией путей его достижения, никогда не подразумевающих сколько-нибудь серьезных самоограничений и жертв.

Об актуальности мифологического восприятия современной молодежью категории «успех» свидетельствуют результаты проведенного нами с помощью интернет-платформы Survio опроса студентов первого и второго курсов петербургских вузов, обучающихся по направлению «Реклама и связи с общественностью». Всего было опрошено 127 человек. Студентам было предложено ответить на вопросы анкеты закрытого типа. Можно было выбрать только один из предложенных вариантов ответа.

Результаты и обсуждение. Мы предположили, что в настоящее время наиболее востребованным у молодежи является миф о достижении успеха, что обусловлено современной поведенческой матрицей, построенной в основном на понятии личного успеха. Миф же о герое-искупителе, способном жертвовать своими интересами ради чего-либо или кого-либо, не является сейчас значимым в общественном сознании. Для проверки данной гипотезы студентам были заданы вопросы: 1. Как вы думаете, какая история будет сейчас более востребована обществом? 2. Какая история будет интереснее вам лично? В качестве вариантов ответов на оба вопроса были предложены следующие:

1. История о том, как человек своими усилиями достиг личного успеха.
2. История о том, как человек сумел пожертвовать своими интересами ради кого-то или какого-либо важного дела.
3. История о том, как человек пожертвовал своей жизнью ради кого-то или какого-то важного дела.

Ответы на первый вопрос распределились следующим образом: 61,4 % опрошенных выбрали первый вариант; 17,3 % выбрали второй вариант; 21,3 % – третий вариант.

Ответы на второй вопрос распределились так: 52,8 % – первый вариант; 26 % – второй; 21,3 % – третий вариант. Тот факт, что при ответе на оба вопроса наибольшее число респондентов выбрали первый вариант, свидетельствует о справедливости нашей гипотезы.

Далее респондентам был задан вопрос о том, что означает понятие «успех». Были предусмотрены следующие варианты ответа:

1. Личное (семейное) благополучие и высокий социальный статус.
2. Высокий авторитет у широкого круга людей и возможность влиять на них.
3. Мои личные достижения по преодолению своего эгоизма и своей лени.

Результаты оказались следующими: первый вариант выбрали 51,2 % респондентов; второй вариант – 11,0 %; третий – 37,8 %. Относительно высокий процент респондентов, выбравших третий вариант ответа, свидетельствует, скорее всего, о вполне ожидаемом ответственном отношении студента вуза к построению своей карьеры. Показательным, однако, является то, что более половины респондентов не ассоциируют понятие «успех» с личными усилиями по его достижению. Обратим также внимание на низкий процент (11) выбравших второй вариант ответа. Это свидетельствует о том, что неформальные показатели успешности в современном мире остаются гораздо менее популярными, чем формальные, во всяком случае, не будучи монетизированными.

Вопрос о том, какую этическую оценку этой ориентированной на успех поведенческой матрицы должны давать педагоги, исследователи, сами студенты, является очень непростым. С одной стороны, очевидно, что сломать эту матрицу быстро не получится, да и вряд ли будет конструктивным, поскольку в лучшем своем варианте она все-таки предполагает приложение личных усилий; с другой стороны, совершенно очевидна опасность индивидуалистической ставки на так понимаемый успех, как проявление ментального нездоровья, тем более очевидного, что, по данным исследования Е. В. Ткачева, посвященного изучению ценностно-смысловых аспектов образа жизни современной студенческой молодежи, «пропагандируемая обществом установка на индивидуальный успех определяет в качестве основного девиз “Хочешь жить – умей вертеться”» [8, с. 84].

Также одним из наиболее актуальных аспектов мифологического сознания является языковой аспект. Ученые отмечают тесную связь языка с мифологическим сознанием. Известный исследователь мифологического сознания Э. Кассирер пишет о происхождении из него всех основных форм духовной культуры (язык, искусство, познание). С его точки зрения, «исследование форм слов, в которых выражены отдельные религиозные представления, есть та нить Ариадны, с помощью которой мы только и можем надеяться найти определенную ориентацию в лабиринте мифического мышления» [9, с. 339]. Сам метафорический характер языка, в котором бесконечно умножаются переносные значения, инициирует гипостазирование как приписывание самостоятельного существования отвлеченным понятиям. Суть этого процесса хорошо выразил С. Г. Кара-Мурза в докладе «Гипостазирование. Учебный пример: отчуждение»: «Реальность, о которой можно рассуждать в общедоступных понятиях, заменяется клубком оригинальных сущностей, рожденных воображением» [10].

Наиболее очевиден феномен гипостазирования в мифах народов мира, персонифицирующих явления природы, человеческие качества, отвлеченные понятия. В современном мире хотя и не происходит персонификация, тем не менее отвлеченные понятия чаще всего воспринимаются как некоторые данности, обладающие самостоятельным существованием. Справедливости ради следует отметить эпистемологическую оправданность присутствия гипостазирования в социальном и гуманитарном знании. Как пишет Л. А. Микешина, «с позиций эпистемологии, гипостазированные сущности в сфере культуры и социума могут быть оправданы, если они, реифицируясь через институты, коммуникации и деятельность людей, обретают объективное существование по принятым в обществе правилам» [11, с. 54]. Однако, исследуя историю вопроса, Л. А. Микешина разделяет важную мысль П. Бергера и Т. Лукмана, поставивших вопрос о реификации (овеществлении) социальной реальности, о том, что «реификация – это признак того, что “человек может забыть о своем авторстве в деле создания человеческого мира” и не осознавать связь “между человеком-творцом и его творениями”. <...> Человеческие значения понимаются теперь не как создающие мир, но, напротив, как следствия “природы вещей”» [11, с. 52].

Отметим, что для ментального здоровья молодого человека принципиально важным видится понимание того, что существование отвлеченных понятий (типа «свобода», «демократия», «права человека», «бизнес», «имидж», «репутация» и пр.) зависит, прежде всего, от актуализации их в каждом отдельно взятом сознании и соответствующей перестройки своего личного отношения к миру и своей деятельности. Проще говоря, слова «права

человека», «демократия» – это пустой звук, пока ты не принял их как руководство к своему личному действию. Отношение к этим словам как к чему-то внешнему, не связанному с твоим личным поведением здесь и сейчас, – проявление ментального хаоса.

Мы предположили, что сознанию современного молодого человека по большей части несвойственны личностное осмысление и актуализация указанных выше и подобных им понятий в аспекте ориентиров для их личного социального поведения.

Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть данную гипотезу, мы предложили студентам следующие вопросы: 1. Что для вас означает понятие «права человека»? 2. Что для вас означает понятие «личный имидж»?

На вопрос о понятии «права человека» были предусмотрены следующие варианты ответов:

1. Это моя личная свобода действовать так, как я хочу и считаю нужным, если это не противоречит закону.
2. Это гарантия моей безопасности и моего благополучия.
3. Это важнейшее понятие демократического общества.
4. Это мои личные самоограничения в поведении с людьми в личном и деловом общении.

Ответы распределились следующим образом: 50,4 % выбрали первый вариант ответа; 17,3 % – второй; 25,2 % – третий; 7,1 % – четвертый. Такие результаты, с нашей точки зрения, наглядно свидетельствуют о том, что абсолютное большинство респондентов склонно рассматривать понятие «права человека» либо как что-то, существующее независимо от их личного поведения, либо в аспекте своей свободы от каких-либо ограничений, но не в аспекте личных самоограничений. Таким образом, налицо гипостазирование как элемент мифологического сознания и свидетельство ментального нездоровья.

При ответе на вопрос о том, что означает понятие «личный имидж», были предусмотрены следующие варианты:

1. Мой внешний образ, который способствует моему продвижению в публичном пространстве.
2. Восприятие меня окружающими людьми так, как мне бы хотелось.
3. Мои постоянные личные усилия быть таким, как мне бы хотелось, чтобы меня воспринимали окружающие.

Ответы распределились следующим образом: первый вариант выбрали 33,1 % респондентов; второй вариант – 37,8 %; третий – 33,1 % респондентов.

Отметим, что лишь треть респондентов связывают свой имидж с постоянными личными усилиями по сближению категорий «казаться» и «быть». Отметим также, что такой результат с очевидностью свидетельствует об актуальности глубокой и содержательной работы по формированию у человека имиджологической компетентности, что, в частности, отмечает в своих работах Л. М. Семенова [12–14].

Таким образом, результаты этой части нашего эмпирического исследования свидетельствуют о том, что гипостазирование как наделение статусом самостоятельного существования отвлеченных понятий все еще присуще сознанию большей части опрошенных молодых людей. Поэтому совершенно необходимой видится педагогическая работа по актуализации в их сознании процесса принятия такого рода понятий как ориентиров для

своего собственного социального поведения. Такая работа, будучи достаточно сложной как с интеллектуальной, так и с эмоциональной точек зрения, на наш взгляд, может быть эффективной именно в контексте изучения мифологического сознания, как склонного к гипостазированию и соответственно восприимчивого к определенному рода текстам.

И, наконец, еще одним показателем индивидуалистически-мифологизированного подхода к миру является, с нашей точки зрения, сакрализация некоторых социальных феноменов, представляющих в современном массовом сознании незыблемую ценность. В отличие от гипостазирования, сакрализация некоего феномена вполне может предполагать вовлеченность в него субъекта, получающего через акт сакрализации своеобразную индальгенцию на любые его проявления. Речь идет в первую очередь о феномене субъектного творчества, из определения которого массовое сознание полностью исключило понятие ценности, оставив понятие оригинальности. Между тем, с точки зрения известного отечественного философа Г. С. Батищева, человеческие «креативные силы» далеко не всегда ориентированы на служение культурно-историческому прогрессу, зачастую они превращаются «из сил общительности в силы разобщения». Возражая Н. А. Бердяеву, который считал творчество само по себе оправданием для человека, Г. С. Батищев указывал на ложность и опасность этого взгляда «именно из-за своей очевидной приемлемости для стихийного здравого смысла, который испытывает от всяких около-творческих перипетий остро-будоражающее и романтически завлекающее наслаждение» [15].

Мы предположили, что в сознании современного молодого человека субъектное творчество выступает именно в виде такого сакрализованного объекта, который сам по себе обладает непререкаемой ценностью. С целью проверки этого предположения нами был задан следующий вопрос: Как вы думаете, должны ли быть какие-то ограничения для человеческого творчества? Варианты ответов предлагались такие:

1. Должно быть соответствие вневременным этическим критериям.
2. Должно быть соответствие этическим критериям, принятым в данную эпоху.
3. Должно быть соответствие эстетическим критериям, принятым в данную эпоху.
4. Не должно быть никаких ограничений.

Ответы распределились следующим образом: первый вариант выбрали 8,2% респондентов; второй вариант – 6,8%; третий – 1,4 %; четвертый – 83,6%.

Данные результаты убедительно подтверждают наше предположение.

Следует, впрочем, оговориться, что вопрос отношения молодых к феномену творчества в аспекте ментального нездоровья должен изучаться глубже. Вполне вероятно, что на таком представлении молодежи о ценности неограниченной свободы творчества отразилось сложившееся в России в постперестроечные годы крайне негативное отношение к любой цензуре (думается, здесь тоже произошла определенная сакрализация понятия). Вероятно и то, что если бы был поставлен вопрос о необходимости самоцензуры с точки зрения этических и эстетических критериев, то результаты хотя бы отчасти были другими. И тем не менее мы считаем этот результат показательным, отметим, кстати, что ни один из респондентов не воспользовался возможностью прокомментировать свой ответ.

Формирование у молодежи правильного понимания феномена субъектного творчества – дело очень непростое, поскольку в тренде сейчас именно полная, доходящая до хаоса свобода творчества. По существу, любые покушения на него склонны принимать поли-

тический характер. В наши задачи сейчас не входит подробное рассмотрение возможностей педагогической работы в этом направлении, отметим только, что важнейшим инструментом этой работы является воспитание эстетического вкуса.

Заключение. Мы отдаем себе отчет, что рассмотренные нами социальные представления молодежи свидетельствуют о ментальном нездоровье лишь косвенно, скорее, как некая предрасположенность к нему. Прямым его свидетельством будет социальное поведение человека, построенное по принципам стремления к личному социальному успеху, а не служения обществу, пассивности, а не активности «в деле создания человеческого мира», мифологизирования и сакрализации отвлеченных понятий. И тем не менее считаем необходимым обратить на это внимание, поскольку социальные представления сегодняшних молодых будут определять наш мир в скором будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудрявцева М. Е. Ментальное здоровье и ментальная гигиена: гуманитарный подход // Тенденции науки и образования. 2019. № 46, ч. 1. С. 65–71. DOI: 10.18411/lj-01-2019-22.
2. Фурсов А. И. Теоретико-методологические проблемы развития системы исторического коммунизма // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. URL: <http://zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Fursov/> (дата обращения: 15.11.2020).
3. Мамардашвили М. К. Введение в философию // М. К. Мамардашвили. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. С. 7–154.
4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // А. Ф. Лосев. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 8–216.
5. Канев А. Н. Апокалипсис сегодня? К вопросу о мифологии времени в современном мировосприятии // Вестн. Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2013. № 3 (15). С. 57–65.
6. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячей лицами. Киев: София, 1997.
7. Баташева Э. А. Влияние мифа и мифологического мышления на сознание современного человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50). Ч. 2. С. 28–31.
8. Ткачев Е. В. Ценностно-смысловые аспекты образа жизни современной студенческой молодежи // Изв. АлтГУ. 2014. № 2-2 (82). С. 81–84.
9. Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос / пер. с нем. А. Н. Малинкина. М., СПб.: Университетская книга, 2000.
10. Кара-Мурза С. Г. Гипостазирование. Учебный пример: отчуждение // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 4. С. 297–321. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?issueid=942819> (дата обращения: 15.11.2020).
11. Микешина Л. А. Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации // Вопр. философии. 2010. № 12. С. 44–54.
12. Семенова Л. М. Возникновение и становление имиджа на этапах развития человеческого общества // Вестн. развития науки и образования. 2017. № 2. С. 18–28.
13. Семенова Л. М. Концепция формирования профессионального имиджа будущего специалиста по связям с общественностью: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / ЮУрГУ. Челябинск, 2010.
14. Семенова Л. М. Формирование профессионального имиджа и готовности к самопрезентации у будущих специалистов в области массовой коммуникации. Челябинск: ЮУрГУ, 2008.
15. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: Издательство РХГА, 1997. URL: <https://marxistphilosophy.org/SovPhil/Batishchev97.html> (дата обращения: 21.11.2020).

Информация об авторе.

Кудрявцева Мария Евгеньевна – доктор педагогических наук (2009), доцент (2008), профессор кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», ул. Проф. Попова, д. 5, 197376, Россия. Автор 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: психология и педагогика творчества, самоидентификация и развитие личности, свобода и ответственность личности в медиапространстве. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9289-7454>. E-mail: mashutka331@yandex.ru

REFERENCES

1. Kudryavtseva, M.E. (2019), "Mental health and mental hygiene: a humanitarian approach", *Tendentsii nauki i obrazovaniya* [Science and education trends], no. 46, part 1, pp. 65–71. DOI: 10.18411/lj-01-2019-22.
2. Fursov, A.I. (2010), "Development of the System of Historical Communism: Theoretical and Methodological Problems", *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 1, available at: <http://zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Fursov/> (accessed 15.11.2020).
3. Mamardashvili, M.K. (1996), "Introduction to philosophy", *Neobkhdimost' sebya* [Necessity of oneself], Labirint, Moscow, RUS, pp. 7–154.
4. Losev, A.F. (1994), "Dialectics of Myth", *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Myth. Number. The essence], Mysl', Moscow, RUS, pp. 8–216.
5. Kanev, A.N. (2013), "Apocalypse today? On the time mythology problem in modern perception of the world", *Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, no. 3 (15), pp. 57–65.
6. Campbell, J. (1997), *The Hero with a Thousand Faces*, Sofiya, Kiev, Ukraine.
7. Batasheva, E.A. (2014), "The influence of myth and mythological thinking on the consciousness of modern man", *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskus-stvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], no. 12 (50), part 2, pp. 28–31.
8. Tkachev, E.V. (2014), "Collective Values and Meanings of the Modern Youth Lifestyle", *Izvestiya of Altai State University*, no. 2-2 (82), pp. 81–84.
9. Cassirer, E. (2000), *Izbrannoe. Individ i kosmos* [Favorites. The individual and the cosmos], Transl. by Malinkin, A.N., University book, SPb., Moscow, RUS.
10. Kara-Murza, S.G. (2011), "Hypostasis. Case study: alienation", *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], no. 4, pp. 297–321, available at: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?issueid=942819> (accessed 15.11.2020).
11. Mikeshina, L.A. (2010), "Epistemological justification for hypostasis and reification", *Voprosy Filosofii*, no. 12, pp. 44–54.
12. Semenova, L.M. (2017), "Origination and formation of image at different stages of human society development", *Bulletin of Science and Education Development*, no. 2, pp. 18–28.
13. Semenova, L.M. (2010), "The concept of forming a professional image of a future public relations specialist", Abstract of Dr. Sci. (Pedagogy) dissertation, SUSU, Chelyabinsk, RUS.
14. Semenova, L.M. (2008), *Formirovanie professional'nogo imidzha i gotovnosti k samoprezentatsii u budushchikh spetsialistov v oblasti massovoi kommunikatsii* [Formation of a professional image and readiness for self-presentation among future specialists in the field of mass communication], SUSU, Chelyabinsk, RUS.
15. Batishchev, G.S. (1997), *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction to the dialectic of creativity], available at: <https://marxistphilosophy.org/SovPhil/Batishchev97.html> (accessed 21.11.2020).

Information about the author.

Maria E. Kudryavtseva – Dr. Sci. (Pedagogy) (2009), Docent (2008), Professor at the Department of Public Relations, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 150 scientific publications. Area of expertise: Psychology and pedagogy of creativity, self-identification and development of personality, freedom and responsibility of the individual in the media space. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9289-7454>. E-mail: mashutka331@yandex.ru

Мониторинг административных аккаунтов, регулирующих туристическую деятельность в России (на примере сети «ВКонтакте»)

А. А. Чугунова[✉], А. Н. Писарева

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

[✉]aachugunova@etu.ru

Введение. В данной публикации приведены результаты социологического мониторинга эффективности ведения официальных аккаунтов органами государственной власти. В 2020 г. пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 вынудила большинство предприятий и организаций перенести свою деятельность в онлайн. Для организаций, работающих с различными группами общественности, представительство в digital-пространстве – насущная необходимость. Поскольку в сложившихся условиях способность к быстрой перестройке форматов коммуникационной активности стала определяющей, социальные сети оказываются ключевым деловым ресурсом. Вместе с тем стало очевидно, что государственные органы, в привычных обстоятельствах реагирующие более реактивно, чем коммерческие структуры и НКО, не показали той же эффективности в интернет-коммуникациях. Исследовательская задача – сбор информации о деятельности федеральных и региональных органов, отвечающих за развитие и управление туристической отраслью, в официальных представительствах в онлайн-пространстве. Туристическая сфера выбрана для исследования как наиболее пострадавшая от пандемии, с одной стороны, и как драйвер экономики в ситуации всеобщего кризиса, с другой.

Методология и источники. Методологическая рамка исследования – структурно-функциональный подход. Предмет анализа – коммуникационная активность официальных аккаунтов органов, занимающихся регулированием туристической отрасли в столице и регионах в социальной сети «ВКонтакте» (как наиболее популярной в России). По 15 параметрам онлайн-активности проанализировано 249 публикаций, размещенных в группах 11 субъектов РФ за две недели 2020 г.

Результаты и обсуждение. Мониторинг официальных аккаунтов показал значительный разброс численности подписчиков – от нескольких сотен до десятков тысяч человек. В двух аккаунтах в исследуемые периоды полностью отсутствовал контент. В остальных группах нет единого подхода к публикационной активности, а именно разная степень периодичности публикаций, а также различный формат подачи материала. По количественным характеристикам и степени вовлеченности аудитории большую активность демонстрирует группа Министерства культуры, туризма и архивного дела Республики Коми, по качеству подготовки и подачи контента, виральности постов (и по высокой степени негативной обратной связи) – аккаунт Федерального агентства по туризму (Ростуризма). В публикации приведена сводная таблица данных.

Заключение. Исследование показало, что ситуация, сложившаяся на фоне пандемии, оказала существенное влияние на коммуникационную активность изучаемых админи-

стративных структур. Ряд организаций, имея изначально большую аудиторию подписчиков, либо не обновляли контент, либо делали это нерегулярно. Выявлены организации, которые не учитывают интересы аудитории, демонстрируют формальный подход к ведению страниц. Таким образом, можно утверждать, что такой важнейший коммуникационный ресурс, как социальные сети, большинство административных органов сферы управления туристической деятельностью использует неэффективно.

Ключевые слова: туризм, политическая власть, социальные сети, современные коммуникации, медиакommunikации.

Для цитирования: Чугунова А. А., Писарева А. Н. Мониторинг административных аккаунтов, регулирующих туристическую деятельность в России (на примере сети «ВКонтакте») // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 69–81. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-69-81

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 17.12.2020; принята после рецензирования 12.01.2021; опубликована онлайн 25.02.2021

Monitoring of administrative accounts regulating tourist activity in Russia (on the Example of social network “Vkontakte”)

Anna A. Chugunova[✉], **Alexandra N. Pisareva**

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

[✉]aachugunova@etu.ru

Introduction. This article presents the sociological monitoring results of the official public authorities' accounts effectiveness. The COVID-19 coronavirus pandemic in 2020 forced most businesses and organizations to move their activities online. For organizations working with different public groups, representation in the digital space is an urgent need. Since in the current conditions the ability to quickly reconstruct the formats of communication activity has become crucial, social networks turn out to be a key business resource. At the same time it is obvious that government agencies, which under normal circumstances are more reactive than commercial structures and NGOs, have not shown the same effectiveness in internet communications. The authors set a research task is to collect information about the activities of federal and regional bodies responsible for the development and management of the tourism industry in official representations in the online space. The tourist sector was chosen for the research as the most affected by the pandemic, on the one hand, and as a driver of the economy in a situation of general crisis, on the other hand.

Methodology and sources. The methodological framework of the study is the structural-functional approach. The subject of the analysis is the communication activity of official accounts of the authorities involved in the regulation of the tourism industry in the capital and regions in the social network “Vkontakte” (as the most popular in Russia). We analyzed 249 publications by 15 online activity parameters in 11 groups of subjects the Russian Federation for two weeks of 2020.

Results and discussion. Monitoring of official accounts showed a significant variation in the number of subscribers – from several hundred to tens of thousands. Two accounts had no content at all during the survey periods. The remaining groups did not have a unified approach to publication activity, namely different degrees of frequency of publications, as well as different formats of presenting material. According to the quantitative characteristics and the degree of audience engagement, the Ministry of Culture, Tourism and Archives of the Republic of Komi is the most active group, the

account of the Federal Agency for Tourism (Rostourism) is the most active by the quality of preparation and presentation content, the virality of posts (and by a high degree of negative feedback). A summary table of the data is given in the publication.

Conclusion. The study has shown that the current situation with the pandemic has had a significant impact on the communication activity of the studied administrative structures. A number of organizations, even which initially had a large audience of subscribers, either did not update their content or did so irregularly. The organizations that do not take into account the interests of the audience and demonstrate a formal approach to the maintenance of pages were identified. Thus, it can be argued that such an important communication resource as social networks is used ineffectively by the majority of administrative bodies in the sphere of tourism management.

Key words: tourism, political power, social networks, modern communications, media communications.

For citation: Chugunova A. A., Pisareva A. N. Monitoring of administrative accounts regulating tourist activity in Russia (on the Example of social network "Vkontakte"). DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 69–81. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-69-81 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 17.12.2020; adopted after review 12.01.2021; published online 25.02.2021

Введение. Пандемия 2020 г. изменила социальную жизнь всего человечества, перевела в онлайн большинство сфер социальной активности и тем самым усилила востребованность интернет-коммуникаций, в том числе и с сетевыми представительствами бизнес-структур, некоммерческих организаций и государственных органов. Если до пандемии о необходимости взаимодействия с целевыми аудиториями в сети говорили как о важном тренде в сфере коммуникаций, то в условиях самоизоляции социальные сети оказались чуть ли не единственной возможностью проинформировать людей о принимаемых решениях, о собственной деятельности, отчитаться о выполненных проектах и направлениях работы. В новых условиях способность к быстрой коммуникационной адаптации стала ключевой. Если коммерческие структуры и НКО оказались более приспособленными к изменениям, то государственным органам, как сектору более ригидному, перестроить свою работу удалось не вполне.

В данной работе рассматривается управление сферой туризма. На наш взгляд, туристическая отрасль позволяет описать возникшие проблемы и задачи максимально выпукло. С одной стороны, туризм пострадал от пандемии, пожалуй, как ни одна другая отрасль, с другой – туризм способен стать драйвером экономики именно в кризисных ситуациях. Под таким углом обсуждали состояние и перспективы туристической деятельности участники I Санкт-Петербургского делового туристического форума «Северная Пальмира», который состоялся 22–23 октября 2020 г. Показательно, что, анализируя ситуацию, сложившуюся летом 2020 г., советник руководителя Ростуризма Юлия Рыбакова отметила, что летний сезон был непростым, но прошел лучше ожидаемого. Турпоток удалось восстановить на 70 % по отношению к прошлому 2019 г., утрату зарубежных направлений в летние месяцы удалось в определенной мере компенсировать развитием внутреннего туризма [1].

Елена Церетели – руководитель Фонда развития субъектов малого и среднего предпринимательства в Санкт-Петербурге, председатель Общественного совета по малому предпринимательству при губернаторе Санкт-Петербурга – привела следующие показатели,

иллюстрирующие утверждение, что туризм является драйвером экономики: число туристов в России за 2019 г. составило 62 млн (из них иностранных – 5,5 млн). Туризм приравнивается к стратегическим отраслям, а отели в период пандемии были признаны системообразующей отраслью. Для Санкт-Петербурга туризм является одной из приоритетных областей развития на государственном уровне, так как обеспечивает 107,5 тыс. рабочих мест (вместе со смежными 50 областями количество возрастает до 500 тыс.), 4,4 % ВВП (376,8 млрд р.). С. Е. Корнеев, председатель Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга, дополнил, что индустрия гостеприимства занимает 12 % всего городского экспорта, а если смотреть несырьевой неэнергетический тип экспорта, то это 44,5 % [2].

Исследовательская задача нашей работы состояла в том, чтобы оценить сетевую деятельность федеральных и региональных органов, отвечающих за развитие и управление туристической отраслью в сложнейший период лета–осени 2020 г. Объектом исследования была выбрана социальная сеть «ВКонтакте» как наиболее популярная в России (по данным портала Mediascore, в июле и сентябре 2020 г. количество просмотров в этой сети достигало 73 млн чел. в месяц) [3].

Методология и источники. Методологическая рамка исследования – структурно-функциональный анализ деятельности административных органов, координирующих туристическую деятельность. Концептуальную ценность для проведения мониторинга изучаемых объектов представляли исследования «сетевой публичной политики» [4], «сетевой локальной политики» [5], а также так называемого «коммуникативного капитализма» [6]. Применяя подход критического изучения Интернета, известный российский социолог и политолог Д. П. Гавра указывает на становление новых властных субъектов, которые конкурируют с политическими игроками традиционного формата [6]. В новых высококонкурентных условиях цифровой среды особый интерес представляет деятельность именно административных органов, их представленность в сетевом сообществе.

Предметом анализа данной публикации стала коммуникационная активность в социальной сети «ВКонтакте» официальных аккаунтов органов, которые занимаются регулированием туристической отрасли на различных уровнях как в столице, так и в регионах. Для исследования были выбраны 11 субъектов: Комитет по туризму Московской области [7], Комитет по туризму Мурманской области [8], Комитет по туризму Саратовской области [9], Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга [10], Комитет по туризму Ленинградской области [11], Комитет по туризму Псковской области [12], Комитет по туризму Ингушетии [13], Министерство культуры, туризма и архивного дела Республики Коми (далее мы сокращенно именуем Министерство туризма Коми) [14], Министерство туризма Республики Бурятия [15]; организации Федеральное агентство по туризму (Ростуризм) [16] и Россотрудничество [17] рассматривались как представители федеральных структур, контролирующих отрасль и тем самым выступающих моделью для региональных структур.

Рассматривались следующие параметры онлайн-активности:

1. Наличие ссылки на страницу на официальном сайте организации и верификации как показателя серьезности отношения к представительству в социальных сетях.
2. Число подписчиков.
3. Частота генерации постов (Post Rate).
4. Оригинальность поста (уникальный или репост).

5. Связь содержания публикации с деятельностью организации.
6. Количество символов в посте.
7. Наличие сопровождающих материалов (фото, видео, ссылки).
8. Вовлеченность аудитории: количество лайков, комментариев и репостов.

Частота генерации постов, оригинальность, среднее количество используемых символов, выявление связи содержания указанной публикации с деятельностью организации, наличие сопровождающих материалов указывают на качество информации, транслируемой в одностороннем порядке, на привлекательность ее подачи для подписчиков. Коммуникативная деятельность в социальных сетях эффективна, когда ставит целью не столько информирование (для этого существуют другие каналы коммуникации: в сети Интернет это, например, сайт и канал в «Телеграм»), сколько взаимодействие с аудиторией, получение обратной связи, вовлечение подписчиков в деятельность своей организации, создание пула лояльных читателей и, соответственно, формирование имиджа и доверия целевой аудитории. Это совершенно иной уровень коммуникаций, гораздо более сложный, чем предоставление информации без учета интересов пользователей. Среди оцениваемых параметров количество лайков, комментариев, репостов и общее количество подписчиков в группе сигнализирует о вовлеченности аудитории в коммуникацию с представителями данной структуры.

Для исследования были выбраны два периода длительностью по семь дней: неделя 06–12.07.20 (июль – традиционно наиболее популярный туристический период, тем более что был отменен ряд ограничений, а турагенты переориентировались на внутрироссийские направления) и неделя 07–13.09.20 (перед единым днем голосования, когда ожидался пик коммуникационной активности, в том числе и административных органов). Основанием для выбора указанных периодов стали следующие соображения. С марта 2020 г. одна за другой страны начали вводить режимы вначале ограниченного, а затем и полного запрета на перемещение своих граждан не только за пределы собственных государств, но и внутри между регионами. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 марта 2020 г. № 763-р [18] также были введены ограничения на передвижение через автомобильные, железнодорожные, пешеходные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также через сухопутный участок российско-белорусской государственной границы. В результате любая туристическая деятельность прекратилась вплоть до лета 2020 г., когда было разрешено передвижение граждан по регионам РФ, а также частично восстановлено транспортное сообщение с другими странами.

В свете этих обстоятельств авторы статьи приняли решение не рассматривать периоды, когда деятельность субъектов, связанных с туристической отраслью, была парализована. Частичное восстановление туристических потоков началось с 1 июля 2020 г.: инфраструктура въездного туризма заработала в 67 регионах страны. Замер восстановленной активности коммуникационной деятельности в обозначенный период и был выбран для данного исследования. Выбор второго периода для проведения мониторинга, а именно начало сентября 2020 г., был интересен, с одной стороны, как время традиционного спада туристической активности в связи с началом учебного года и окончанием массовых отпусков. Вместе с тем на 13.09.2020 был назначен день региональных выборов, и мы выдвинули

предположение, что государственные структуры, работающие в сфере туризма, продемонстрируют всплеск коммуникационной активности.

Таким образом, исходная гипотеза заключалась в том, что интересующие нас государственные структуры не используют потенциал социальных сетей для выполнения поставленных перед ними задач, их активность определяется не столько сезонностью туризма, сколько политическими факторами, например, выборной кампанией.

Мониторинг выполнялся вручную, что, несмотря на значительные трудозатраты, позволило выделить широкий круг интересных для анализа показателей.

Результаты и обсуждение. По числу подписчиков лидирует страница Комитета по туризму Московской области – 18086, что больше, чем в группах Ростуризма (9378) и Россотрудничества (7514) вместе взятых. Следующей по числу подписчиков с большим отрывом идет страница Комитета по туризму Ингушетии (2471). Интересно, что среди исследуемых регионов крупные федеральные субъекты демонстрируют наименьшее число подписчиков: Санкт-Петербург (790), Бурятия (690), Ленинградская область (468) и Псковская область (244).

Парадоксально, но две из 11 групп с самыми высокими показателями по числу подписчиков, а именно Ингушетия и Московская область, в изучаемые периоды были вообще неактивны. В Ингушетии содержание страницы не обновлялось с 20 мая 2020 г., в Московской области с 24 сентября 2019 г. Группы комитетов по туризму Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Бурятии демонстрируют несистематичность и подчас низкую степень активности: в сентябре Санкт-Петербургский Комитет по развитию туризма опубликовал только три поста (в июле – восемь), Комитет по туризму Ленинградской области в июле – только четыре поста (тогда как в сентябре – 13), у Министерства туризма Республики Бурятия в июле вовсе не было публикаций. Чем это можно объяснить? Возможно, изменениями в структуре управления в данных регионах, возможно, традиционным для государственных органов сезоном отпусков в летний период. Частота генерации постов (Post Rate) по первой и второй неделям самая высокая у группы Министерства туризма Коми (39 и 37 публикаций соответственно). На втором месте – группа Россотрудничества с 14 и 26 публикациями за указанные периоды соответственно (см. таблицу).

Ссылки перехода с официального сайта на страницы «ВКонтакте» есть только у четырех из 11 субъектов, что можно истолковать как отсутствие заинтересованности в новых подписчиках, в переходе пользователей на неформальный уровень общения. Верификация как показатель серьезности отношения к представительству в социальных сетях (для верификации необходимы определенные усилия) есть только у трех следующих групп: Ростуризм, Министерство туризма Коми, Комитет по туризму Мурманской области.

По показателю «среднее количество знаков в публикации» лидирует группа Министерства туризма Коми с самыми короткими сообщениями (421–423 символов по 1–2 неделям), самые длинные посты у Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга (по второй неделе 3594 символов) и Ростуризма (3218 символов по первой неделе). В среднем по всем группам этот показатель равен 1432 символов. Тогда как пользователи «ВКонтакте» согласно исследованиям предпочитают короткие записи (до 160 символов) с фото – т. е. показатели по данному параметру показывают, насколько организация понимает суть SMM и подстраивает посты под запрос потребителей [19].

Результаты мониторинга административных аккаунтов
Results of administrative account monitoring

Название	Неделя	Кол-во публикаций, сред.	Оригинальность контента, %	Относятся ли к деятельности, %	Среднее кол-во знаков в публикации	Наличие фото, %	Наличие видео, %	Наличие сторонней ссылки, %	Наличие комментариев, %	Кол-во лайков, сред.	Кол-во репостов, сред.	Кол-во просмотров, сред.
Комитет по туризму Московской области	1, 2	Нет										
Комитет по туризму Ингушетии	1, 2	Нет										
Комитет по туризму Мурманской области	1	11	91	46	2104	100	0	46	36	6,4	0,6	322
	2	18	94	61	1483	83	11	39	6	5,9	0,5	197
Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга	1	8	88	75	1610	75	0	38	0 (запрет)	7	1,3	372,3
	2	3	100	67	3594	167	0	67	0 (запрет)	11	3	709
Комитет по туризму Ленинградской области	1	4	100	50	1275	375	0	25	150	21	3	1324
	2	13	85	69	1475	469	0	8	31	15	1,2	409
Комитет по туризму Саратовской области	1	16	100	63	1105	69	13	38	0 (запрет)	8,6	0,9	345
	2	16	100	38	1012	143	31	131	0 (запрет)	2,3	0,4	216
Министерство культуры, туризма и архивных дел Республики Коми	1	39	80	23	438	41	44	44	15	21,3	6,7	1644
	2	37	76	46	421	51	38	61	8	22,6	7,6	1353
Комитет по туризму Псковской области	1	13	77	54	710	69	23	39	23	8,5	1,8	822
	2	6	83	33	958	115	0	33	0	2	0,2	165
Министерство туризма Республики Бурятия	1	нет										
	2	8	75	88	1369	25	0	88	0	4	0,9	74
Федеральное агентство по туризму (Ростуризм)	1	9	100	100	3218	677	33	11	102	11,7	2,4	2644
	2	8	100	100	1782	100	0	25	912	14,3	2,9	2475
Россотрудничество	1	14	93	79	902	86	14	36	57	18	6,4	9466
	2	26	96	44	894	150	12	31	54	10,5	6,4	1439

Показатели качества контента и его уникальности (оригинальный пост или репост): 100 % оригинальности публикаций зафиксировано по обеим неделям в группах Комитета по туризму Саратовской области и Ростуризма. На одной неделе – в группах Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга и Комитета по туризму Ленинградской области. Низкие показатели демонстрирует группа Министерства туризма Коми: 80 % на одной неделе и 76 % – на другой. В среднем по двум неделям и всем группам этот показатель находится на уровне 90 %, что свидетельствует о достаточно ответственном отношении к управлению группой, желании создавать уникальный контент для своих подписчиков.

По критерию, имеет ли публикация прямое отношение к деятельности организации, самый высокий показатель демонстрирует группа Федерального агентства по туризму (Ростуризма) – 100 % по обеим неделям, самые низкие показатели – у групп Министерства туризма Коми (23 % по первой неделе) и Комитета по туризму Псковской области (33 % по второй неделе). Средний показатель по всем группам – 61 %, что, возможно, объясняется отсутствием четкого контент-плана в группе или отсутствием нацеленности на информационное освещение своей деятельности.

Параметр наличия сопровождающих материалов (фото, видео, ссылки) показывает адаптацию контента к интересам пользователей (в ленте материалы без фото, видео или иных иллюстраций, как правило, просто пролистываются). По количеству фотографий в публикациях лидирует группа Ростуризма (677 % по первой неделе) и Комитета по туризму Ленинградской области (469 % – по второй неделе, 375 % – по первой). Самое малое число иллюстраций – только 25 % с фотосопровождением – зафиксировано в группе Министерства туризма Республики Бурятия (по второй неделе) и группе Министерства туризма Коми (51 % по второй неделе и 41 % – по первой). С видеосопровождением ситуация еще хуже: самый высокий показатель – 38 % (вторая неделя) и 44 % (первая неделя) – у Министерства туризма Коми. Совершенно не использовали видеоиллюстрации в указанные недели администраторы группы Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга и Комитета по туризму Ленинградской области. Активно в публикациях указывают внешнюю ссылку в группе Комитета по туризму Саратовской области в 131 % случаев (по второй неделе), используют только в 8 % случаев (по второй неделе) в группе Комитета по туризму Ленинградской области и в 11 % случаев по первой неделе в группе Ростуризма.

Параметр обратной связи от подписчиков, взаимодействия с ними и вовлечения в коммуникацию показал любопытные данные. По среднему количеству просмотров публикаций с большим отрывом от остальных лидирует группа Россотрудничества, но только с показателями по первой неделе – 9466 – в основном благодаря публикации о запуске флешмоба «Взгляни на Россию», проходившего с 6 по 20 июля 2020 г. [20]. Количество просмотров данной публикации составило 120 тыс. На втором месте с высокими средними показателями по обеим неделям находится группа Ростуризма: 2644 и 2475 просмотров в среднем соответственно по 1 и 2 неделям. Наиболее популярный в изучаемые периоды пост в группе, просмотренный наибольшее количество раз (4400), – это публикация, посвященная заявлению Зарины Догужовой о продолжении программы стимулирования внутренних туристических поездок [21]. На третьем месте по просмотрам публикаций – группа Министерства туризма Коми (1644 – по первой и 1353 – по второй неделе). За один из постов, посвященный участию проекта «Девственные леса Коми» в первом Всероссийском конкурсе на создание туристско-рекреационных кластеров и развитие экотуризма в стране, они набрали рекордные 15 тыс. просмотров [22]. Самые низкие показатели – у групп Министерства туризма Республики Бурятия (74 по второй неделе), Комитета по туризму Псковской области (165 по второй неделе), Комитета по туризму Мурманской области (197 по второй неделе). Среднее по всем группам количество просмотров находится на уровне 1388.

По параметру «одобрение пользователями» («лайки») лидирует группа Министерства туризма Коми (22,6 в среднем по второй неделе и 21,3 – по первой). Самый большой их показатель за одну публикацию – 235 (информация о конкурсе). Следующей за группой Коми

идет группа Комитета по туризму Ленинградской области (21 лайк в среднем по первой неделе и 15 – по второй). Их рекорд по лайкам (33 по первой неделе) набрала публикация о деревне Извара Волосовского района, где расположены музей-усадьба Н. К. Рериха и экотропа [23]. Третье место по числу лайков – у групп Россотрудничества (18 лайков в среднем по первой неделе и 134 максимальных – за пост о флешмобе «Взгляни на Россию») и Ростуризма (14,3 по второй и 11,7 по первой неделям, максимально 39 лайков за упомянутый пост про заявление З. Догузовой). Среднее количество лайков за публикацию по всем группам – 11,2.

По параметру репоста со стороны пользователей выгодно отличаются материалы группы Министерства туризма Коми (7,6 репостов в среднем по второй неделе, 6,7 – по первой, максимальное – 58 – по той же публикации о конкурсе). На втором месте – Россотрудничество (6,4 по каждой из недель; максимальное количество репостов – 6 – набрала запись про новый обучающий курс «Туризм: как начать свой бизнес и выплыть во время шторма» [24], у Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга и Комитета по туризму Ленинградской области по три репоста в среднем (по второй неделе). У Санкт-Петербургского комитета самой резонансной (с шестью репостами) стала новость о запуске программы «Петербургское гостеприимство» [25]. У областного комитета самые популярные посты (по 5 репостов каждый) – про разработку трех веломаршрутов в рамках международного проекта BizCycle [26] и поход на звание «Турист Ленинградской области» [27]. Самые низкие показатели вирусности материалов у групп Комитета по туризму Псковской области (0,2 по второй неделе) и Комитета по туризму Саратовской области (со средним показателем 0,4 по второй неделе). Средний показатель по всем группам – 2,7 репоста на одну запись за две недели.

По количеству комментариев в процентном соотношении к остальным постам лидирует группа Ростуризма (912 по второй неделе и 102 по первой). Причем по первой неделе из 92 комментариев к шести постам позитивных – 8, негативных – 22, нейтральных – 62; из 73 комментариев к восьми постам по второй неделе позитивных – 3, негативных – 34, нейтральных – 36. Самое большое число комментариев (48) получила запись о продолжении программы стимулирования внутренних туристических поездок, 21 из них негативные (см. выше). На втором месте по числу комментариев – группа Комитета по туризму Ленинградской области (150 % по первой неделе: на 4 поста 6 комментариев, из них 1 позитивный, 5 нейтральных). На третьем месте – группа Россотрудничества (57 % по первой, 54 % по второй неделям). К 14 постам первой недели: 1 позитивный, 1 негативный, 6 нейтральных. Из 14 комментариев к 26 постам второй недели позитивных – 3, негативных – 7, нейтральных – 4.

Интересно отметить, что на момент написания статьи (ноябрь 2020 г.) вторая по популярности в группе за две недели запись с 7 тыс. просмотров, 56 лайками, 58 репостами и 7 комментариями (из них 5 негативных) была удалена. Отсутствовали комментарии на первой неделе у групп Комитета по туризму Псковской области и Министерства туризма Республики Бурятия. У некоторых групп функция комментирования вообще отключена (Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга, Комитет по туризму Саратовской области и по первой неделе частично – у группы Министерства туризма Коми). Довольно часто комментарии отключены при публикациях, которые не рассказывают о деятельности,

а представляют собой прямую речь чиновников и других государственных деятелей – глав края и т. д. Видимо, чтобы не провоцировать негативные отклики, и это может свидетельствовать о неготовности SMM-менеджеров государственных организаций к обработке негативной обратной связи.

Заключение. Таким образом, проведенный статистический анализ онлайн-деятельности административных групп «ВКонтакте», специализирующихся в области туристической деятельности, показывает, что по большинству параметров (уровень общительности и вовлеченности аудитории, привлекательность контента для подписчиков, публикационная активность) лидером является аккаунт Министерства культуры, туризма и архивного дела Коми. По виральности контента и негативным реакциям (negative feedback) выделяется контент групп Ростуризма и Россотрудничества. Названные группы отличаются качеством подготовки материалов: оригинальностью публикаций, малым количеством сторонних ссылок, сопровождением фотоматериалами (отметим особенно качество изображений, а в группе Ростуризма – авторскую инфографику). По параметрам комментирования и репоста в изучаемый период активность групп отсутствует. При сравнении различных групп необходимо учитывать значительный разброс численности подписчиков – от нескольких сотен до десятков тысяч человек в группе. Отметим, что в исследуемый период, когда, казалось бы, важно аккумулировать коммуникативные ресурсы, уделить особое внимание онлайн-активности и ведению социальных сетей, ряд групп, даже обладая большой аудиторией подписчиков, которую непросто собрать и за годы эффективной работы, либо не обновляли контент, либо вовсе были вне активности.

Результаты исследования подтверждают зафиксированные в ряде научных публикаций данные о том, что основным направлением деятельности органов власти в социальных сетях является информирование широкого круга граждан, что, несмотря на глобальную цифровизацию, реальной проблемой является низкая квалификация при работе с социальными сетями, а также нарушение принципа регулярности публикации контента. Исследование выявило расхождение между ожиданиями пользователей социальных сетей (а именно востребованность уникальных публикаций, а не репостов) и способностью большинства административных структур соответствовать этим ожиданиям. Отсутствие диалога, в частности реагирования администраторов социальных сетей на негативные комментарии, а также оперативного получения дополнительных сведений приводит к потере лояльности аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Состоялся заключительный этап туристического форума «Северная Пальмира» // Мой бизнес. 2020. URL: <https://fond-msp.ru/news/sostoyalsya-zakluchitelnyy-etap-turisticheskogo-foruma-severnaya-palmira> (дата обращения: 12.09.2020).
2. I Санкт-Петербургский деловой туристический форум. Запись мероприятия // Мой бизнес. 2020. URL: <https://fond-msp.ru/live2> (дата обращения: 12.09.2020).
3. ТОП-10 Ресурсов // Mediascope WEB-Index. 2020. URL: <https://webindex.mediascope.net/top-resources> (дата обращения: 11.09.2020).
4. Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт Российской публичной политики. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013.
5. Ячменник К. В. Сетевая локальная политика: основное содержание и структура // Научный альманах. 2015. № 12-3 (14). С. 108–115. DOI: 10.17117/na.2015.12.03.108.

6. Gavra D. P., Dekalov V. V. Networked Society and its New Power Actors: Critical Analysis of Hardware, Software, and Communicative Level of Digital Space // 2019 Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS), SPb., 10 April 2019 / IEEE. SPb, 2019. P. 70–75. DOI: 10.1109/COMSDS.2019.8709647.

7. Комитет по туризму Московской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/welcomemosreg> (дата обращения: 11.09.2020).

8. Комитет по туризму Мурманской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/murman.tourism51> (дата обращения: 11.09.2020).

9. Комитет по туризму Саратовской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/v64regione> (дата обращения: 11.09.2020).

10. Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга // ВКонтакте. URL: https://vk.com/c_tourism (дата обращения: 11.09.2020).

11. Комитет по туризму Ленинградской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/lentravel.ru47> (дата обращения: 11.09.2020).

12. Комитет по туризму Псковской области // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/pskovtourism> (дата обращения: 11.09.2020).

13. Комитет Республики Ингушетия по туризму // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ingtourism> (дата обращения: 11.09.2020).

14. Министерство культуры, туризма и архивного дела Республики Коми // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/mincultkomi> (дата обращения: 11.09.2020).

15. Министерство туризма Республики Бурятия // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/mintur03> (дата обращения: 11.09.2020).

16. Федеральное агентство по туризму (Ростуризм) // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/ros-tourism.official> (дата обращения: 11.09.2020).

17. Россотрудничество // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/rsgovru> (дата обращения: 11.09.2020).

18. Распоряжение от 27 марта 2020 г. № 763-р // Правительство РФ. 2020. URL: <http://static.government.ru/media/files/uPySAqzA9AV39jD1h71za3OR9eslxIDj.pdf> (дата обращения: 21.09.2020).

19. Активность русскоязычных пользователей в соц. сетях // Popsters. 2020. URL: https://popsters.ru/app/docs/Popsters_research_2018_rus.pdf. (дата обращения: 15.09.2020).

20. С 6 по 20 июля 2020 года Россотрудничество проводит флешмоб «Взгляни на Россию»! // ВКонтакте. 2020. 6 июля. URL: https://vk.com/wall-81538275_20643 (дата обращения: 15.09.2020).

21. Заявление Зарины Догужовой о продолжении программы стимулирования внутренних туристических поездок // ВКонтакте. 2020. 9 сент. URL: https://vk.com/wall-41862358_8326 (дата обращения: 12.09.2020).

22. К 100-летию Коми может войти в число пилотных туристско-рекреационных экологических кластеров России // ВКонтакте. 2020. 6 июля. URL: https://vk.com/wall-49393744_17739 (дата обращения: 20.09.2020).

23. Знаете ли вы, что Извара – это не только музей, но и заповедная территория // ВКонтакте. 2020. 6 июля. URL: https://vk.com/wall-185322446_355 (дата обращения: 18.09.2020).

24. Сбербанк, Google и Ростуризм представили новый антикризисный «Бизнес-план» для туристической отрасли // ВКонтакте. 2020. 9 июля. URL: https://vk.com/wall-41862358_7472 (дата обращения: 19.09.2020).

25. В Санкт-Петербурге запускается программа «Петербургское гостеприимство» // ВКонтакте. 2020. 6 июля. URL: https://vk.com/wall-151768118_805 (дата обращения: 19.09.2020).

26. Сейчас в Ленинградской области активно разрабатываются три веломаршрута // ВКонтакте. 2020. 7 июля. URL: https://vk.com/wall-185322446_356 (дата обращения: 12.09.2020).

27. 130 путешественников отправились в поход на звание турист Ленинградской области // ВКонтакте. 2020. 11 сент. URL: https://vk.com/wall-185322446_557 (дата обращения: 13.09.2020).

Информация об авторах.

Чугунова Анна Алексеевна – старший преподаватель кафедры связей с общественностью; аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», ул. Проф. Попова, д. 5, 197376, Россия. Автор 13 научных публикаций. Сфера научных интересов: «мягкая сила», брендинг территорий, туризм, онлайн-сообщества. E-mail: aachugunova@etu.ru

Писарева Александра Николаевна – аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», ул. Проф. Попова, д. 5, 197376, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики, современная политика России, эволюция политических институтов, информационные технологии в политике. E-mail: al.pisareva@gmail.com

REFERENCES

1. "The final stage of the tourist forum "Northern Palmira"" (2020), *Moi biznes* [My business], available at: <https://fond-msp.ru/news/sostoyalsya-zakluchitelnyy-etap-turisticheskogo-foruma-severnaya-palmira> (accessed 12.09.2020).
2. "1 St. Petersburg Business Tourism Forum. Event recording" (2020), *Moi biznes* [My business], available at: <https://fond-msp.ru/live2> (accessed 12.09.2020).
3. "TOP 10 Resources" (2020), *Mediascope WEB-Index*, available at: <https://webindex.mediascope.net/top-resources> (accessed 11.09.2020).
4. Miroshnichenko, I.V. (2013), *Setevoi landshaft Rossiiskoi publichnoi politiki* [The network landscape of Russian public policy], Prosveshchenie-Yug, Krasnodar, RUS.
5. Yachmennik, K.V. (2015), "Network local policy: main content and structure", *Scientific Almanac*, no. 12-3 (14), pp. 108–115. DOI: 10.17117/na.2015.12.03.108.
6. Gavra, D.P. and Dekalov, V.V. (2019), "Networked Society and its New Power Actors: Critical Analysis of Hardware, Software, and Communicative Level of Digital Space", *2019 Communication Strategies in Digital Society Workshop (ComSDS)*, SPb., RUS, 10 April 2019, pp. 70–75. DOI: 10.1109/COMSDS.2019.8709647.
7. "Tourism Committee of the Moscow Region", *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/welcomemosreg> (accessed 11.09.2020).
8. "Tourism Committee of the Murmansk Region", *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/murman.tourism51> (accessed 11.09.2020).
9. "Tourism Committee of the Saratov Region", *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/v64regione> (accessed 11.09.2020).
10. "Committee for Tourism Development of St. Petersburg", *Vkontakte*, available at: https://vk.com/c_tourism (accessed 11.09.2020).
11. Tourism Committee of the Leningrad Region, *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/lentravel.ru47> (accessed 11.09.2020).
12. "Tourism Committee of the Pskov region", *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/pskovtourism> (accessed 11.09.2020).
13. "Tourism Committee of the Republic of Ingushetia", *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/ingtourism> (accessed 11.09.2020).
14. "Ministry of Culture, Tourism and Archival Affairs of the Komi Republic", *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/mincultkomi> (accessed 11.09.2020).
15. "Ministry of Tourism of the Republic of Buryatia", *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/mintur03> (accessed 11.09.2020).
16. "Federal Agency for Tourism (Rosturizm)", *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/rostourism.official> (accessed 11.09.2020).

17. "Rossotrudnichestvo", *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/rsgovru> (accessed 11.09.2020).
18. "Order of 27 March 2020 no. 763-r" (2020), *Government of the Russian Federation*, available at: <http://static.government.ru/media/files/uPySAqzA9AV39jD1h71za3OR9eslxIDj.pdf> (accessed 21.09.2020).
19. "The activity of Russian-speaking users in social media networks" (2020), *Popsters*, available at: https://popsters.ru/app/docs/Popsters_research_2018_rus.pdf (accessed 15.09.2020).
20. "From July 6 to July 20, 2020 Rossotrudnichestvo is conducting a flash mob "Look at Russia!" (2020), *Vkontakte*, 6 July, available at: https://vk.com/wall-81538275_20643 (accessed 15.09.2020).
21. "Zarina Doguzova's statement on the continuation of the program to stimulate domestic tourist trips" (2020), *Vkontakte*, 9 Sept., available at: https://vk.com/wall-41862358_8326 (accessed 12.09.2020).
22. "By the 100th anniversary, Komi may become one of the pilot tourist and recreational ecological clusters in Russia" (2020), *Vkontakte*, 6 July, available at: https://vk.com/wall-49393744_17739 (accessed 20.09.2020).
23. "Did you know that Izvara is not only a museum, but also a protected area" (2020), *Vkontakte*, 6 July, available at: https://vk.com/wall-185322446_355 (accessed 18.09.2020).
24. "Sberbank, Google and Rosturizm presented a new anti-crisis "Business plan" for the tourism industry" (2020), *Vkontakte*, 9 July, available at: https://vk.com/wall-41862358_7472 (accessed 19.09.2020).
25. "Petersburg hospitality program is launched in St. Petersburg" (2020), *Vkontakte*, 6 July, available at: https://vk.com/wall-151768118_805 (accessed 19.09.2020).
26. "Currently, three bike routes are being actively developed in the Leningrad region" (2020), *Vkontakte*, 7 July, available at: https://vk.com/wall-185322446_35 (accessed 12.09.2020).
27. "130 travelers went on a hike to become a tourist of the Leningrad region" (2020), *Vkontakte*, 11 Sept., available at: https://vk.com/wall-185322446_557 (accessed 13.09.2020).

Information about the authors.

Anna A. Chugunova – Senior Lecturer at the Department of Public Relations; Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 13 scientific publications. Area of expertise: «soft power», branding of territories, tourism, online communities. E-mail: aachugunova@etu.ru

Alexandra N. Pisareva – Postgraduate at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professora Popova str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics, modern politics of Russia, evolution of political institutions, information technologies in politics. E-mail: al.pisareva@gmail.com

Новые социальные группы как фактор политической дестабилизации в современном социуме

А. А. Солдатов✉

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,
Санкт-Петербург, Россия

✉soldatov2012@yandex.ru

Введение. Проанализированы основные причины усиления турбулентности в политической сфере различных государственных образований. Подчеркнуто, что основной причиной этого явления стало активное формирование новых социальных групп.

Методология и источники. В работе используется социологический анализ различных стратификационных моделей общества, начиная с XIX в. и до наших дней, в контексте работ К. Маркса, М. Вебера, Р. Флориды, Г. Стэндинга, И. Валлерстайна и др.

Результаты и обсуждение. Делается вывод о том, что политическая сфера сама по себе самодостаточна, политические группировки играют в обществе самостоятельную и очень важную роль, а новые тенденции современного глобального рынка существенно изменяют прежние стратификационные модели социума.

По мере формирования новых социальных групп возникают различные факторы риска, к которым можно отнести функциональную гибкость и негарантированность рабочего места. Также можно утверждать, что технический прогресс на современном этапе не признает цивилизационных границ и игнорирует фактор отсталости отдельных стран и регионов, что приводит к неоднозначным результатам и может явиться причиной социальных катаклизмов.

Заключение. Из данных обстоятельств вытекает ряд существенных выводов. Среди активных участников современных протестных движений и акций нет четких классово-стратификационных барьеров. По-прежнему имеют значение показатели материального положения, уровня образования, профессиональной квалификации, но в сочетании с другими факторами. Размытые социальные границы неизбежно предполагают отсутствие прочной идеологической базы, на место которой приходят протестные тренды, зачастую прямо не связанные с политическими событиями и требованиями. В качестве примера можно привести акции «зеленых» экологов или ЛГБТ-сообщества. Проблема заключается в том, что политические субъекты активно реагируют на любые движения, из-за чего сфера принятия политических решений теряет аутентичный характер.

Ключевые слова: социальная группа, глобальный рынок, креативный класс, прекариат, стратификационная модель, протестное движение.

Для цитирования: Солдатов А. А. Новые социальные группы как фактор политической дестабилизации в современном социуме // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 82–91. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-82-91

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 17.12.2020; принята после рецензирования 11.01.2021; опубликована онлайн 25.02.2021

© Солдатов А. А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

New Social Groups as the Factor of Political Instability in the Modern Society

Andrei A. Soldatov✉

State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

✉soldatov2012@yandex.ru

Introduction. The basic reasons of increasing turbulence in the political sphere of different state entities are analyzed. It is emphasized that the main fault of this phenomenon was the active formation of the new social groups.

Methodology and sources. A sociological analysis of stratification models of society, starting from the 19th century and up to our days in the context of the works of K. Marx, M. Weber, R. Florida, G. Stending, I. Vallerstein and others is used.

Results and discussion. The conclusion is made that the political sphere itself is self-sufficient, political groupings play an independent and very important role, and new tendencies of the modern global market significantly change of the society.

As new social groups are formed different factors of growth emerge which include functional flexibility and lack of guarantee of the working place. It can also asserted that technological progress at the present stage doesn't recognize civilizational boundaries and ignores the factor of backwardness of some countries and regions which leads to ambiguous results and can cause social cataclysms.

Conclusion. A number of important conclusions follow from these circumstances. Among the active participants and actions of participants there are no clear of stratification barriers. Financial indicators still play a role. Indicators of financial position, level of education, and professional classification in combination with other factor still play a role. Blurred social boundaries inevitably imply the absence of a solid ideological base, which is replaced by protest trends often unrelated to political events and demands. The actions of the green eco-activists or LGBT community can serve as an example. The problem is that the political individuals react actively to any movement, which make the sphere of political decisions lose its authentic character.

Key words: social group, global market, creative class, prekariat, stratification model, protest movement.

For citation: Soldatov A. A. New Social Groups as the Factor of Political Instability in the Modern Society. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 82–91. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-82-91 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 17.12.2020; adopted after review 11.01.2021; published online 25.02.2021

Введение. По мнению практически всех исследователей социально-экономических процессов, сегодняшняя ситуация в мире сигнализирует нам о крайне высокой степени турбулентности во всех сферах общественной жизни и политической – прежде всего. Это связано с недостаточной восприимчивостью политических структур к изменившимся формам общественных отношений, причиной тому является активное формирование новых социальных групп вследствие трансформаций традиционно сложившихся на протяжении десятилетий хозяйственных укладов. Формирование глобального рынка также создало предпосылки и к появлению «неформальных» форм трудовых отношений. Подобные тенденции в разных сферах экономики сняли прежние трудовые ограничения и в то же время лишили огромное количество работников привычных гарантий, в том числе пра-

ва работы по выбранной специальности. Существующие в большинстве стран политические силы не могут дать адекватный ответ на изменившиеся обстоятельства и достойно принять ежедневно появляющиеся вызовы. Поэтому закономерно увеличивается протестный потенциал, и нередко инициативу перехватывают «неформатные» политики, предлагающие нетрадиционные методы решения возникающих проблем.

Отметим, что в прежние времена (в XIX–XX вв.) подобные процессы также были вызваны экономическими трансформациями (индустриализация, деиндустриализация, реиндустриализация), что неизбежно вызывало структурную мобильность огромного количества населения. Это провоцировало появление «групп риска», к числу которых относились: маргиналы, пауперы, люмпены и др. В 60-е гг. XX в. в западных странах активно заявил о себе «андеркласс», объединяющий в себе людей без профессии, длительное время живущих на пособия. Все эти уязвимые слои населения практически не имели партийного представительства в силу того, что традиционные партии были ориентированы на выражение интересов «средних групп населения», а в действительности нередко продвигали интересы крупного капитала. На сегодняшний день обычной является ситуация «недовольства всех всеми», поэтому часто в обществе появляются нетрадиционные предложения. Например, в США представители крупного бизнеса выступают с идеей обложения их большими налогами на прибыль, т. е. вместо абстрактных партийных программ, которые, как правило, никто не читает, конкретные предприниматели предлагают креативные идеи, нацеленные на результат с быстрой политической отдачей.

Методология и источники. Новые тенденции современного глобального рынка, перечисленные выше, создали неизвестные ранее вызовы и угрозы, речь прежде всего идет об изменении прежних стратификационных моделей общества. Как известно, на протяжении столетий изменение классового состава населения практически всегда объяснялось качественными скачками в экономическом укладе социума, а политические изменения (Английская буржуазная революция, Великая французская революция, русские революции 1917 г. и др.) были, соответственно, следствием этого. Сами политические перевороты рассматривались как верхушка и видимая часть айсберга, но основная их суть заключалась в глубинных изменениях социальной структуры общества. Практически все мыслители сходились во мнении, что в результате постоянно возрастающего уровня производительности труда на авансцену истории выходят прогрессивные социальные группы населения.

Знаменитый немецкий экономист Карл Маркс указывал в связи с этим на базисную классовую природу любого типа общества (рабовладение, феодализм, капитализм) и, в равной степени, на надстроечный механизм политической формы государственной формы правления. История представлялась немецкому мыслителю ареной, где прогрессивные классы отодвигают реакционные (в результате революций), а экономические факторы имеют определяющее значение: производительные силы являются содержанием хозяйственно-политического уклада, а производственные отношения – его формой. Кроме того, важную роль играют средства производства, а главное – «собственность на средства производства» [1, с. 191]. В свою очередь оппонент К. Маркса и его соотечественник М. Вебер исходил из многомерной позиции социальных групп, которые и определяют их положение в социальной структуре. По его мнению, определяющее значение имеют не только экономические категории, но и статусные обозначения (статусные группы), а также, что очень важно, властные позиции – «политический класс» [2, с. 163].

Результаты и обсуждение. Отсюда вытекает вывод о том, что политическая сфера сама по себе самодостаточна, а политические группировки не являются только лишь «орудием в руках правящего класса» (определение марксизма), а играют самостоятельную и очень важную роль. Также из веберианской теории вытекает, что «класс» – не совсем экономическое понятие, т. е. его значение не объясняется только наличием или отсутствием собственности – это лишь исходная позиция, более важное значение имеет поведенческая стратегия, ориентированная на накопление капитала. Исходя из данного фактора, выделяются «позитивно привилегированный» и «негативно привилегированный» стязательские классы. К первой группе имеют отношения те, кто не просто владеет собственностью, но способен извлекать из этого прямую выгоду в виде монополизации производства дорогих товаров, потребления эксклюзивной продукции. В свою очередь факт отсутствия собственности (на земельные участки, на средства производства и др.) не указывает автоматически на принадлежность ко второй группе. Главным атрибутом «негативно привилегированного» класса является зависимость, например долг, обязывающий работать на хозяина.

Немаловажное значение также имеет возможность предоставления услуг. Здесь определяющим фактором является не только вид предоставляемых услуг, но и сам способ их предоставления: на долгосрочной или временной основе. М. Вебер указывал в связи с этим на первостепенное значение рынка как главного источника различий рода деятельности, а в конечном счете того, что определяет предпосылки индивидуальной судьбы. М. Вебер делает вывод: «Классовая ситуация есть по существу рыночная ситуация» [2, с. 163]. Стратегия классового поведения направлена прежде всего на приобретение «выгодных рыночных ниш» [2, с. 163]. Рабочие высокой квалификации, безусловно, имеют выгоды от приобретенных в процессе трудовой практики компетенций, позволяющих им монополизировать наиболее престижные ниши на рынке труда. В этом смысле их стратегия поведения ничем не отличается от предпринимательской, а именно в стремлении извлечь выгоду из занимаемого положения на рынке. Данное обстоятельство позволило предположить, что марксистское противопоставление классов отчасти сглаживается самой логикой «рыночной игры», где благодаря «гибким условиям» ущемленные группы населения могут улучшить свое положение. В действительности верхний слой рабочего класса имеет возможности перехода в более престижные группы населения, а часть из них (или их дети) открывают собственное дело и становятся полноценными предпринимателями. Для многих его представителей также открыт путь к дальнейшему повышению компетенций, освоению инженерных специальностей и др.

Марксисты не отрицали данных возможностей, но связывали степень интенсивности процессов восходящей мобильности с конкретными фазами развития капиталистического производства. На ранней стадии развития капитализма доминирует процесс «обуржуазивание», когда открывается все больше рыночных ниш, на зрелом этапе капитализма происходит монополизация большинства секторов и главными выгодополучателями оказываются крупные игроки, которые путем вытеснения средних и мелких предпринимателей стремятся снизить риски рыночных издержек. Есть некоторые основания для утверждения, что с этого момента сами понятия «капитализм» и «рынок» не отождествляются в своих абсолютных значениях. При этом стратегия поведения классов остается рыночной (она не может быть иной), но оказывается скованной конкретными законами, принимае-

мыми в пользу сформировавшихся монополий. Происходит закономерное схлопывание не выдержавших конкурентную борьбу сегментов. Здесь мы осознанно употребляем рыночную терминологию, но в то же время надо понимать, что неконкурентоспособность и в целом невыгодное положение «слабых игроков» является отчасти следствием рукотворного, а не рыночного процесса.

Под данным утверждением можно было бы понимать невидимую руку рынка, о чем очень любят говорить представители «выигравшей стороны», но нередко это банальное следствие возросших лоббистских возможностей, а в ряде случаев и подчинение себе государственных институтов. Как следствие, нарушается один из основных законов рынка о «равных стартовых возможностях», согласно которому важно не создавать препятствий для деятельности тех, кто желает подвергнуть риску свой собственный капитал. По утверждению основоположника классической экономической теории Адама Смита, «каждый более или менее переоценивает шансы удачи, а шансы неудачи большинством людей недооцениваются, и вряд ли найдется такой человек, мало-мальски здоровый и бодро настроенный, который преувеличивал бы их» [3, с. 81]. Популярная в неолиберальной среде гипотеза «обогащения сверху вниз» (речь идет о том, что богатые слои населения получают основную часть национального дохода, но взамен инвестируют приобретаемый капитал в создание новых рабочих мест) коррелирует с различием равенства конечных результатов и равенства возможностей.

Большинство рыночных либералов утверждают, что для социума оптимальным вариантом является условие, при котором гражданам предоставляются равные возможности, например в получении доступных кредитов на высшее образование, а на более раннем историческом этапе и общедоступность школьного обучения, не акцентируя внимание на крайне неравномерных конечных результатах. Но здесь неизбежно возникают факторы риска, при постоянной величине роста стоимости высшего образования уменьшается доступность элитарных учебных заведений (Лига плюща в США, Оксфорд и Кембридж в Великобритании, Сорбонна во Франции), и основной группой риска становятся выходцы из среднего класса, поскольку в отличие от способных и дискриминируемых представителей малообеспеченных слоев им не предоставляется финансовая поддержка. К тому же постоянно меняющаяся конъюнктура рынка занятости диктует необходимость подготовки «гибких специалистов», способных не столько к получению знаний и навыков, сколько к их быстрому применению и смене не только места работы, но и сферы деятельности.

Отсюда возникает первый существенный риск: функциональная гибкость и негарантированность рабочего места. Функциональная гибкость позволяет фирмам диверсифицировать труд, минимизируя издержки, посредством перевода работников с одного рабочего места на другое, указывая дальнейшее направление их деятельности. Возникновение условий гибкого рынка труда диктуется неизбежностью конкуренции на глобальном рынке, когда открываются трансграничные методы ведения хозяйства. При этом неизбежны риски: если гибкость численности ведет к отсутствию гарантий занятости, то функциональная гибкость усиливает негарантированность рабочего места. Еще в 1970–80 гг. XX в. отождествлять себя с фирмой, в которой человек работал, считалось нормой, в сегодняшней реальности это нонсенс, так как молодые люди, которые начали трудовую деятельность еще во время учебы, к 30 годам успевают сменить множество мест работы и сфер

деятельности, многие из них никогда не видели своего работодателя. Поскольку равные стартовые возможности органично вписаны в стабильную занятость и карьерный рост, преимущества получают индивиды и социальные группы, способные сами создавать себе рабочие места.

Заметное место здесь занимает теория «креативного класса» американского социолога Р. Флориды [4, с. 160–162]. Для подобной категории граждан характерна работа без отрыва от дома, семьи, досуга, места отдыха, времени суток и страны проживания. Их отличительной чертой является способность к формированию новых трендов развития, оказывающих влияние на все сферы сегодняшней жизни. Конфликтный потенциал данной социальной группы сам по себе небольшой, поскольку они являются самодостаточными субъектами, не интегрированными в жесткие социальные иерархии, к данной категории лиц применимы различные «парадоксы занятости», например, гигоника-людей нанимают не в штат, а для решения строго определенных задач.

С другой стороны, по мере того как шел процесс глобализации, трудовые отношения становились все более гибкими, это неизбежно вело к росту неформального сегмента занятости, и сама форма занятости становилась все более нестабильной. Именно в 90-е гг. двадцатого столетия появился такой социальный феномен, как гибкий труд, который в буквальном смысле привел к ломке традиционной социальной структуры индустриального общества. «Миллионы людей в условиях процветающей или даже зарождающейся рыночной экономики образовали прекариат – феномен совершенно новый, даже если он и имел какие-то смутные прообразы в прошлом» [5, с. 19]. Как полагает исследователь данного явления, английский социолог Гай Стэндинг, прекариат не является частью «рабочего класса» или «пролетариата». Главное его отличие состоит в том, что традиционные промышленные рабочие образуют собой сообщество со стабильной зарплатой, которая растет вместе с квалификацией и трудовым стажем, кроме того, пролетарии заключают долгосрочные трудовые договоры и пользуются защитой профсоюзов. По мнению Г. Стэндинга, их фундаментальное отличие от «прекариата» заключается в том, что пролетарии занимаются делом, которое четко осознаваемо не только ими самими, но и их родными и близкими, и они знают в лицо всех своих работодателей. В то же время «прекариат» «нельзя отнести также и к среднему классу, поскольку у этих людей нет стабильного или предсказуемого жалования, нет статуса и пособий, которые должны быть у представителей среднего класса» [5, с. 19].

Таким образом, Г. Стэндинг определяет «прекариат» в качестве социоэкономической группы, к которой отдельный человек может принадлежать, а может и не принадлежать. В таком ключе данный термин является неологизмом, который в свою очередь образован от двух слов: первое – *precarious* (что означает «нестабильный, неустойчивый»; экономический термин – «прекариальные отношения») и второе слово – это собственно «пролетариат». Стэндинг не рассматривает «прекариат» в марксистском значении слова «класс», поскольку он не обнаруживает в себе классового сознания – это класс в процессе становления, еще класс в себе, а не класс для себя. Также необходимо отметить, что сегодня многие представители традиционного среднего класса по целому ряду параметров находятся в группе риска. Это касается такого важного критерия, как необходимый уровень образования: на сегодняшний день высшее образование уже не является гарантией сколько-нибудь

устойчивого положения в социальной структуре, поскольку оно не обеспечивает овладение новыми технологиями и в силу данного фактора становится невосприимчивым к рыночным реалиям. Технический прогресс, в отличие от двадцатого столетия, сегодня развивается не линейно-поступательно, а синхронно. В пользу данного обстоятельства говорят следующие факты: можно, например, взять за основу 50 млн пользователей, овладевших разными видами товаров и услуг. «Автомобили обрели 50 млн пользователей за 62 года; электричество за 46 лет; мобильные телефоны за 12 лет, а интернет за 7 лет» [6]. Таким образом, мобильная связь мгновенно появилась в регионах, еще не достигших стадии всеобщей телефонизации. В свою очередь социальные сети опутали собой страны, где не побеждена до конца даже неграмотность.

Это свидетельствует о том, что технический прогресс на современном этапе не признает цивилизационных границ и игнорирует фактор «отсталости» стран и регионов. В связи с этим американский ученый Александр Гершенкрон ввел такое понятие, как «преимущество отсталости»: «Более позднее освоение современных технологий, благодаря невысокой цене входа и существенному снижению информационных издержек, создает потенциал инклюзивного роста, позволяя более бедным слоям населения или регионам воспользоваться новыми возможностями» [7, с. 155]. В действительности за последние десятилетия взрывной рост уровня образования населения в прежде считавшихся отсталыми регионах мира привел к дополнительным проблемам. В качестве наглядного примера можно привести «твиттерные» и «фейсбучные» революции в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Именно социальные сети стали своеобразными драйверами «Арабской весны» 2011 г. и других протестных движений. Быстрое включение молодой пассионарной массы в современные технологии ведет к неоднозначным результатам и может явиться причиной социальных катаклизмов.

В пользу этого свидетельствует и широкая протестная волна, охватившая многие страны на разных континентах на протяжении 2018–2020 гг.: Франция (движение «желтых жилетов»), Боливия, Эквадор, Чили, Венесуэла, Израиль, Ливан, Иран, Ирак, США, Белоруссия, Сербия, Болгария. Это совершенно разные государства, с различным уровнем социально-экономического развития и хозяйственным укладом. У возникновения протестных акций неодинаковые причины, но достаточно часто таковой является недовольство результатами прошедших выборов как своеобразный детонатор. Кроме того, современные протестные движения многоформатны и социально неоднородны, без четкой идеологической основы, как это было, например, в знаменитых студенческих бунтах 1968 г. Не имеет ровным счетом никакого значения, какие политические силы находятся у власти в протестных странах: правые, левые, центристы, что свидетельствует о несформировавшейся идейной основе, которой по мнению некоторых исследователей не может быть в принципе. Например, в США сегодня протестуют как против полицейского произвола и расизма, так и против самих протестующих, а насилие применяют все стороны.

Все это отличает поведение современных конфликтных социальных групп от прежних традиционных форм протеста, в которых участвовали рабочие, выдвигавшие прежде всего требования по улучшению условий труда и за социальные права. С другой стороны, сегодняшние протестующие – это не классический средний класс с его требованиями больших политических и экономических свобод. Сегодня подобные требования встречаются только

в комбинированном виде, и к ним обязательно добавляются новые в зависимости от социальной, религиозной, расовой, региональной специфики. Например, в США это требование о расширении права на применение оружия, притом что причиной протестов как раз и являлось его активное использование со стороны полиции. В постсоветских странах существенным фактором протестных движений является геополитическая ориентация: выбор между Россией и Европейским союзом, а также США. В качестве примера можно привести «оранжевую революцию» 2004 г. и Евромайдан 2014 г. на Украине, протесты после выборов в Армении 2018 г. и сегодняшние события в Белоруссии.

Студенты являются значимой составляющей (иногда даже большинством) подобных акций, но практически никогда эти протесты не являются студенческими по своей сути, как это было во Франции в 1968 г. и Китае в 1989 г., и этому есть простое объяснение, поскольку современное студенчество во многих странах не является однородной массой. Жесткой реальностью стала градация вузов, Россия здесь далеко не исключение из общего ряда, и существенным фактором, влияющим на это, является уровень преподавания, квалификация профессорско-преподавательского состава, мотивация обучающихся и, соответственно, плата за обучение. Общее убеждение учащейся молодежи состоит в том, что диплом даже очень престижного университета не является автоматическим пропуском в элиту. Именно поэтому студенческая протестная субкультура, имевшая в прошлом решающее влияние, на сегодняшний день не главный драйвер требования перемен, на которые каждый участник событий смотрит по-своему. У современных протестующих вообще отсутствует узнаваемый образ будущего.

Заключение. Из данных обстоятельств вытекает ряд существенных выводов:

1. Полисоциальный характер протестных движений. Среди активных участников современных протестных движений и акций нет четких классово-стратификационных барьеров. По-прежнему имеют значение показатели материального положения, уровня образования, профессиональной квалификации, но в сочетании с другими факторами.

2. Размытые социальные границы неизбежно предполагают отсутствие прочной идеологической базы, на место которой приходят протестные тренды, зачастую прямо не связанные с политическими событиями и требованиями. В качестве примера можно привести акции «зеленых» эоактивистов или ЛГБТ-сообщества. Проблема заключается в том, что политические субъекты активно реагируют на любые движения, из-за чего сфера принятия политических решений теряет аутентичный характер.

3. Оттеснение на задний план идеологической основы предполагает отсутствие четкой цели протеста. Сам факт участия в акциях зачастую становится важнее результата. Меняется сам формат проведения акций, теперь это нередко принимает форму перформансов.

Риски подобных тенденций достаточно трудно просчитываемы. На сегодняшний день есть все основания говорить о размывании социальной базы традиционных политических партий. Это прежде всего связано с существенным сокращением доли «среднего класса», удельный вес которого в социально-экономической системе существенно снижается. Но дело далеко не только в количественных параметрах данной социальной категории населения, что обусловлено экономическим спадом; меняются прежде всего сами модели поведения, которыми во все большей степени движут постоянно формируемые тренды, что побуждает поступать не так, как принято, например голосовать за «нерукопожатных»

прежде кандидатов. В результате привычный политический пейзаж меняется самым кардинальным способом. Это хорошо видно на примере США, где еще совсем недавно имелись основания говорить о несущественных различиях в избирательных платформах республиканской и демократической партий. Либерализм в политической системе США выполнял роль жизненно важного центра, на основе которого и формируются «месседжи» ведущих партий. Но в сегодняшних реалиях «центр» уже не может являться устойчивым, и электоральные группы апеллируют к «крайним полюсам». В результате в республиканской партии усиливаются позиции «крайних консерваторов» и «правых антиглобалистов», а в демократической – «леволибералов» и «социалистов». Имеются все основания утверждать, что политическим субъектам приходится иметь дело с широкими протестными группами и целыми движениями, которые и диктуют новые правила игры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1973.
2. Вебер М. Основные понятия стратификации // Кравченко А. И. Социология Макса Вебера. Труд и экономика. М.: На Воробьевых, 1997. С. 162–180.
3. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1993.
4. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005.
5. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
6. Май В. После конца истории: как технологический прогресс возвышает мир в XIX в. // Forbes. 2020. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/404061-posle-konca-istorii-kak-technologicheskij-progress-vozvrashchaet-mir-v> (дата обращения: 17.08.2020).
7. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / пер. с англ. А. В. Белых. М.: Дело, 2015.

Информация об авторе.

Солдатов Андрей Александрович – кандидат социологических наук (2015), доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, ул. Лоцманская, д. 3, 190121, Россия. Автор 37 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая социология, массовые коммуникации, пиар-обеспечение бизнеса. E-mail: soldatov2012@yandex.ru

REFERENCES

1. Marx, K. (1973), *Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. 1. Kn. 1: Protsess proizvodstva kapitala* [Capital. Criticism of Political Economy. Vol. 1. Book 1: Capital production process], Politizdat, Moscow, USSR.
2. Veber, M. (1997), "Basic concepts of stratification", Kravchenko, A.I., *Sotsiologiya Maksa Vebera. Trud i ekonomika* [Sociology of Max Weber. Labor and economics], Na Vorob'evykh, Moscow, USSR, pp. 162–180.
3. Smith, A. (1993), *Issledovaniya o prirode i prichinakh bogatstva narodov: v 2 t., t. 1.* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations: in 2 vol.], Nauka, Moscow, RUS.
4. Florida, R. (2005), *Kreativnyi klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee* [The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life], Klassika-XXI, Moscow, RUS.

5. Standing, G. (2014), *Prekariat: novyi opasnyi klass* [The Precariat: The New Dangerous Class], Transl. by Usova, N., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.

6. Mau, V. (2020), "After the End of History: How Technological Progress Raises the World in the 19th Century", *Forbes*, available at: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/404061-posle-konca-istorii-kak-tehnologicheskii-progress-vozvrashchaet-mir-v> (accessed 17.08.2020).

7. Gerschenkron, A. (2015), *Ekonomicheskaya otstalost' v istoricheskoi perspektive* [Economic Backwardness in Historical Perspective], Transl. by Belykh, A.V., Delo, Moscow, RUS.

Information about the author.

Andrei A. Soldatov – Can. Sci. (Sociology) (2015), Associate Professor at the Department of philosophy and sociology, State Marine Technical University, 3 Lotsmanskaya str., St Petersburg 190121, Russia. The author of 37 scientific publications. Area of expertise: political sociology, mass communication, PR-business support. E-mail: soldatov2012@yandex.ru

Stanislav Voronin's Universal Classification of Onomatopoeic Words: a Critical Approach (Part 2)

Maria A. Flaksman✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉maria.alexeevna@gmail.com

Introduction. The present paper is a critical study of the classification methodology introduced by S. V. Voronin in 1969. The phonosemantic classification of onomatopoeic (sound imitative) words has been tested on the material of typologically different languages and, in general, has proven itself successful. However, the bulk of empirical evidence calls for minor updates on the classification. The first part of the article contained a detailed description of the classification and a critical analysis of its various aspects. This (the second) part contains suggestions as how to overcome the highlighted difficulties.

Methodology and sources. The method applied in the classification is the method of phonosemantic analysis which was introduced by S. V. Voronin. The present article explores the possibilities of its application on data from English and other relevant languages.

Results and discussion. The critical analysis of the universal classification of the onomatopoeic words conducted in the first part of the article revealed the presence of several overlapping classes and hyperclasses, as well as other minor inconsistencies. The introduction of additional hyper-classes and re-classification of frequentatives helps to overcome these difficulties. Thus, I move frequentatives-instants and frequentatives-continuants from the class "frequentatives" to form a hyper-class of their own, leaving what were Voronin's "pure" frequentatives in the former class of frequentatives. I also introduce poly-syllabic onomatopoeic words into the classification.

Conclusion. The introduced changes do not undermine the key principles of the Universal classification formulated by S. V. Voronin but help its practical implementation on the material of typologically different languages.

Keywords: onomatopoeia, universal classification of onomatopoeic words, iconicity, phonosemantics, language universals, S. V. Voronin.

For citation: Flaksman M. A. Stanislav Voronin's Universal Classification of Onomatopoeic Words: a Critical Approach (Part 2). DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 92–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-92-102

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.06.2020; adopted after review 15.07.2020; published online 25.02.2021

© Flaksman M. A., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Универсальная классификация ономастов С. В. Воронина: критическое осмысление (часть 2)

М. А. Флакман✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

✉maria.alexeevna@gmail.com

Введение. Настоящая статья посвящена критическому осмыслению Универсальной классификации ономастов, разработанной С. В. Ворониным в 1969 г. За последующие годы классификация была применена к обширному материалу родственных и неродственных языков и в целом оказалась успешной. Однако накопленный языковой материал требует дальнейшей переработки классификации, чему и посвящена настоящая статья. В первой части была представлена сама классификация, во второй (настоящей) части статьи предлагаются возможные решения обозначенных проблем.

Методология и источники. Универсальная классификация ономастов (звукоподражательных слов) основывается на методе фоносемантического анализа, предложенном С. В. Ворониным. В настоящей статье приводятся эмпирические данные английского и других языков, необходимые для иллюстрации выдвигаемых положений и предложений по исправлению используемой методологии.

Результаты и обсуждение. Подробное рассмотрение классификации, проведенное в первой части статьи, позволило определить ее спорные места, в частности, выявить пересекающиеся классы и гиперклассы. Введение новых, дополнительных гиперклассов, с нашей точки зрения, позволяет снять обнаруженные противоречия. Так, выведение фреквентативов-инстантов и фреквентативов-континуантов из класса «фреквентативы» (и превращение их в самостоятельные гиперклассы) оставляет в классе только «чистые» фреквентативы (по Воронину), что позволяет избежать упомянутых проблем. Также в статье впервые рассматриваются многосложные звукоподражательные слова.

Заключение. Внесенные изменения не нарушают принципов Универсальной классификации, разработанной С. В. Ворониным, а лишь вносят некоторые дополнения в нее и имеют целью упрощение ее практического применения к материалу типологически отличающихся языков.

Ключевые слова: звукоподражания, универсальная классификация ономастов, иконичность, фоносемантика, языковые универсалии, С. В. Воронин.

Для цитирования: Флакман М. А. Универсальная классификация ономастов С. В. Воронина: критическое осмысление (часть 2) // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 92–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-92-102

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной статьей, не сообщалось.

Поступила 03.06.2020; принята после рецензирования 15.07.2020; опубликована онлайн 25.02.2021

Introduction. The first part of the article was devoted to the introduction of the Universal Classification of onomatopoeic words (UCO) by S. V. Voronin and to the discussions of its limitations. Part 2 of the article is devoted to possible solutions of the indicated problems.

The main ten problems detected in Part 1 of this paper are:

1. *Place of frequentatives in the classification.* Frequentatives as a class render “a rapid series of pulses where each pulse is hardly perceived separately yet there is no complete fusion

of pulses into one tone” [1, p. 53]. In order to be classified as a class (according to the principles of the classification) they should convey “*simple* sounds” [1, p. 43]. Thus, theoretically, frequentatives describe “harsh, dissonant sounds” via use of (trilled) R [1, p. 53], yet Voronin’s frequentatives include also elements of the adjacent classes of instants and continuants [ibid.].

2. *Definition of “pure” frequentatives.* According to Voronin [1, p. 54], “pure” frequentatives are a sub-class of frequentatives, yet their structural models include plosives (elements of instants). Also, English and Indonesian structural models for “pure” frequentatives differ considerably.

3. *Frequentatives and R-formatives.* Some structural models for frequentatives include R-formatives (which are expressive affixes added to the root). This undermines one of the key principles of the classification – only the roots of imitative words should be classified, as affixes may have their own (expressive, onomatopoeic) function. The *-er* suffix in question, in particular, conveys iterative (repetitive) meaning.

4. *Structural models are language-specific and reflect phonotactic conventions of a language (applied to monosyllabic words).* Our previous research [2] has shown that structural models of onomatopoeic words are not diachronically stable and reflect only current inventory and phonotactic constraints of a language.

5. *Structural models change in diachrony* – see problem 4.

6. *Unnecessary large number of types and structural models which complicates the classification.* Some of the models proposed for English describe only one word, e. g. model 18 [1, p. 66], which complicates the implementation of the classification.

7. *The role of the affricates in the classification.* Affricates hold an intermediary position between stops and fricatives and their phonosemantic function by sound imitation is not clear.

8. *The role of the sonants, laterals and approximants in the classification.* These types of phonemes appear in various models and do not seem to have their own imitative function.

9. *The role of voice in the classification.* The voiced / voiceless opposition is considered to be meaningful in certain types of structural models, whereas ignored in other types.

10. *Vowel length as a distinctive feature of tonal continuants.* This quality of vowels is not universal. Even in English the short / long opposition of vowels is only historical. Thus, a very specific phonemic feature is used for a universal classification.

These were the problems discussed in Part 1 of the article. Part 2 is devoted to the possible solutions to these problems.

Methodology and sources. In order to solve the abovementioned problems, I use the same methodological approach as the author of the classification [1]. The *phonosemantic approach* is based on the principle of *iconic* relation of onomatopoeic words to their (psycho)-acoustic denotata. The main purpose of the UCO is to reveal the principal acoustic parameters (properties) of sound-denotata which define the choice of type of phonemes comprising an onomatopoeic word [1, p. 39].

S. V. Voronin defines five main parameters of acoustic denotata [1, p. 40]: pitch, volume, time, periodicity, and dissonance quality. These five parameters together give three distinct types of sound denotata: A. Pulses, B. Non-pulses (tones and noises), and C. Dissonances.

The phonemes comprising onomatopoeic words in order to have an *imitative function* should possess (psycho)-acoustic characteristics closest to these three “poles”. If these characteristics match, imitation takes place.

In this paper we use the phonosemantic approach introduced by Voronin [1] to analyze the “Universal classification”. I draw my examples from the 1500-word Appendix to [2].

Results and discussion.

Possible solutions to the detected problems.

The ten major and minor problems listed in the Part 1 and briefly summed up in the Introduction do not undermine the key principles of the UCO formulated by Voronin [1]. What Voronin came across in his research seems to be the following:

– the universal [to much extent diagrammatic] correspondence between types of contrast acoustic denotata (pulse | non-pulse (tone and noise) | dissonance) and contrast types of phonemes (plosives | sonorants or vowels / fricatives | trills);

– the primary role of the manner of articulation (of consonants) in imitation of acoustic phenomena (this point has never been postulated in [1] although implied); and the (to much extent) secondary but still important role of voice (manifested via vowels, sonorants, voiced fricatives etc.);

– the limiting role of inventory and phonotactic constraints in onomatopoeia (again, not discussed directly in [1] but meticulously illustrated on numerous structural models for onomatopoeic systems of languages from different language families by the author himself [1–3] as well as those who applied the UCO to the material of other languages [4–8]).

In my opinion, these are the strong points of the classification and of the Voronin’s approach to onomatopoeia on the whole. The majority of the described problems seem to originate from the over-fragmentation tendency characteristic of the classification in general.

Thus, the possible solutions I propose are solutions based on unification and re-grouping rather than on challenging the basic principles of the UCO.

The *problems 1–3* are the interrelated problems concerning the place of the frequentatives in the classification and the form(s) they take. To solve these problems, let’s go back to the principles of classification formulated in [1, p. 42].

The basis of the UCO is the distinction of three both acoustically and psycho-acoustically simple types of acoustic denotata:

- A. Pulse;
- B. Non-pulse (tone or noise);
- C. Dissonance.

The three corresponding classes of onomatopoeic words are:

- A. Instants;
- B. Continuants (tone or noise);
- C. Frequentatives.

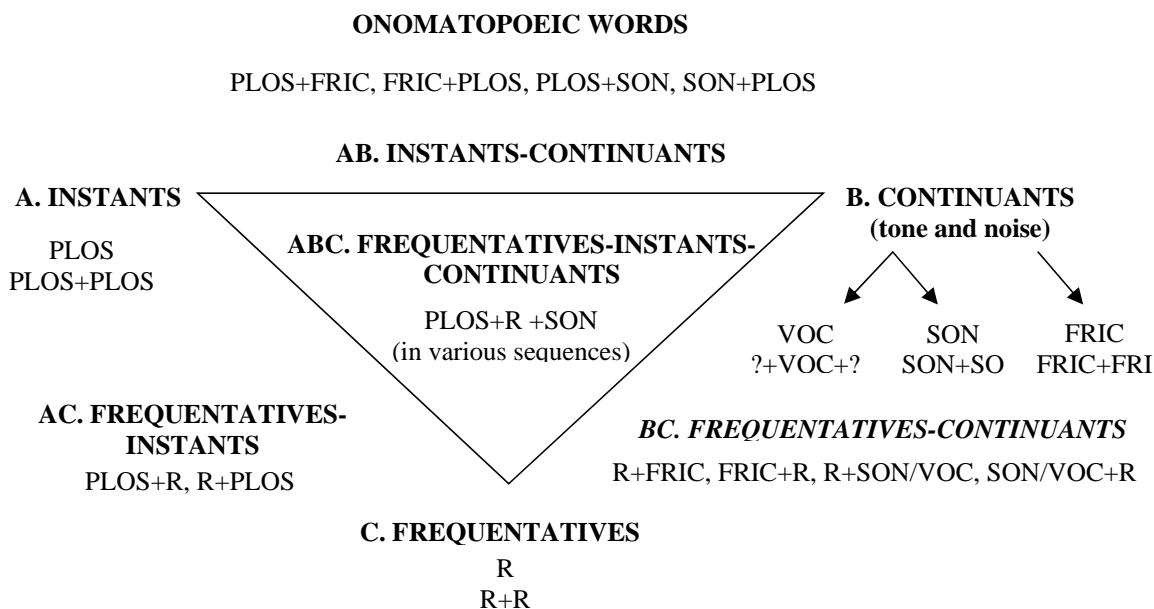
All other sounds are acoustically complex entities combined of the three simple contrast elements, and all other onomatopoeic words, thus, belong to (complex) hyper-classes.

According to Voronin [1, p. 44] there are two hyper-classes:

- AB. Instants-Continuants;
- CAB. Frequentatives-Instants-Continuants (see Fig. 1 in Part 1).

What I propose is distinguishing alongside three classes not two but four hyper-classes (see Fig., this article):

- AB. Instants-Continuants;
- AC. Frequentatives-Instants;
- BC. Frequentatives-Continuants;
- ABC. Frequentatives-Instants-Continuants.

Universal classification of onomatopoeic words revised

Such division solves our *problem 1* (the place of frequentatives in the classification). Now all “simple” onomatopoeic words are on the same level (classes) and “complex” ones on another (hyper-classes) – frequentatives-(quasi)-instants and frequentatives-(quasi)-continuants now form hyper-classes of their own (frequentatives-instants and frequentatives-continuants respectively).

The whole system of oppositions is now represented as a continuum with three distinct “peaks” (instants, continuants, and frequentatives), all the “mixed” classes are in the middle.

The Voronin’s class “pure frequentatives” (*problem 2*) with R in auslaut I unite with frequentatives-instants as it is only a question of distribution but not of quality. This leaves the “square” which is meant for (pure) frequentatives empty. So, what are (pure) frequentatives which should represent (pure) dissonances?

Here I would like to touch upon our *problem 4* (structural models do not describe onomatopoeic interjections and polysyllabic imitative words).

I propose to distinguish three different levels of imitation in onomatopoeic words: *phonemic*, *syllabic*, and *polysyllabic* (plus quasi-polysyllabic). Applied to the UCO it this division should take the following form (see Tabl.).

Also, instead of introducing “fixed” models that meticulously describe all (with certain exceptions) onomatopoeic words in the language system – which, however, reflect present-day phonotactic constraints (*problems 4* and *5*) – I propose introducing a *general framework* for classification which (1) will be not so “tight” and will incorporate mono-phonemic onomatopoeic interjections and polysyllabic onomatopoeic words and (2) will reduce the number of types and models (solving *problem 6*).

Universal classification of onomatopes applied to words of different length

Type of structure / Typological class	CLASSES			
	Instants	Continuants		Frequentatives
		Tonal	Noise	
phonemic	PLOS	V / SON	FRIC	R
syllabic	PLOS + PLOS*	(CONS)+V+(CONS)/SON+SON	FRIC+FRIC	R+R
		Tone-noise K: SON+FRIC; FRIC+SON		
poly-syllabic	PLOS+PLOS+ +PLOS...	V+(CONS)+V+(CONS)+V... etc.	FRIC+FRIC+FRIC...	R+R+R...
Type of structure / Typological class	HYPER-CLASSES			
	IK	FI	FK	FIK
phonemic	–	–	–	–
syllabic	PLOS+FRIC; FRIC+PLOS; PLOS+SON; SON+PLOS	R+PLOS; PLOS+R	R+SON/FRIC; SON/FRIC +R; FRIC+R+SON	PLOS+R+SON; FRIC+R+PLOS; R+SON+PLOS; PLOS+R+FRIC etc. within one syllable
poly-syllabic	PLOS+FRIC+ PLOS etc.	PLOS+R+PLOS etc.	R+SON+R etc.	all other combinations

*The schema describes a CVC-syllable type language.

Thus, the classification takes the following form:

(1) Phonemic level.

On the simplest level only UCO's classes (and not hyper-classes) can be represented:

- *instants* (one plosive, e. g. *KKKK* “a crackling sound” [9, p. 83]);
- *continuants* (one fricative representing a noise, e. g. *SH!* (cf. *SHHHHH* “a hushing sound made to quieten someone” [9, p. 124]); or one vowel, e. g. *EEEE!* representing tone (in this case, a high-pitched cry of pain [9, p. 47]);
- *frequentatives* (one trill (or its equivalent) representing a harsh, dissonant sound, e. g. *RRR!* representing the sound of a dog's growl [9, p. 118].

(2) Syllabic level.

As human language does not consist only of onomatopoeic interjections (they alone are insufficient for describing all possible contexts the language is required in), the next level is that one of syllables. These are onomatopoeic words described by the structural models and they constitute the core of language's imitative lexicon (the discussion of what is a core and what is a periphery of the imitative lexicon – see [10]). This is the level where the coinage is restricted and conditioned by conventional phonemic and phonotactic constraints. In order to form a syllable, one should introduce a vowel (or sonorant) into the structure. This lessens the imitative potential of onomatopoeic words but makes them “proper” words and allows their functioning in a language.

Thus, in a CVC-syllable language **instants** (I) are onomatopoeic words with two plosives in their structure (E. *tap*) denoting abrupt pulse-like sounds. In a CV-syllable language the second plosive is dropped.

Continuants (K) are **(a)** onomatopoeic words with a vowel (or sonant) in their structure denoting prolonged tones (E. *hoot*); and **(b)** onomatopoeic words with two fricatives in their structure denoting noises (E. *sizz(le)*).

Whereas noise continuants resemble instants in their structure, tone continuants should be discussed separately.

I indicated (*problem 10*) that a long vowel alone cannot form a basis for distinguishing tone continuants (for the discussion – see Part 1). The ensuing difficulty is distinguishing tonal continuants with CV, CVC, VC syllable structures from words belonging to other classes. That is, is a Russian *дудеть* [dudet’] “to toot” (root *dud-*, PLOS+VOC+PLOS) a tonal continuant or an instant? In such cases I propose the following:

– establishing the meaning – *дудеть* “to toot, to play a flute, to drone” – all descriptions answer to non-abrupt, non-pulse sounds of certain duration (and not an abrupt sound);

– creating minimal phonosemantic pairs with contrast phonemes to model which elements of the onomatopoeic roots would “suffer” most from the substitution (that is, in which case we would coin a word with a very different imitative function) – ***tud-et*’, ***dup-et*’, ***did-et*’; in these examples the first two could still mean “to toot, to play a flute, to drone”, while the third one is more suggestive of a high-pitched sound rather than of that one of a toot or a drone.

Thus, *дудеть* is a tonal continuant.

The method of *minimal pairs* applied to phonosemantics I see as a *validation instrument* for the classification.

The tone-noise continuants (**c**) also exist. They are a mixture of sonants (render tones) and fricatives (render noises): SON+ FRIC (*mash* “to beat into a soft mass; to crush”); FRIC + SON (*zing* “a sharp, high-pitched ringing sound; a twang”).

Frequentatives (F) are onomatopoeic words with two rhotic consonants (or their equivalents) in their structure denoting harsh, dissonance-like sounds (E. *roar*, OE *rarian*, Church Slavonic *rarŭ* “sound” [11]). Here one should remark that trills (and even their equivalents) are typologically less common than plosives which makes the number of syllabic “pure” frequentatives extremely limited (RV, RVR, VR). This is the possible reason why Voronin started looking for another types and structures and included frequentatives-instants and frequentatives-continuants into the frequentative class (*problem 1*).

Limiting the (syllabic) frequentatives by only three models we solve both *problems 1* and *2*. Thus, all onomatopoeic words belonging to class “frequentatives” are *rrrr!*, *roar* [rɔ:] and an obsolete *arr* “to snarl as a dog”.

All words marked in [1] and [3] as “frequentatives” are, in fact, frequentatives of mixed types (with an “instant” or a “continuant” component). Even words labelled as “pure frequentatives” I consider to be a subtype of frequentatives-instants (*purr*, *birr*), which solves *problem 2*.

As for whether to include R-formatives into classification (*problem 3*), I suggest that one should not, as they are not part of the root and have more or less their own, distinct meaning (see my argumentation in Part 1). Thus, English *twit* and *twitter* belong to the same type and hyper-class – instants-continuants, the later with an R-formative indicating a repetitive quality of the sound-based action.

Instants-continuants (IK) are a hyper-class of onomatopoeic words combining elements of pulses and tones/noises. While pulses are rendered by plosives, noises – by fricatives, tones are rendered mostly by sonorants unless a vowel in such word is phonosemantically significant (see the example with *дудеть* above). Pulse and non-pulse elements can appear both in anlaut and auslaut. Thus, we arrive at four combinations for CVC syllable languages (if vowels are not taken into account, plus additional consonants other than R might be added):

– PLOS + FRIC (E. *buzz* “a sibilant hum, such as is made by bees, flies, and other winged insects”); note that I have excluded the *voiced* / *voiceless* opposition from the classification making it an additional feature (**problem 9**);

– FRIC + PLOS (E. *zip* “a light sharp sound such as that produced by a bullet or other small or slender object passing rapidly through the air”);

– PLOS + SON (*bom* “the sound caused by the discharge of a gun”, *bang* “a heavy resounding blow, a thump”);

– SON / approximant + PLOS (*yip* “a sharp, high-pitched ringing sound; a twang”).

Frequentatives-instants (FI) are a hyper-class of onomatopoeic words combining elements of pulses and dissonances. For the syllabic FI I suggest (upon the same grounds as for the IK – if vowels are not taken into account, plus additional consonants other than sonorants might be added) the following frame:

– R + PLOS (*crack* “a sharp sound caused by the sudden breaking of anything hard”);

– PLOS + R (hist. *birr* “a whirring sound”).

Frequentatives-continuants (FK) are a hyper-class of onomatopoeic words combining elements of pulses and tones or noises. For them I suggest the following general frames:

– R+ SON / FRIC (*ring* “a ringing sound or noise”, *rash* (obsol.) “a rustling or scraping noise”);

– SON / FRIC +R (hist. *chirr* “to make the trilled sound characteristic of grasshoppers”); note that I consider affricates closer to fricatives in their imitative function (**problem 7**);

– FRIC + R + SON (*thrum* “an echoic word representing various sounds, esp. the tones produced by ‘thrumming’ a guitar or similar instrument”).

Again, this is valid if vowels are not taken into account, plus additional consonants other than plosives might be added.

The fourth hyper-class I suggest is **frequentatives-instants-continuants** (FIK) which combines plosives, sonorants and R in their complex structure. For example:

– PLOS + R + SON (*croon* “a low murmuring or humming sound, as of a tune hummed in an undertone”);

– PLOS + R + FRIC (*crash* “a sharp sound caused by the sudden breaking of anything hard”);

– FRIC + R + PLOS (*thrum* “the sound of a blow”);

– R+SON+PLOS (*rumble* “a low continuous murmuring, grumbling, or growling sound”).

(3) Polysyllabic / quasi-polysyllabic level.

As discussed above (see **problem 4**), imitative words might consist of several syllables and thus are not described by Voronin. I propose not to extend the classification to this level, as the majority of polysyllabic words (e. g. *rum-ti-toom*, *cock-a-doodle-doo*) are rare and unique in their structure.

However, some of them can be uniform (e. g. *cuckoo* – tonal continuant + tonal continuant), *ruru* (frequentative-continuant + frequentative-continuant). Only in such cases I deem necessary to classify them as continuants, frequentatives-continuants etc.

Also, I distinguish a **quasi-polysyllabic level** for onomatopoeic interjections like *KKKSH* “the sound made by a brick crashing through a window” [9, p. 83]. They do not form syllables in a strict sense – such words as *KKKSH* are either geminated forms or a series of phonemes with imitative function merged together.

The majority of onomatopoeic interjections in [9] are predominantly of mixed nature, however, some of them are more or less uniform and it is possible to classify them with certain precision. For example:

- *BAPP* “a punching sound; a kicking sound” [9, p. 17] is an instant;
- *EEE-OOOOOOO* “a wailing animal sound” [9, p. 48] is a tone continuant;
- *FZSSSSSSSSSS* “the sound of champagne fizzing” [9, p. 60] is a noise continuant;
- *RRRRR* “the sound of motorcycle engines” [9, p. 119] is a frequentative;
- *FZZZT* “the sound of an object suddenly breaking into flames” [9, p. 61] is an instant-continuant;
- *RATATATAT* “the sound of a machine gun” [9, p. 114];
- *RRRRAAAAAA* “a sound made by a person straining physically” [9, p. 118] is a frequentative-continuant;
- *RRZZTTT* “the sound of electronic weapon fire” [9, p. 120] is a frequentative-instant-continuant.

However, it does not make sense to further classify such onomatopoeic interjections like *KARASHBOOMBAM* “a sound of people and equipment in operation, as might be heard on a construction site” [9, p. 79] as such words are comprised from smaller easily definable units.

These are some possible solutions to the problems I indicated in the Introduction. The remaining major and yet unsolved problems are:

- What form will frequentatives (pure and of mixed types) take in languages without phonemic R?
- What is the role of voice in onomatopoeia and how it should be reflected in the classification?
- Should a tone (for the tonal languages) be incorporated into the classification?
- What imitative functions will the consonants and vowels not encountered in the studied languages (e. g. non-pulmonic consonants) have?

These questions are still awaiting their researchers.

Conclusion. The Universal Classification has revealed that onomatopoeic words are not a haphazard miscellany of words but form “a patently rigorous system within the framework of language” [12, p. 23]. On the whole, the classification based on types of correspondences with acoustic denotata has proven to be successful. However, some aspects of the UCO require certain revision after the 50 years which have passed since its introduction.

The changes I propose in this article can be briefly summed up as follows:

- distinguishing four hyper-classes of onomatopoeic words instead of two;
- leaving only R/RV(R) type in the class of frequentatives and considering Voronin’s “pure” frequentatives as a subtype of frequentatives-instants;
- excluding R-formatives from the classification;
- distinguish three levels of imitation in onomatopoeic words: phonemic, syllabic, and polysyllabic, only the second of which being (partly) described by structural models;
- generalizing and thus reducing the number of structural models on the ground of their being language-specific and reflecting phonotactic constraints which change in diachrony;
- considering affricates equal to fricatives in their imitative function (which transfers a number of Voronin’s instants into the hyper-class of instants-continuant);

– ascribing all sonorants an imitative function of rendering a tonal non-pulse (which also transfers a number of Voronin’s instants into the hyper-class of instants-continuants);

– “extracting” voiced / unvoiced distinction from the UCO as an additional, secondary feature, thus reducing the number of structural models.

These proposed changes, as one can see, do not undermine the basic principles of the classification and I hope will ease its implication and reduce the number of contradictions which arise in the course of its implementation on the material of structurally different languages.

ABBREVIATIONS:

AFFR – affricate	NAS – nasal
DENT – dental	PLOS – plosive
FI – frequentative-instant	R – a rhotic phoneme (uvular, trill etc.)
FIK – frequentative-instant-continuant	R _f – R-formative
FRIC – fricative	S/W – strong/weak
FRIC ^v – voiced fricative	SD-1 – first de-iconization stage
FRIC [^] – voiceless fricative	SD-2 – second de-iconization stage
GUTT – guttural	SD-3 – third de-iconization stage
I – instant	SD-4 – fourth de-iconization stage
IK – instant-continuant	SON – sonant
K – continuant	UCO – Universal Classification of Onomatopoeic words
L/H – low/high	V ^o C – a long vowel
LAB – labial	V ^o C – a short vowel
LAT – lateral	

REFERENCES

1. Voronin, S.V. (2006), *Osnovy fonosemantiki* [The Fundamentals of Phonosemantics], Lenand, Moscow, RUS.
2. Flaksman, M.A. (2015), “Diachronic development of English iconic vocabulary”, Can. Sci. (Philol.) Thesis, Saint Petersburg State Univ., SPb., RUS.
3. Voronin, S.V. (2004), *Angliiskie onomatopy: fonosemanticheskaya klassifikatsiya* [English Onomatopes: a Phonosemantic Classification], Gelikon Plyus, SPb., RUS.
4. Krasnova, A.V. (2018), “Universal and language-specific in Turkish imitative lexicon”, Can. Sci. (Philol.) Thesis, St. Petersburg Univ. of Economy, SPb., RUS.
5. Bratus', I.B. (1976), “Acoustic Onomatopes in Indonesian”, Abstract Can. Sci. (Philol.) dissertation, Univ. of Leningrad, Leningrad, USSR.
6. Lapkina, L.Z. (1979), “English and Bashkir acoustic onomatopes (experience of typological research)”, Can. Sci. (Philol.) Thesis, Univ. of Leningrad, Leningrad, USSR.
7. Kankia, N.D. (1988), “The Primary Motivation of The Word (In English and Georgian)”, Can. Sci. (Philol.) Thesis, Univ. of Leningrad, Leningrad, USSR.
8. Veldi, E.A. (1988), “English-Estonian Parallels in Onomatopoeia”, Can. Sci. (Philol.) Thesis, Univ. of Tartu, Tartu, EST.
9. Taylor, K.J. (2007), *KA-BOOM! A Dictionary of Comic Book Words, Symbols and Onomatopoeia*, Mora Publications, Surrey, BC, CAN.
10. Flaksman, M.A. (2019), “From IE *ue to English window: on the age and number of imitative words in English”, *Indo-European Linguistics and Classical Philology-XXIII (Joseph M. Tronsky memorial Conference. Proceedings of the International Conference)*, in by N.N. Kazansky (ed.), St Petersburg, 24–26 June, 2019, Part II, P. 1066–1075.

11. *The Oxford English Dictionary*, available at: <http://www.oed.com> (accessed 25.04.2020).

12. Voronin, S.V. (2005), *Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: Sundry Papers*, St. Petersburg Univ. Press, SPb., RUS.

Information about the author.

Maria A. Flaksman – Can. Sci. (Philology) (2015), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of over 51 scientific publications. Area of expertise: iconicity studies, phonosemantics, onomatopoeia, historical linguistics, etymology, Germanic languages. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8258-4825>. E-mail: maria.alexeevna@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: Ленанд, 2006.
2. Флакман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2015.
3. Воронин С. В. Английские ономотопы: фоносемантическая классификация. СПб.: Геликон Плюс, 2004.
4. Краснова А. В. Универсальные характеристики звукоизобразительной лексики и их специфические проявления в турецком языке: дис. ... канд. филол. наук / СПбГЭУ. СПб., 2018.
5. Братусь И. Б. Акустические ономотопы в индонезийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1976.
6. Лапкина Л. З. Английские и башкирские акустические ономотопы (опыт типологического исследования): дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1979.
7. Канкия Н. Д. Примарная мотивированность слова (на материале английского и грузинского языков): дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1988.
8. Вельди Э. А. Англо-эстонские параллели в ономотопее: дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. Тарту, 1988.
9. Taylor K. J. *KA-BOOM! A Dictionary of Comic Book Words, Symbols and Onomatopoeia*. Surrey, BC: Mora Publications, 2007.
10. Flaksman M. A. From IE **ue* to English window: on the age and number of imitative words in English // *Indo-European Linguistics and Classical Philology-XXIII* (Joseph M. Tronsky memorial Conference. Proceedings of the International Conference), St Petersburg, 24–26 June, 2019, in N. N. Kazansky (ed.). Part II. P. 635–1208. SPb.: Nauka, 2019. P. 1066–1075.
11. *The Oxford English Dictionary*. URL: <http://www.oed.com> (дата обращения: 25.04.2020).
12. Voronin S. V. *Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: Sundry Papers*. SPb.: St. Petersburg Univ. Press, 2005.

Информация об авторе.

Флакман Мария Алексеевна – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 51 научной публикации. Сфера научных интересов: фоносемантика, звукоизобразительность, ономотопея, сравнительно-историческое языкознание, этимология, германские языки. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8258-4825>. E-mail: maria.alexeevna@gmail.com

To the Use of Etymological Methods in the Research of the Origin of Slavs

Georgiy M. Telezhko✉

Sole Proprietor

✉yurate@bk.ru

Introduction. This article is written in the development of the theme of the application of linguistic methods to historical research, more specifically, to the research of the circumstances of the origin of the Slavic ethnic group. These circumstances have not yet been clarified to the extent excluding clashes of opinions, down to opinions opposite to each other. In particular, the range of supposed dates for the appearance of the Common Slavic language varies from the 3rd millennium BC to the middle of the 1st millennium AD. The article describes an attempt of restricting this range.

Methodology and sources. The main ethno-defining trait is a common language: the Old Russian lexeme *языкъ* meant both "ethnos" and "language". Usually a common language is, according to O. N. Trubachev, the result of convergence of many originally different dialects. The search for the probable time of the Common Slavic language origin has been accomplished under the following assumption: the factor consolidating dialects into the Common Slavic language ("Slavic Koine") were kinds of economic activities that spanned a number of tribal groups, including the group of speakers of the actual Proto-Slavic dialect that initiated these activities.

The type of this production can be tried to determine by the ancient original Slavic industrial terms. Then, assuming the possibility of migrations of Proto-Slavs from the territory where the Common Slavic language was formed, to the territory inhabited by foreign-speaking tribes, we have searched for the names of local flora and fauna borrowed in Slavic languages, as well as foreign-speaking place names; in the languages of ethnic groups currently living in the territory of the formation of the Common Slavic language, we must, accordingly, find traces of Slavic names of local flora and fauna, as well as toponyms, Slavic by origin.

Results and discussion. Examining Slavic vocabulary, we have found there: a) Common Slavic names of copper, lead and silver, i. e. metals that have been simultaneously found in Old Europe exclusively in the Balkan-Carpathian metallurgical province of the 4th millennium BC; b) the original Slavic terms related to mining and metallurgy; c) the original Slavic names of crops and a number of other plants native to the Eastern Mediterranean and neighboring areas, as well as the names of the agricultural inventory; d) Finno-Ugric borrowings of the names of Northern European fish and Finno-Ugric place names in the absence of German borrowings. In the languages of peoples living in the Eastern Mediterranean one can find zoonyms, phytonyms and place names with unclear etymology, which, upon closer examination, can be explained as borrowings from dialects of the Proto-Slavic language.

Conclusion. The totality of the observed lexical data leads to the conclusion that the ancestral home of Slavs was localized in the Eastern Mediterranean. This data does not correspond to any of other Indo-European (IE) languages other than the Baltic languages,

which suggests, in particular, that only Proto-Slavs and Proto-Balts were directly related to the Balkan-Carpathian Metallurgical Province of the 4th millennium BC and that the languages of the respective groups were being formed in the Balkans and the Eastern Mediterranean at that very time.

Keywords: ethnogenesis, Slavs, Illyrians, Balts, Thracians, Germans, homeland, mining vocabulary, copper, lead, silver, crops, etymology, original terms, borrowed terms.

For citation: Telezhko G. M. To the Use of Etymological Methods in the Research of the Origin of Slavs. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 103–124. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-103-124

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 28.07.2020; adopted after review 01.09.2020; published online 25.02.2021

К применению этимологических методов в исследованиях происхождения славян

Г. М. Тележко✉

Индивидуальный предприниматель

✉yurate@bk.ru

Введение. Данная статья написана в развитие темы приложения лингвистических методов к историческим исследованиям, более конкретно: к исследованиям обстоятельств возникновения славянского этноса. Эти обстоятельства до настоящего времени не прояснены в той степени, которая не вызывала бы столкновений мнений, вплоть до противоположных. В частности, диапазон предположительных дат появления общеславянского языка разнится от 3-го тысячелетия до н. э. до середины 1-го тысячелетия н. э. В статье описана попытка сужения этого диапазона.

Методология и источники. Основным этноопределяющим признаком выбран общий язык: в древнерусском лексема *языкъ* означала и «народ», и «язык». Обычно общий язык, по О. Н. Трубачеву, является результатом конвергенции многих изначально различных диалектов. Поиск вероятного временного диапазона возникновения общеславянского языка был произведен при следующем допущении: фактором, консолидирующим диалекты в общеславянский язык («славянское койне»), являлись виды хозяйственной деятельности, охватывавшие некоторое множество племенных групп, включающее группу носителей собственно протославянского диалекта, которая инициировала эту деятельность.

Виды такой деятельности можно попытаться определить по древнейшим исконно славянским промышленным терминам. Далее, предполагая возможность миграций протославян с территории, где формировался общеславянский язык, на территорию, населенную иноязычными племенами, мы произвели поиск заимствованных в славянские языки названий местной флоры и фауны, а также иноязычных топонимов; в языках этносов, живущих в настоящее время на территории формирования общеславянского языка, мы, соответственно, должны найти следы славянских названий местной флоры и фауны, а также славянских по происхождению топонимов.

Результаты и обсуждение. В результате изучения славянской лексики в ней обнаружены: а) общеславянские названия меди, свинца и серебра, т. е. металлов, одновременно встречающихся в Древней Европе исключительно на территории Балкано-Карпатской металлургической провинции 4-го тысячелетия до н. э.; б) исконно славянские по происхождению термины, относящиеся к горному делу и металлургии; в) исконно славянские названия сельскохозяйственных культур и ряда других расте-

ний с родиной в Восточном Средиземноморье и прилегающих территориях, а также названия сельхозинвентаря; г) финно-угорские заимствования названий североевропейских рыб и финно-угорские топонимы при отсутствии германских заимствований. В языках народов, живущих в Восточном Средиземноморье, обнаруживаются зоонимы, фитонимы и топонимы с неясной конечной этимологией, которые при внимательном рассмотрении могут быть объяснены как заимствования из диалектов протославянского языка.

Заключение. Совокупность приведенных лексических данных позволяет сделать вывод о локализации прародины славян в Восточном Средиземноморье. Этим данным не соответствует ни один из прочих индоевропейских языков, кроме балтийских. Это позволяет предполагать, в частности, что только протославяне и протобалты имели прямое отношение к Балкано-Карпатской металлургической провинции 4-го тысячелетия до н. э. и что языки соответствующих групп складывались на Балканах и в Восточном Средиземноморье именно в это время.

Ключевые слова: этногенез, славяне, иллирийцы, балты, фракийцы, германцы, родина, горнорудная терминология, медь, свинец, серебро, сельскохозяйственные культуры, этимология, оригинальные термины, заимствованные термины.

Для цитирования: Тележко Г. М. К применению этимологических методов в исследованиях происхождения славян // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 103–124. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-103-124

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 28.07.2020; принята после рецензирования 01.09.2020; опубликована онлайн 25.02.2021

Introduction. Despite the variety of articles and monographies (to see that one could look through a comprehensive review done by V. V. Sedov [1, p. 7–48]) about linguistical ethnogenesis of Slavs, i. e. about the history of evolution of a language community called Slavic language group nowadays, there is still no common point of view either on the time of separation of the Proto-Slavic language (or Proto-Slavic dialects) from the Indo-European proto-language, or on the territory in which the Proto-Slavic language was formed (“the Slavic homeland”).

Most attempts to solve the problem of linguistic ethnogenesis of Slavs or, according to O. N. Trubachev, “the problem of reconstructing the ethnic history, ancient culture of the ancestors of Slavs with the help of linguistic reconstruction” [2, p. 10], can be divided into three groups. These are Eastern European, Vistula-Oder and Danube theories. Presence of Slavs on each of the mentioned areas (Eastern Europe; the area between Vistula and Oder; the Danube river region) is the basic argument in favor of each of the three theories.

A part of the previous paper [3, p. 10–12] presented a brief comparative analysis of pro and contra arguments in discussions of the said theories of the Slavic homeland, which arguments still lead to no definite solution of the problem. Arguments from the fields of archaeology, history, geography, botany, genetics and linguistics have been considered.

This article is another attempt to analyze accessible relevant language data, which, to our opinion, could reduce the uncertainty of ideas about the time and territory when and where the Proto-Slavic language had been formed, discovering traces of the Slavic homeland in East Mediterranean.

Methodology and sources. The archaism of Slavic languages [4, p. 76, with reference to A. Meillet] must have resulted from relative isolation of native speakers of Proto-Slavic dialects

from native speakers of other dialects of the Indo-European (IE) language during its disintegration and, possibly, for a long time after it. Although there is also no common opinion regarding IE ancestral home, all the three theories of the Slavic homeland to a certain extent satisfy the condition of relative isolation of Proto-Slavs from the rest Indo-Europeans, were they in Anatolia, in the Northern Black Sea region or in Northern India. But whether the ancestors of Slavs lived in the same territories as nowadays or not is still in question.

Talking of the ancestors of Slavs, it makes sense to clarify first whether we mean the speakers of the Proto-Slavic dialect of the IE language or we mean the speakers of the group of dialects from which the Proto-Slavic language had been formed over time. O. N. Trubachev shares the second view on the origin of the Proto-Slavic language:

“Different approaches point out that any language is an integration, that the Slavic language type is the result of consolidation, that it is appropriate to talk about the multicomponent nature of each language and finally, the available written sources of ancient eras directly show that the further back into centuries, the greater was the number of languages, not less. ... one can often find an expression like ‘Slavic ethnolinguistic association’ ...” [5, p. 16].

“...We must proceed from the collective nature of the Indo-European or Proto-Slavic speaker, as well as the user of any other lexical fund” [5, p. 94].

The point of view of O. N. Trubachev on ethnogenesis as a process of dynamic combination of various cultural and linguistic factors seems right. It is difficult to imagine the opposite, i. e. that people in a certain territory suddenly start speaking the same language or always and invariably spoke the language of the first one who spoke it, so that his language did not experience any further influence from new interlocutors or neighboring languages.

Trying to find the territory where Proto-Slavic language could have originated we should begin with clarifying the criteria for such a territory, which work has been done recently [3, p. 13].

First, we must have in mind that consolidation of dialects into a common lingua franca should result from the objective necessity for such a consolidation. The territory of such a language should be either an area of a large-scale production process with developed trade covering several ethnic groups, or a zone of influence of an ethnos that is technologically ahead of its neighbors. In such lingua franca, traces of the terminology associated with this production or the names of artifacts of the leading ethnic group should remain.

If speakers of this lingua franca went on living in this territory never leaving it, we might expect that the descendant language(s) would have a common landscape vocabulary (including toponyms), common names of local animals (including fish, insects, etc.) and plants, cultivated ones in that number.

Of course, if for some reason speakers of this language had been forced to leave their ancestral home, then our study is going to be somewhat more complicated. But even in this case, we can hope to establish the fact of migration, or even to find its initial point.

For example, we could find some borrowings among weather and landscape terms, among the names of local animals, plants, etc., the sources of which are lexemes used in the newly neighboring languages. Such borrowings indicate the arrival of the ethnic group under study from an area where objects and phenomena with borrowed names were not known.

Similarly, we can search for toponyms, technical and economic terms, names of representatives of exotic flora and fauna not known to aliens, etc., borrowed from the suggested

lingua franca, in the languages of ethnic groups that replaced the ethnos under study at the starting point of its migration.

Third, due to the continuity of the history of the ethnos, the original craft, household, economic and social vocabulary can also tell us about earlier places of its habitation. In the language of migrants who left the ancestral home, the names of artifacts that were taken to new habitats could be preserved. First of all, this concerns the original names of ancient crops and the original names of ancient metals.

The continuity of such vocabulary is parallel to one of the migration criteria known in archeology, namely, the continuity of the artifacts themselves at the final point of the supposed migration with respect to its starting point. This parallel is heuristically useful, since ancient metallurgical provinces and the starting points of diffusion of cultivated plants are well studied.

What theory of the Slavic homeland, in the end, should we dwell on?

According to Trubachev, the modern Vistula-Oder concept more likely describes not the initial ancestral home of Slavs but their further migration from the Vistula-Oder region to the east, where the ancestral home is found by supporters of the East European theory.

This lets us consider all the above theories as not describing different candidates for the Slavic initial homeland, but homes consequently “occupied” by Proto-Slavs. Such a synthetic approach lets us, for example, explain the absence of developed terminology regarding sea and mountains in the Slavic vocabulary: such terminology is doomed to be washed out of the language over several generations since it is obviously unnecessary in the flat-swamp-lake landscape of Eastern Europe where written history for the first time captures the habitat of Slavs.

Results and discussion. Let us turn to testing the hypothesis of ancient migrations of Proto-Slavs from the Danube area using linguistic methods. We will have in mind that mining and metallurgy are examples of large-scale production providing conditions for convergence of local tribal dialects of people engaged in the work. If the Proto-Slavic language had originated in this area, including the Balkans and Carpathians, then it would have formed native terms for metals excavated in this very region, mostly, copper (Rudna Glava and Ai Bunar mines), lead and silver (Laurion mines).

Slavic terms of mining and metallurgy

It is striking that the Slavic terms for copper and lead are unique among the IE terms and seem original, and the Slavic terms for silver only have a common origin with those of Balts and Germans. Furthermore, it is worth attention that Rus. names for mercury, copper, silver, tin, lead and iron do not have any IE prototypes. This is possible, for example, in case if the ancestors of Slavs lived in places where they could discover these metals by themselves being relatively isolated from other IE ethnic groups, except Balts, with whom there was a significant craft terms exchange [6, p. 48–50], and/or Germans. In most cases names of metals passed along with the metals themselves (for example, the Latin name for copper was distributed almost throughout Europe, and Slavs borrowed the names of many metals in cases they had been discovered by others).

However, there is a possibility of appearance of native names even for imported goods and materials: importers could rename the original names their own way, for example, for comfortable pronunciation or for making the names’ sense clear by means of the original names’ deformation or their translation into the importers’ own language. Analysis of corresponding

technical terminology would help us to reduce the probability of such cases in relation to mining and metallurgy: if the technical terms are original, then the names of mined metals are also most probably original.

To a large extent, mining in Slavic languages has been using original Slavic terms:

- Rus. *копи* “a mine” is a cognate word with the original Rus. *копаю* “I dig”;
- Rus. *крепь* “a construction to prevent rock collapse in mines” is a cognate word with the original Rus. *креплю* “I strengthen”;
- East Slav. *руда* “ore; blood” is considered as a term of Slavic origin, cognate with several IE lexemes meaning reddish colors (see “руда” [7]);
- *лом* “a crowbar” and *лопата* “a spade” are considered as absolutely original Slavic (see “лом”, “лапа”, “лопата” in [7]).

The Rus. term *кайло* “a kind of hammer” has no definite etymology, hence it needs a more thorough etymological consideration. Some compare it with German *Keil* “wedge” < OHG *kil* “to split” [8], which, according to Vasmer, is not likely (see “кайло” in [7]). Therefore, we suggest to consider a typical Rus. word formation mode with a productive suffix -l-, e. g.:

- *стойло* “a stall” < *стоять* “to stand”;
- *хайло* “a throat” (slang) < *хаять* “to speak badly of an absent individual, to backbite”;
- *пойло* “swill, a drink of low quality” < *поить* “to water, to give one’s drink”.

Using the same word formation standard, we could produce *кайло* from Rus. *каять* “to blame, to reproach, to condemn” (cognate with OInd *cáyatē* “punishes” and Avest. *kaēnā* “punishment”) if it were not for the semantic mismatch between the notion of instrument and the notion of guilt/punishment.

However, if we recall public executions in the form of stoning at ancient times, we might suggest the gradual drift of sense “to stone” > “to punish” > “to condemn, to blame, to reproach” thus assuming that *кайло* “a kind of hammer”, *каять* with the original meaning “to stone” and *камень* “a stone” are cognates, having a common ancient root *ka-. As for semantic drift “stone” > “hammer”, compare OHG *hamar* “hammer” and ONorse *hamarr* “stone”, both with the root *ha-* < *ka-. If so, then *кайло* “a kind of hammer” can be considered as a cognate with *камень* “a stone”, i. e., as a term of Slavic origin.

These and similar terms had been saved through centuries, because the work with minerals (search and mining) went on no matter whether migrations took place or not.

ORus. terms from the vocabulary of metallurgists and blacksmiths are also well-known:

- ORus. *дѣмьница, домница* “a blast-furnace”, from an ancient stem *dǫ-, from which also ORus., OCS *дѣмж, дѣти* “to blow”;
- ORus. blacksmith craft terms (*гѣрнь* “a furnace”, *молоть* “a hammer”, *ковати* “to forge”, *кузнь* “a forge”).

An IE form *kou- (referring to Starostin, *kowə-) acquired the meaning “to forge” in no languages except Slavic: the stem means “to kill” in Tocharian and Iranian languages, “to beat”, “to chop” in German ones; while the meaning “to forge” [9, p. 725], (see “*kowə-” in [10]) developed in Slavic languages only. Proto-Slavic *kuzнь “forged products” is obviously an original Slavic form from the stem *ku- in *kuti “to forge” by a typical scheme with the formant -zn- [zn], as in Rus. *жизнь* < *жить*, *боязнь* < *боять(ся)*, *болезнь* < *болеть*.

We are not considering here ancient terms, related rather to pottery than to blacksmith craft, for example, *pekt’b [9, c. 713], as irrelevant.

Some other ancient and original metallurgical terms, such as Proto-Slavic dialectal **ěstěja* “устье печи” (reconstruction by O. N. Trubachev using related Slovenian dialectal *vesteje* and *istěje*, *jistje*; OCzech *niesteje*, *nístěj*, Czech dialectal *nístěj*, Slovak *nistej*, Upper Lusatian *něśc*, Lower Lusatian *jěśca*, *jěśce*, *jěścija*, *jěścije*) [11, p. 145], **kladivo* “hammer”, **vygnь* “forge” are worth mentioning about, because they had been saved in the area where we are searching for the ancestral home of Slavs: in Slavic languages of the Middle and South Danube [5, p. 89]. Traces of **vygnь* are saved in Serbo-Croatian *виџањ*, Macedonian *виџна*, Slovenian *vigenj*, Moddle Bulgarian *выгнии* “a forge”, in Slovak *vyhňa* and Czech *vyheň*, but not in Polish and East Slavic languages.

The first lexeme **ěstěja* was directly derived by Trubachev from an IE stem **ēd-* meaning “to eat” [9, p. 698]; the lexeme **kladivo* is obviously derived from Proto-Slavic **klad-ti*, and the lexemes meaning “a forge” < **vygnь* are related to ORus., OCS *огнь*, Bulgarian *огън*, Czech, Slovak *oheň*.

There is little doubt that the above Slavic mining and blacksmith terms are original. Besides original blacksmith terms there are also several late borrowings in Slavic languages, mostly names of the blacksmith inventory [9, p. 700], but they do not damage the originality of the most ancient Slavic craft terms reviewed above. This makes sure that Slavic unique names for copper and lead are also original, i. e. they are not result of adaptation of any foreign original names.

Now we should focus on the etymological sources of Slavic names of copper, lead and silver (as there is no consensus on the origin of these names in literature) which were mined in the vicinity of Danube in ancient times. We will omit the etymological study of the name *железо* “iron” since O. N. Trubachev has persuasively written about the Slavic origin of this name [5, p. 124–129].

As we can see in the Table, all Slavic names for copper, lead and silver have been derived from corresponding common stems (except later names of lead in Rus., Ukr., Blr. and Slovenian, which replaced ORus./OCS *олово*), i. e. each of these names has a common Proto-Slavic origin, which points on their antiquity, preceding the Proto-Slavic language disintegration.

Slavic names of copper, lead and silver

State	copper	lead	silver
Russian	<i>медь</i>	<i>свинец</i>	<i>серебро</i>
Ukrainian	<i>мідь</i>	<i>свинець</i>	<i>серебро, срібло</i>
Belorussian	<i>медзь</i>	<i>свінец</i>	<i>серабро, срэбра</i>
Old Russian	<i>мѣдь</i>	<i>олово</i>	<i>сьребро > серебро</i>
Old Church Slavic	<i>мѣдь</i>	<i>олово</i>	<i>сьребро, съребро</i>
Bulgarian	<i>мед</i>	<i>олово</i>	<i>сребро</i>
Serbian	<i>мјед</i>	<i>о̀лово</i>	<i>срѣбро</i>
Slovenian	<i>mê d</i>	<i>svînc</i>	<i>srebrô</i>
Czech	<i>měď</i>	<i>olovo</i>	<i>stříbro</i>
Slovak	<i>med'</i>	<i>olovo</i>	<i>striebro</i>
Polish	<i>miedz</i>	<i>ołow</i>	<i>srebro</i>
Upper Lusatian	<i>mjedź</i>	<i>woloj</i>	<i>slěbro</i>
Lower Lusatian	<i>měź</i> 'brass'	<i>woloj</i>	<i>slobro, slabro</i>

Медь “copper”

For the Proto-Slavic name of copper, we will offer the reconstruction **МЕАДЬ* [mjɛdъ] “something flexible”, which is related to OCS *МАТИ* “to knead”. The morphological relation between **МЕАДЬ* and *МАТИ* is similar to that between *ЖУДЬ* “something terrible” and Lith. *žūti* “to perish” (see “жуда” in [7]) assuming OCS cognate **ЖОУТИ* “to perish”.

The semantics of **МЕАДЬ* “something flexible” reflexes the significant for the ancient people difference between free copper and stones: when struck by a solid object copper deforms, not breaks. This feature can be clearly seen in an ORus. term *КОВЬ* “copper” which is related to *КОВАТИ* “to forge” [12, p. 127], i. e. copper is a malleable, deformable material. Compare the old name for silver in Finnish, *hopea*, which is related to words meaning “soft”, “flexible” [13, p. 82].

In ORus., according to the common rule, the prototype **МЕАДЬ* should give **МЯДЬ*, but not *МЪДЬ*, after the reduction of nasals. But there is a quite archaic example of the similar exceptional correspondence, which almost completely matches with the case we reviewed above, compare:

- ORus. *ТЬДЬ* “food” и *ЬАДЬ* “food” < *ЬАТИ* “to take”;
- ORus. *МЪДЬ* “copper” и **МЕАДЬ* “copper” < **МЕАТИ* “to knead”.

It is known that Baltic names of copper are not related to Slavic ones: Lith. *varis*, Lett. *varš*, which originate from the stem with the meaning “to boil” [6, p. 48–50]. This is the only discrepancy between Baltic and Slavic metal names, and it definitely shows the difference in the circumstances under which these ethnic groups first became acquainted with copper: Proto-Slavs discovered the softness of free copper, and Proto-Balts smelted copper from ore.

O. N. Trubachev also mentions the difference between Slavic and Baltic blacksmith terms (with the exception of OCS *вѣтръ* and OPrus. *wutris* “blacksmith”) [9, p. 725]. These oddities can be explained by the historical division of labor in the Balkan-Carpathian metallurgical province (ore mining vs. product manufacturing: copper was smelted and copper products were produced far away from the mines where copper ore was mined) [14, pp. 138–139]. This provides us with one more argument in favor of location of Slavic homeland somewhere in between Balkans and Carpathians where Proto-Slavs could contact with Proto-Balts.

We should also mention that the Proto-Slavic stem **kow-/ku-* of the Novgorod dialectal copper name can be seen in Hittite *kuwanna* and Luwian *kuwanzu* “copper”. This could indicate that these peoples only were involved in metalworking, not in smelting of copper ore. The trace of this stem had also preserved in Ancient Greek *κванός* “copper azure (glass stained with copper oxide acquires blue color), blue-black (the color of copper oxide)”; with unclear etymology [15]. This could be attributed to the influence of language of a group advanced in metallurgy on languages of neighbors – Balkan-Carpathian province left Anatolia behind in production of copper [16, p. 62].

Серебро “silver”

Proto-Slavic **сьrebro* “silver”, among other ideas (e. g. [13], “серебро” in [7], etc.), can be compared to Persian *sorb* < Middle Persian *srub*, Tajik *сyрб*, Kurdish *sirb* (all meaning “lead”), the further etymology being not given (see *سرب* in [8]).

We can suppose the following story of Iranian lead names, related to the Proto-Slavic silver name (we exclude the idea that ancient Iranians did not differ silver and lead).

Lead is smelted in the process of thermal decomposition of galena, lead sulfide, in which process sulfur dioxide is emitted, which has a pungent odor. Moreover, since galena is a silver-

containing ore, silver was a by-product of lead smelting. Sulfur in a free state, as well as the pungent smell of burning sulfur and the disgusting smell of hydrogen sulfide, has been known since ancient times. Because of this, there are etymological hypotheses explaining both the Slavic name of sulfur and silver, and the Iranian names of lead.

Due to the disgusting smell of sulfur compounds, we can logically assume that ORus. *сѣра* is related to Slavic **сѣрати* “to defecate, to shit” with the alternation *ѣ ~ ъ*, just as *дѣра* “hole” ~ *дѣрати* “to tear”, *жѣртва* “sacrifice” ~ *жѣрати* “to eat, to devour”. Hence the possibility of a suffixal derivative **сѣроба* “rubbish, shit” (like *хвороба* “illness, ailment” from **хворѣ* “ill” and *зѣлоба* from *зѣлъ* “evil”), from which the Iranian lead name and ORus. *сѣребро* “silver” were derived (as *добро* “goods” – from *доба* “a (suitable) time” (see “добрый” in [7]). Harper gives an OCS analog without the suffix *-r-* (*s(u)rebo*) (see “silver” in [17]), also one can find the spelling *сребо* “silver” in Bulgarian texts. Trubachev writes differently about *серебро* [13, p. 76–82], but his etymological variants do not explain the connection between Iranian lead names and Slavic silver names.

German names for silver are probably connected with sulfur name independently: compare Sanskrit *śulbāri*, OLat. *sulphur* “sulfur” with OE *seolfor*, Mercian *sylfur* “silver; money”, OSax. *silvbar*, OFris. *selover*, ONorse *silfr*, OHG *silabar*, Goth. *silubr* “silver” (see “silver” in [17]). These lexemes can be derived from a hypothetical AGr. **ἔωλοφορός* “malodorous”, literary – “stench-carrying”, with the specific correspondence of Latin and German [s] to heavy Greek aspiration (compare **ἔωλοφορός* with OE *seolfor* phonetically). Hence, we argue that the source of German names for silver differs from that of Slavic names, despite similarity of semantics and pronunciation.

Свинец “lead”, *олово* “tin”

Lead artifacts witness about lead metallurgy, since lead in its pure form is rare in nature. The earliest items made of lead (beads and pendants) had been found in Çatal Höyük (the 6th millennium BC [18, p. 17]). It can therefore be assumed that the most ancient name of lead was born somewhere in the south of Asia Minor. We do not know which language: Hatti, Sumerian or any of Semitic languages, gave a name to lead first.

People started smelting lead no later than 4th millennium BC on the Aegean islands: many lead products had been made in the 3rd millennium on Crete. From the beginning of the 3rd millennium BC lead products became known also in Ancient Egypt [18, p. 17–18]. Trade contacts of Cretans reached Spain at that time; Cretan lead products found in Spain witness this. [19, p. 60].

Lead weights for scales based on the Minoan unit of weight which were being found throughout the Aegean region indicate that the entire Aegean region in the Minoan era was embraced by unified trade relations, a heritage of the Cycladic culture of the 3rd millennium BC [18, p. 17–19]. Given the presence of Cretan artifacts in Spain, we can talk with certainty not only about developed metallurgy in the Aegean region, but also about developed shipping.

Such diffusion of lead products in the 4th–3rd millennia BC should have been accompanied by the spread of the original name of lead, born in the language of its manufacturers.

In most of Slavic languages the stem *(w)olow- was used for naming lead. The etymology of *олово* “lead”, for semantic reasons, is derived the following way: it is the prefixal derivative from the stem **low-*, whose cognate is *лить* “pour”, due to the fusibility of lead (heated in flame of a fire, it melts and flows or can be poured). The scheme of formation is typical: Rus. *олово* <

лить, like *омовение* < *мыть*, the morphemic structure of *о-лов-о* coincides with that of Rus. *о-ков-а*, *о-снов-а*.

Related to old *пловкий* “fusible”, *лой* “fat”, hydronym *Ловать/Ловоть*, *оловина* – “brew, beer, mead; in dialects – sediment; brew, beer or kvass leftovers” [20] – i. e., liquid which is poured or its leftover remaining after pouring off.

Contrary to Vasmer (see “олово” in [7]), Slavic **(w)olow-* “lead” is not related to OHG *ëlo* “yellow”, Lat. *albus* “white”, Greek *άλφός* “white lichen”, since the color of lead no way can be considered as white or yellow.

Mikkola supposed (with doubts of Vasmer (see “олово” in [7])) that the Slavic term had been borrowed from the same Mediterranean source as Rhodes *βόλιμος* “lead” and Lat. *plumbum* “lead” (Vasmer agrees that the Greek and the Latin terms have the same origin). We believe that the direction of borrowing was the following: Proto-Slavic **(w)olow-* > Rhodes *βόλιμος*, with phonetic changes [w] > [m] and [w] > [b] similar to those in Akkadian dialects in the 2d millennium BC [21, p. 125].

The close relation of Slavic and Baltic lead names with the IE stem **IVw* with the meaning of fluidity (and the absence in other languages of any names close to them) obviously result from noticeable isolation of Proto-Balts and Proto-Slavs from other IE dialects speakers in the era when smelting of lead from ores began.

The applying of related terms both to lead and tin in Slavic languages can only be explained by the fact that both metals are fusible (and we should remind that lead is by no means *albus* “white”).

In some Slavic languages relatively late names for lead have appeared: Rus. *свинец*, Ukr. *свинець*, Blr. *свінец*, ORus., Church Slavic *свиньць*, Slovenian *svínec*. Rus. *свинец* is more likely related to Rus. *свин* “male pig, boar”, i. e. *свинец* is “dirty, pig metal”, compare the semantical parallel: *чушка* “ingot” from *чушка* “piglet”, also mind *pig iron*.

The way of word formation is typical for ORus. and OCS: *свинь* > *свиньць* like *конь* > *коньць*, *образь* > *образць*. Modern East Slavic lead names were evidently applied to differ it from tin. Tin also was considered as “white lead”, and lead was considered as “black lead”, both metals being similarly opposed to each other in some Altai languages and in Latin.

Modern Baltic names for lead are Rus. borrowings and thus cannot be the sources for the original Eastern Mediterranean names for lead.

So, we made sure that:

– there were metallurgy centers mining and smelting copper, lead and silver in the Balkan-Carpathian region at ancient times (from the 4th millenium BC); the region was in relative isolation from Near East and Africa;

– Slavic languages have original mining and metallurgical terminology having original names for copper, lead and, probably, for silver as well, the names differing substantially from those in other IE languages, with a few exceptions (e. g., names for silver in Baltic and German languages);

– thus, we have reason to believe that Slavic names for at least copper and lead, which were mined in ancient times in this region, have Slavic origin.

This suggests that the ancestors of Slavs during the development of metallurgy in the Balkan-Carpathian region had a direct relationship to this development, i. e., they obviously lived there in the 5th–3rd millennia BC.

Even if the Slavic etymology of silver is left in doubt, the hypothesis about the origin of Slavic, Baltic and German names for silver from some of the Southwest Asian sources, as well as the hypothesis about the origin of Slavic and Baltic names of iron from the Hittite language [18, p. 99] yet do not contradict the idea about formation of the Proto-Slavic language in Southern Europe, not in the North-East.

The mere fact that locals were acquainted with local resources was not enough for all of them to call these resources the same way. The important thing is that mining industry, metallurgy, blacksmithing and trade formed an industrial complex with extensive cooperation of many people from different local tribes involved in the production process who initially might have spoken different languages or different dialects of the same language. This cooperation had created the need for the language consolidation which O. N. Trubachev mentioned [5, p. 16] and which led to the formation of the Slavic language type.

Slavic names for crops and agricultural tools

If the Proto-Slavic language was being formed at the end of Chalcolithic period in the Eastern Mediterranean, Slavs should have common names for crops native to this region and names of agricultural tools from the Chalcolithic and Bronze Age.

It is utterly true for Rus. names of the following plants:

– *ячмень* “barley”, *пшеница* “wheat”, *просо* “millet”, *жито* “grain, cereals”, often – “rye”, *горох* “pea” are original Slavic, they have no analogues in other Indo-European languages; wherein *жито*, *пшено* “groats of millet” и *пшеница* are ranked as late derivatives from lexemes with the meanings “to live” and “shove” respectively;

– *рожь* “rye” is original Slavic, having related words in Baltic and German languages.

In spite of this, it is believed by many scholars that the bulk of common Slavic agricultural terminology are either latest derivatives or assimilated from other languages. [22, p. 113].

We must also emphasize that in case a Slavic name has no IE analogues, it is regarded, at least, in half the cases, as a new derivative. If a Slavic name has a number of IE analogues, it is considered as a borrowing from an unknown language; finally, the only name, *лук* “onion”, is regarded as a German borrowing with indefinite further etymology.

“Of course, the accumulation of agricultural terminology in the Slavic language has been going on for a long time. In any case, it is quite obvious that the speakers of the common Slavic language at the middle stage of its development were well acquainted with agriculture and already had a significant supply of relevant vocabulary that has been preserved in Slavic languages to the present. This can be said not only about the names of cultivated plants, but also about the names of agricultural tools, various types of agricultural labor and agricultural products. General Slavic agricultural vocabulary as a whole is very different from the corresponding vocabulary of other Indo-European languages, representing a peculiar and unique complex” [22, p. 114].

Reading the material of the latter quotation, we can see a contradiction.

On the one hand, the so-called “historical-cultural restrictions” imply a relatively late appearance of Slavs in historical arena, and it is obvious, that the acquiring by people of a production technology new to them but known to the neighboring peoples would have to be accompanied by borrowing the names of tools and objects of processing.

On the other hand, only Slavs had formed a “peculiar and unique complex” of agricultural vocabulary that differs from IE vocabulary, despite the influence of allegedly more advanced tribal IE groups.

To solve this contradiction, we offer a more careful etymological analysis of several agricultural names which are considered borrowed [23]. It should be here noted that crops with original Slavic names had been discovered in the Middle East and spread quickly to the Eastern Mediterranean. These are barley and wheat, the oldest crops, as well as millet, widely known from the 3rd millennium BC, including Europe and North Africa. Cultivated peas also spread throughout Europe from the eastern Mediterranean.

We will examine in more detail Slavic names for onion (used in food long before Christian era in Iran, China and Mediterranean countries), carrot (carrot seeds have been discovered by archeologists during excavations among all the Mediterranean coast (including North Africa) and mint (kinds of mint originate from the Middle Asia, and also from the Mediterranean).

In our etymological studies, we will be guided by the following rule: a word has the most probable source in that language group where it is common and has the most meaningful motivation.

Лук “onion”

The onion name is common in Slavic: Rus. *лук*, OCS *лоукъ*, Bulgarian *лѹк*, Serbo-Croatian *луќ*, Slovenian *lùk*, Czech *luk*, Polish *luk*.

According to Vasmer, (see «лук» in [7]) it is borrowed from German **lauka-*. If we search for the meaning of the last one in the article “Reconstruction:Proto-Germanic/laukaz” [8]: “the etymology is unknown. Finally, possibly, from Proto-IE **lewǵ-* ‘to bend’”. We can find in [10] two similar IE prototypes with the meaning “to bend” by S. A. Starostin: **lug-* and **lenk^(w)-*. From the second one, Slavic cognate words meaning “bow” and ‘to bend’ can be derived.

Lexemes *лук* “bow” and *лук* “onion” are considered in Rus. as accidentally coinciding in the final pronunciation homonyms, in spite of corresponding meanings of IE prototypes. Should we consider this conclusion as the final? If we have in mind that the plant could be named this way because of the similarity of its growing pedicels to arrows (they are still called this way in Rus.: *стрелы* “arrows”), the common Slavic lexeme **lǫkь / *lękь* (compare OCS *лѹкъ* and Polish *lęk*) which contains nasal vowel *ǫ / ę* in its stem and means “bow” could be considered as the prototype of this plant name. In this case, this onion name was borrowed by Germans, and this can explain the absence of deeper etymology in German.

The Polish form *luk* “onion” devoid of nasal vowels probably appeared as a result of latest borrowing from German (that means the opposite direction of borrowing), or from some other Slavic language after the reduction of nasals. Compare also Lett. *luõks* “onion” (borrowed from Rus.) and *lùoks* “bend, arc” (related to *лѹкъ* “bow”), both without nasal sounds.

The IE name of onion **kermus-* / **kremus-* [10], [8] is not related to German, Slavic and Baltic names, the same is true for Latin and Persian names for onion.

Морковь “carrot”

Compare Slavic analogues of *морковь* “carrot” with Slavic analogues of *меркнуть* “darkle, fade”, *мазать* “mackle, stain”:

- Bulgarian *мóрков* – *мрѣква* “getting dark”;
- Serbo-Croatian *мрѣква* – *мрѣнути* “to fade”;

- Slovenian *mrkav* – *mrkniti* “to fade”;
- Czech *mrkev* – OCzech *mrknúti*, Czech *smrknouti* “to get dark, to blink”;
- Polish *marchew* – Polish *marać* “to make dirty”;
- Upper Lusatian *morchej*, Lower Lusatian *marchwey* – Upper Lusatian *marać*, *mórać* “to smutch”.

The semantical relation between *морковь* and *маркуй* (less often – archaic *марковатый*, article “марать” in [20, p. 897–898]) is evident: initially carrot tubers were dark violet and stained everything touching them. According to absence of cognates in Scandinavian, it is more likely, that there was no common German lexeme meaning “carrot”. In this case, OE *more*, OHG *mor(a)ha* “a root of a plant or a tree”, OSax. *moraha* “carrot” (see “more” in [8]) are Slavic borrowings.

Lat. *carōta* (> Eng. *carrot*) is thought to have derived from AGr. *κάρωτόν* “carrot”, further the connection with IE **ker-* “horn” [8] is supposed, allegedly because of the similarity of carrot tubers with horns. These names are not related with the history of Slavic carrot names.

Мята “mint”

Мята “mint” is a common Slavic suffixal derivative with the suffix *-t-*, as in *пята* “heel” ~ OCS *пѣти* “stretch; kick”, *сито* “sieve” ~ OCS *сѣти* “sow; sieve”. Contrary to Vasmer, it was not derived from Lat. *mentha* (see “мята” in [7]), but is related to OCS *мѣти* “to crumple” (a crumpled mint leaf has a strong smell) with a related lexeme *minti* “trample” in Lithuanian. By the by, the Latin lexeme with [en] should be regarded as originating from a prototype with a nasal vowel in its stem [24, p. 114–122], not vice versa.

Ancient mythology confirms the sense of “crumpled, trampled”: there was allegedly a nymph named *Μίνθη* in the Underground Kingdom; Hades left her having fallen in love with Persephone (Lat. Proserpina); *Μίνθη* could not stop complaining and swearing her rival, for which she was trampled by her mother Demeter; then garden mint grew on this place. Harper considers that name of the nymph could be borrowed from a lost Mediterranean language (see “mint (n.1)” in [17]). We argue that her name could be either of Proto-Slavic or Proto-Baltic origin.

All of the considered here and in [3] plant names have clear semantics in the Common Slavic language: *лук* “a plant with arrows” (cognate with OCS *лъкъ* “bow”, Lett. *lùoks* “arch”), *морковь* “something that makes dirty” (cognate with *марковатый* “making dirty”), *пена* “dug out” (cognate with *пунати* “dig”), *горох* “reaching up” (Eng. up = ORus. *горé*, cognate with *гора* “mountain”), *мята* “crumpled, trampled” (cognate with *мѣти* “to crumple”), *резеда* “having sharp odor” (cognate with *рѣзати* “cut”, **рѣзькъ* “sharp”).

Here are several words denoting agricultural inventory without a detailed review: the terms *соха* “a predecessor of plough”, *лопата* “spade”, *вилы*, *гумно* and many others are original Slavic.

It is difficult to consider as an accident the correspondence of the Mediterranean homeland of plants and the possibility of the Slavic etymology of the names of these plants, by virtue of a noticeable number of such coincidences. But in general, the uniqueness of the complex of Slavic agricultural terms mentioned by F. P. Filin in [22] can be explained by isolation of Proto-Slavs in the Eastern Mediterranean, including the Balkans.

Agricultural terms, unlike the names of exotic animals, fish, and many watercraft details discussed in previous works, could be preserved in the language even after migration to the north,

since the seeds and agricultural inventory could and should be taken by migrants to provide themselves with food in a new place, which cannot be said of large vessels and southern fish.

Let us recall now that not only traces of previous habitats in the researched ethnic group vocabulary can say us about their linguistical ancestral home, but also traces of borrowings from this ethnic group vocabulary to the languages of ethnic groups that replaced the researched one on the territory that used to be its habitat. This way, for example, there are Baltic fish names (salmon and eel) [25, p. 198] discovered in Baltic-Finnish vocabulary, which have been borrowed from Baltic languages. These borrowings suggest that Finns pressed out Balts near to the Baltic Sea (not vice versa) with perception of unknown fish names from Balts.

Similarly, in the search for the area of formation of the Proto-Slavic language we will be helped also by terms with an unclear etymology in the languages of the peoples now living in this area that could be etymologized as borrowings from the language of Proto-Slavic predecessors.

Finding such terms would allow Proto-Slavs to be regarded as more ancient inhabitants of this mysterious zone, while the ethnic groups now living on it were newcomers from other areas who perceived part of the culture of ancient Slavs. These terms inevitably become forgotten by emigrants if the corresponding phenomena are not found in new habitats. But at later contacts with the new population of places previously abandoned by Proto-Slavs, some of these terms could return to their language (or descendant languages) through a sequence of borrowings, the terms being distorted by phonetics of the newcomers.

Surprisingly, among these terms there are:

– names of African endemics: *жираф* “giraffe” and *зебра* “zebra” and, probably, *бегемот* “hippopotamus”; also, *страус* “ostrich”; although ostrich is not an African endemic, it is not found anywhere in Europe [26];

– names of some Mediterranean fish: *тунец* “tuna”, *макрель* “mackerel”, *скорпена* “scorpion fish”, *акула* “shark” [27];

– Mediterranean and Balkan toponyms and hydronyms: *Лесбос* “Lesbos”, *Кипр* “Cyprus”, *Ядран* “Adriatic Sea”, *Рено* “Reno”, *Триест* “Trieste”, *Болонья* “Bologna” etc. [28].

All these names officially have unclear final etymologies, but upon careful consideration, they are lexemes with Slavic etymology which have phonetically distorted in acts of borrowing.

We can add that names of some African animals known beyond Africa have preserved in Russian without distortion:

– *вельблждь* “camel”, literally – “walking much”;

– *обозиѡна* < *обозѡна* “monkey”, literally – “ugly face”, from *обозь* “image, smth. similar to the original” (see «*обозиѡна*» and «*обозь*» in [29, p. 32]) – compare Lat. semantic parallel / calque *simia* “monkey” ~ *similis* “similar”;

– *слонъ* “elephant”.

And only the memory of African endemics had been erased over time in the source language, so that their names had to be borrowed by Slavs from the receiver languages.

Baltic-Thracian relations

Since the ancestors of Balts were neighbors of the ancestors of Slavs in the area of Balkan-Carpathian metallurgical province, one should expect not only the connections of the Pre-Slavic vocabulary with the vocabulary of the languages of southern Europe, but also the connections of Proto-Baltic vocabulary with the vocabulary of the southern neighbors of the Baltic ancestors.

O. N. Trubachev noted the connection of the Baltic onomastics with ancient onomastics of the Balkans. For comparison, he offered:

- hydronyms Thracian *Serme* – Lith. *Sermas*;
- names Thracian *Kerses* – OPrus. *Kerse*;
- Thracian *Edessa*, name of a city, – Baltic *Vedosa*, Upper Dnieper hydronym;
- Thracian *Zaldapa* – Lith. *Zeltupe* and other;
- Thracian *Prousa*, name of a city in Bithynia – Baltic *Prus-*, ethnonym;
- *Kaunos*, a city in Caria, – Lith. *Kaunas*;
- *Priene*, a city in Caria, – Lith. *Prienai*.

Here we also should add the collections of comparisons by Ivan Duridanov [30], and also the Baltic etymology of the toponyms:

- AGr. *Θράκη*, Lat. *Thracia*, Bulgarian *Тракия* “Thrace” (compare Lith. *trakai* “glade”, and the city of *Trakai*);
- AGr. *Σπάρτη*, Lat. *Sparta* “Sparta” (compare OPrus. *spartis* “power”, *sparts* “powerful”, Lett. *spars* “power”);
- AGr. *Ἰστρος* “Ister (Danube downstream)” this IE stem was used for naming rivers only in Baltic habitat;
- a Thracian tribe *Odrisses* (compare hydronim *Odra*).

Even if these correspondences do not prove close relations between the Thracian and the Baltic languages, they are the sign of the influence of Thracian tribes upon Baltic ones in the 3rd millennium BC [5, p. 22–24]. For this reason we do not need to look for further etymology of the above southern names: for our purposes it is enough to show that Baltic names originated from Balkan sources.

Besides, Baltic stems **kal-*, **kau-* are found also in Ancient Greek vocabulary. There are many Ancient Greek names of copper and bronze objects related to the lexeme *χαλκός*, for example, *χάλκειος* “made of copper of bronze”, also “related to blacksmith craft”, *χαλκεῖον* “copper vessel”, also “forge”, *χαλκεύς* “brazier”, also “iron master, blacksmith”, a name of the blacksmith craft *χαλκεία* (see above about the connection of the meanings “copper” and “blacksmith” in German) and *χάλυψ* “steel” (V. V. Ivanov, writes about the connection between *χαλκός* and *χάλυψ*, but he consider both names derived from Hittite **hafilki* [18, p. 98] > *hapalki*).

This terminological “indifference” to the nature of the material being processed allows us to say, contrary to V. V. Ivanov, of a semantic emphasis on the possibility of processing by hammering, and not on the material.

Thus, the more relevant comparison is *χαλκός* / *καυχός* “copper” (and *χάλυψ* “steel”) with Lith. *kalti* / *kauti* “to hammer, to forge”, it gives us the possibility to suppose the ancient neighborhood of the ancestors of Balts and Ancient Greeks. Here is also *χάλιζ* “beaten (crushed) stone” of unknown origin which is evidently not related to copper or steel, however. All these lexemes differ only in extensions of the stem *χαλ-* (*καυ-*) < Baltic **kal-/kau-*. The priority of Baltic forms is evident, since the concept “to beat” is more ancient than names of metals and crushed stone [15].

It is interesting that Trubachev notes the absence of Slavs in Baltic-Thracian contacts. This absence is quite explainable if we accept the opinion about the Thracian origin of Balts: in this case, the phrase “Baltic-Thracian contacts” becomes a tautology, and the contacts themselves in the Balkans were internal affair of Balts.

Slavic-Illyrian relations

Illyrians were the western neighbors of Slavs in the 2nd millennium BC. Assuming the kinship between Thracians and Proto-Balts, we have the right to expect some kind of relations between Proto-Slavs and Illyrians. Not risking to directly associate Illyrians with the ethnogenesis of Proto-Slavs, O. N. Trubachev still talks about Illyrian-Slavic relations by which he explains the following correspondences between proper names:

– *Doksy*, a local name in Czech Republic, compare *Daksa*, an island in the Adriatic Sea, and a gloss *daksa thalassa*. “Epeirotai (Hesihius)”;

– *Дукля*, a mountain pass in the Carpathians, compare *Дукља* in Montenegro, *Doklea* (Ptolemy);

– *Licicaviki*, a name attributed to a Slavic tribal name, but explainable only as Illyrian **Liccavici*, compare Illyrian personal names *Liccavus*, *Liccavius* and a local name *Lika* in Yugoslavia [5, p. 26].

The origin of North-Eastern Italian toponyms *Bologna* and *Reno* is also of interest in the context of Illyrian-Slavic relations.

The city *Bologna* located in the north of Italy was originally called $\text{FELI}^{\text{M}}\text{NA}$ [welzna] by Etruscans (see “Felsina” in [8]). Comparing the Etruscan name *Welzna* with Lett. *velgs* “wet, wetness”, we obtain the possible Baltic semantic of the name of the city: “Wet”. The Baltic etymology of the Etruscan name is semantically plausible, since the city of *Bologna*, located between the valleys of the Reno and Savena rivers, was regularly flooded with spring floods. The name *Bologna* is naturally explainable with ORus. *болонье* “flood meadow, lowland”.

The etymology of *Reno* < ORus. *рѣнь* “shoal” organically fits here. The Reno river has only recently become navigable and only in the lower reaches, for the most part of its shallow riverbed goes through swamps of the river Po valley, hence the meaning of the name: “Shallow”.

Reuse of toponyms is also in favor of migration of Slavs from Illyrian territory to the North of Europe: *Bologna* (*Bulåggna*) > *Boulogne* (-sur-mer), *Reno* > *Ρήνος* (the ancient name of the Rhine), also *Balaton* Lake > *Baltic* Sea:

– Boulogne was subject to high tides, like Bologna was subject to spring floods;

– Rhine, just like Reno, was a flat shallow river;

– Baltic Sea, like Balaton, was semantically associated with swamps due to its muddy coastal water (compare Alb. *baltë* “mud, swamp, clay, earth”, of Illyrian origin (see “болото” in [7]), OCS *блато* [blato], also compare semantically Cimbric name of the sea, *Morimarusa*, according to Pliny the Elder, an obvious cognate of Welsh (Cymraeg) *Môr Marw* “Dead Sea”), or, probably, with white color (Lith. *báltas* “white”, related to OCS *блато* and Alb. *baltë* “swamp”), so there should be no semantic objections.

There is a somewhat less impressive resemblance of Venetic *Τερυέστε*, related to native Slavic **Тържиште* (compare Serbian *тржиште*), literally – “a market place” (Adriatic, North East of Italy, now Trieste) and Rus. *Торжок* (literally – also “a market place”, “Tver region”).

See more details, in particular, about assimilation [l] > [n] in Lat. *Bononia*, in [28].

Studies of relations of Baltic and Slavic languages with Thracian and Illyrian languages, respectively, do not contradict O. N. Trubachev’s idea of language consolidation, in this case, including the Western Black Sea region. This consolidation led to the formation of the Proto-Balto-Slavic language union, the Proto-Slavic component of which later became closer to Iranian [1, p. 41] (V. V. Sedov refers here to A. I. Sobolevsky).

Finnish borrowings in Eastern Slavic and remaining Finnish toponyms

Further on, just like Finns borrowed names of some Baltic fish from Balts, Eastern Slavs borrowed names of northern fish not familiar to them from Finno-Ugric languages. D. N. Shmelev gives a list of numerous borrowed names of fish according to written sources [31, p. 192–194], in particular: *камбала* “flounder” (compare Finnish *kampala*, Yakut *kāmbala*, Kildin Saami *kāmbel*), *кореха* “smelt” (compare Karelian, Olonets *kuoreh*, Vepsian *kořeh*, Finnish *kuore*), *кумжа* “brown trout” (compare Finnish *kumsi*, Karelian **kumži*, Saami P. *kuūdža*, Kildin Saami *kuūdtša*), *палтус*, *палмас*, *палмос* “halibut” (compare Finnish *pallas*, gen. *paltaan* “flounder (river)”, Saami K. *pāldes*, gen. *pāltazi* “a kind of flounder”), *ряпушка* “vendace” (compare Vepsian *räpus*, Finnish *rääpys*, gen. *rääpyksen*, Estonian *rääbis*, *rääbus*), *харьюс* “grayling” (compare Vepsian *hard’uz*, *harjus*, Karelian *harjuš*, Finnish *harju*, *harjus*, gen. *harjuksen* “grayling”), and many others. Examples to compare with are from [7]. Finno-Ugric borrowings of the names of northern fish into Slavic languages indicate that Slavs appeared in northern Europe later than the Finno-Ugric peoples.

It is well-known also that there are many Finnish by origin toponyms (names of villages, rivers and lakes) on the territory that once belonged to Novgorod principality. These facts are natural effect of later presence of Slavs in the North-East of Europe.

We should note that among the North European borrowings of such terms to Slavic languages there are no reliable borrowings from Germanic. On the contrary, in Swedish language (the only one from the Scandinavian) one of swamp names, *träsk*, was likely borrowed from ORus, compare Swedish *träsk* and ORus. *тряськъ* “shaking, unsteady”, Rus. *трясина* “morass”. This might mean that Germans inhabited North Europe later than Slavs, which could explain an unexpectedly little number of traces of German lexis in Slavic languages, marked by Shchukin [32, p. 117].

Germanic names of horse, possibly, also indicate the latest arrival of Proto-Germanic tribes to Europe. Among European languages, belonging to the IE family, only in Germanic there are no names originating from PIE **kab-* “horse” [10] (compare AGr. *καβάλλης*, Welsh *ceffyl*, Lat. *caballus*, Lith. *kumelė*, Rus. *кобыла*).

Furthermore, only in Germanic language group there are Dutch *paard* and German *Pferd* “horse” which are usually derived from late Lat. *paraveredus* “spare horse” [17] from Greek *para* + *veredus*, from OHebr. *pered* “mule” [33]. We suppose that Dutch *paard* and German *Pferd* originated directly from related Semitic lexemes (Akkadian *perdum* “mule” [34, p. 202], OHebr. *pārā* “wild donkey” [35, p. 317], OHebr. *pered* “mule”), and that only English *palfrey* and OHG *pfarifrid* had been derived through Lat. *palafredus* / *paraveredus*.

Conclusion. The research of the linguistic ethnogenesis of Slavs has shown that the Proto-Slavic language was forming at a territory where they:

- mined from ores copper, iron, tin, lead and silver, wherein mining, blacksmithing and metallurgical terminology of Slavs is native;
- formed original agricultural vocabulary, crops of the Eastern Mediterranean and South-Western Asia having native names for them;
- had extended trade relationships, throughout sea, in that number;
- at last, but not the least, named at least two African endemics and some species of Mediterranean fauna and flora: these names had been borrowed into languages of newly coming

expansive ethnic groups and thus spread all over Europe; later many of these names were lost for Slavs, who had left Mediterranean, and finally were borrowed back into Slavic languages...

Relations of the Proto-Slavic and Proto-Baltic languages between each other and also with Paleo-Balkan languages, Ancient Greek language and languages of the Iranian group suggests that both languages, more likely, originated in the Eastern Mediterranean.

Absence of traces of a prolonged cohabitation or neighboring habitation with Germans in the language of Slavs is justified by relatively late arrival of Germans to Central and North Europe. This removes the known objection to the Vistula-Oder "intermediate ancestral home" of Slavs. The intermediateness of this and the East European ancestral home follows from the absence of the original names of some northern fish, animals and plants in Slavic languages.

This way, according to the totality of the reviewed factors, we have the right to consider as quite well-founded the Mediterranean localization of the Proto-Slavic ancestral home. It was in this area that in the process of Pre-Slavic tribes' large-scale cooperation in the 4th Millennium BC (the time of activity of Balkan-Carpathian metallurgical province) the Proto-Slavic language could have started its forming through tribal dialects interaction.

REFERENCES

1. Sedov, V.V. (1994), *Ocherki po arkhologii slavyan* [Essays on the archeology of the Slavs], IA RAN, Moscow, RUS.
2. Trubachev, O.N. (1982), "Linguistics and ethnogenesis of the Slavs. Ancient Slavs according to etymology and onomastics", *Voprosy Jazykoznanija*, no. 4, pp. 10–26.
3. Telezhko, G.M. (2020), "Ethnogenesis of the Slavs in the Eastern Mediterranean (according to linguistic data)", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, no. 3 (71), available at: <https://universum.com/ru/philology/archive/item/9087> (accessed 28.07.2020).
4. Sedov, V.V. (2002), *Slavyane. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Slavs. Historical and archaeological research], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.
5. Trubachev, O.N. (2003), *Etnogenez i kul'tura drevneishikh slavyan. Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and culture of the ancient Slavs. Linguistic research], Nauka, Moscow, RUS.
6. Otkupshchikov, Yu.V. (1989), "Balto-Slavic handicraft vocabulary (names of metals, metallurgy, blacksmithing)", *Slavyane: etnogenez i etnicheskaya istoriya* [Slavs: ethnogenesis and ethnic history], in Gerd, A.S. and Lebedev, G.S. (ed.), *Izd-vo LGU, Leningrad, USSR*, pp. 44–52.
7. Vasmer, M. (1986), *Russisches etymologisches Worterbuch*, Transl. by Trubachev, O.N., in Larin, B.A. (ed.), in 4 vol., 2nd ed., Progress, Moscow, USSR, available at: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (accessed 07.07.2020).
8. *Wiktionary*, available at: <https://en.wiktionary.org> (accessed 07.07.2020).
9. Trubachev, O.N. (2008), *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on etymology: Word. History. Culture], vol. 3, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, Moscow, RUS.
10. "Indo-European etymology", *The Global Lexicostatistical Database*, available at: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\ie\piet&root=config&morpho=0> (accessed 07.07.2020).
11. Shaposhnikov, A.K. (2010), "Nestinarski igri – an experience of semiotic description", *Linguistique Balkanique*, vol. XLIX, no. 1–2, pp. 143–149.
12. Vinogradov, V.V. (1978), "The main problems of studying the education and development of the Old Russian language", *Izbrannye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Selected works. History of the Russian literary language], Nauka, Moscow, USSR, pp. 65–151.

13. Trubachev, O.N. (1999), "Silver", *Indoarica v Severnom Prichernomor'e* [Indoarica in the Northern Black Sea Region], Nauka, Moscow, RUS, pp. 76–82.
14. Chernykh, E.N. (2013), *Kul'tury nomadov v megastrukture Evraziiskogo mira: v 2 t.* [Culture of nomads in the megastructure of the Eurasian world: in 2 volumes], vol. 1, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, RUS.
15. Telezhko, G.M. (2018), "The analysis of the names of copper in languages of different ethnoses", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, no. 2 (48), available at: URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5508> (accessed 07.07.2020).
16. Chernykh, E.N. (2006), "Philosophy of metal", *V mire nauki* [In the world of science], no. 7, pp. 62–65.
17. Harper, D., *Online Etymology Dictionary*, available at: <https://www.etymonline.com/> (accessed 07.07.2020).
18. Ivanov, V.V. (1983), *Istoriya slavyanskikh i balkanskikh nazvanii metallov* [History of Slavic and Balkan names of metals], Nauka, Moscow, USSR.
19. Hennig, R. (1961), *Nevedomye zemli* [Terrae Incognitae], Transl. by Vol'fson, L.F. and Persits, R.Z., vol. 1, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, USSR.
20. Dal', V.I. (1865), "Tin", *Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago yazyka. Chast' 2. I-O* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Part 2. I-O], Tipografiya A. Semena, Moscow, p. 1249.
21. Kogan, L.E. and Lezov, C.V. (2009), "Akkadian language", *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the World: Semitic Languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages], in Belova, A.G., Kogan, L.E., Lezov, S.V. and Romanova, O.I. (ed.), Academia, Moscow, RUS, pp. 113–177.
22. Filin, F.P. (1962), *Obrazovanie yazyka vostochnykh slavyan* [Creation of the language of the Eastern Slavs], Izd. AN SSSR, Moscow, Leningrad, USSR.
23. Telezhko, G.M. (2018), "Criticism of the some supposed sources for Slavic agricultural vocabulary", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, no. 1 (47), available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5445> (accessed 29.01.2020).
24. Telezhko, G.M. (2019), "On the Divergence of a Proto-Indo-European Velar Syllabic Nasal in Indo-European Languages", *DISCOURSE*, vol. 5, no. 5, pp. 114–122. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-5-114-122.
25. Napol'skikh, V.V. (2002), "Prehistory of the peoples of the Uralic language family", *Istoriya tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. T. 1. Narody stepnoi Evrazii v drevnosti* [History of the Tatars from ancient times in seven volumes. Vol. 1. Peoples of the steppe Eurasia in antiquity], in Usmanov, M. and Khakimov, R. (ed.), Rukhiyat, Kazan', RUS, pp. 195–203.
26. Telezhko, G.M. (2017), "Of etymology of names of some species of African fauna", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, no. 9 (43), available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5132> (accessed 29.01.2020).
27. Telezhko, G.M. (2018), "Criticism of the "sea fish" argument in the problem of the Slavic localization", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, no. 1 (47), available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5422> (accessed 29.01.2020).
28. Telezhko, G.M. (2018), "Analysis of names of gold in languages of different ethnoses", *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, no. 4 (50), available at: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5757> (accessed 29.01.2020).
29. Sreznevskii, I.I. (1902), *Materialy dlya slovarya drevne-russkago yazyka po pis'mennym pamyatnikam. Tom 2. L-P* [Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments. Vol. 2. L-P], Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, SPb, RUS.

30. Duridanov, I. (1976), *Ezik"t na trakite* [The language of the Thracians], Nauka i izkustvo, Sofia, Bulgaria.

31. Shmelev, D.N. (1961), "Borrowings from the Baltic Finnish languages in the old Russian written monuments", *Voprosy slavyanskogo yazykoznanija* [Questions of Slavic linguistics], iss. 5, Izd-vo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR, pp. 191–199.

32. Shchukin, M.B. (1997), "The birth of the Slavs", *Stratum: struktury i katastrofy* [Stratum: structures and catastrophes], Nestor, SPb., RUS, pp. 110–147.

33. "G", *Vocabularium Latinorvssicvm Magnvm*, available at: <http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=G> (accessed 27.01.2020).

34. Kogan, L.E. (2009), "Old Assyrian dialect", *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the World: Semitic Languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages], in Belova, A.G., Kogan, L.E., Lezov, S.V. and Romanova, O.I. (ed.), Academia, Moscow, RUS, pp. 195–204.

35. Kogan, L.E. and Lezov, S.V. (2009), "Hebrew", *Yazyki mira: Semitskie yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the World: Semitic Languages. Akkadian language. Northwest Semitic languages], in Belova, A.G., Kogan, L.E., Lezov, S.V. and Romanova, O.I. (ed.), Academia, Moscow, RUS, pp. 296–374.

Information about the author.

Georgiy M. Telezhko – Can. Sci. (Engineering) (1997), Director of IP "Georgiy Mikhailovich Telezhko", 167-8 Fontanka riv. emb., St Petersburg 190121, Russia. The author of 49 scientific publications. Areas of expertise: comparative linguistics, atmospheric physics, relativity theory. E-mail: yurate@bk.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Седов В. В. Очерки по археологии славян. М.: ИА РАН, 1994.
2. Трубачев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 10–26.
3. Тележко Г. М. Этногенез славян в Восточном Средиземноморье (по лингвистическим данным) // *Universum: филология и искусствоведение*. 2020. № 3 (71). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/9087> (дата обращения: 28.07.2020).
4. Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002.
5. Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 2003.
6. Откупщиков Ю. В. Балто-славянская ремесленная лексика (названия металлов, металлургия, кузнечное дело) // *Славяне: этногенез и этническая история: межвуз. сб.* / под ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. С. 44–52.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. О. Н. Трубачева; под ред. Б. А. Ларина. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=contents&book=vasmer> (дата обращения: 07.07.2020).
8. Wiktionary. URL: <https://en.wiktionary.org> (дата обращения: 07.07.2020).
9. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 3. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
10. Indo-European etymology // The Global Lexicostatistical Database. URL: <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/query.cgi?basename=\data\ie\piet&root=config&morpho=0> (дата обращения: 07.07.2020).

11. Шапошников А. К. Нестинарски игри – опыт семиотического описания // *Linguistique Balkanique*. 2010. Т. XLIX, № 1–2. С. 143–149.
12. Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского языка // *Избранные труды. История русского литературного языка*. М.: Наука, 1978. С. 65–151.
13. Трубачев О. Н. Серебро // *Indoarica в Северном Причерноморье*. М.: Наука, 1999. С. 76–82.
14. Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира: в 2 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2013.
15. Тележко Г. М. Анализ названий меди в языках разных этносов // *Universum: Филология и искусствоведение*. 2018. № 2 (48). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5508> (дата обращения: 07.07.2020).
16. Черных Е. Н. Философия металла // *В мире науки*. 2006. № 7. С. 62–65.
17. Harper D. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 07.07.2020).
18. Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983.
19. Хенниг Р. Неведомые земли / пер. с нем. Л. Ф. Вольфсон, Р. З. Персиц. Т. 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1961.
20. Даль В. И. Оловина // *Толковый словарь живаго великорускаго языка*. Ч. 2. И–О. М.: Типография А. Семена, 1865. С. 1249.
21. Коган Л. Е., Лезов С. В. Аккадский язык // *Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / под ред. А. Г. Беловой, Л. Е. Когана, С. В. Лезова, О. И. Романовой*. М.: Academia, 2009. С. 113–177.
22. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М., Л.: Изд. АН СССР, 1962.
23. Тележко Г. М. Критический анализ некоторых предполагаемых источников славянской сельскохозяйственной лексики // *Universum: Филология и искусствоведение*. 2018. № 1 (47). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5445> (дата обращения: 29.01.2020).
24. Telezhko G. M. On the Divergence of a Proto-Indo-European Velar Syllabic Nasal in Indo-European Languages // *DISCOURSE*. 2019. Vol. 5, № 5. P. 114–122. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-114-122.
25. Напольских В. В. Предыстория народов уральской языковой семьи // *История татар с древнейших времен в 7 томах*. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / под ред. М. Усманова, Р. Хакимова. Казань: Рухият, 2002. С. 195–203.
26. Тележко Г. М. К этимологии названий некоторых представителей африканской фауны // *Universum: Филология и искусствоведение*. 2017. № 9 (43). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5132> (дата обращения: 29.01.2020).
27. Тележко Г. М. Критика аргумента «морских рыб» в проблеме локализации прародины славян // *Universum: Филология и искусствоведение*. 2018. № 1 (47). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5422> (дата обращения: 29.01.2020).
28. Тележко Г. М. Анализ названий золота в языках разных этносов // *Universum: Филология и искусствоведение*. 2018. № 4 (50). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5757> (дата обращения: 29.01.2020).
29. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. 2. Л–П. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902.
30. Дуриданов И. Езикът на траките. София: Наука и изкуство, 1976.
31. Шмелев Д. Н. Заимствования из прибалтийскофинских языков в старорусских памятниках письменности // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 5. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 191–199.
32. Щукин М. Б. Рождение славян // *Стратум: структуры и катастрофы*. СПб.: Нестор, 1997. С. 110–147.

33. G // Большой латинско-русский словарь. URL: <http://linguaeterna.com/vocabula/list.php?letter=G> (дата обращения: 27.01.2020).

34. Коган Л. Е. Староассирийский диалект // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / под ред. А. Г. Беловой, Л. Е. Когана, С. В. Лезова, О. И. Романовой. М.: Academia, 2009. С. 195–204.

35. Коган Л. Е., Лезов С. В. Древнееврейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки / под ред. А. Г. Беловой, Л. Е. Когана, С. В. Лезова, О. И. Романовой. М.: Academia, 2009. С. 296–374.

Информация об авторе.

Тележко Георгий Михайлович – кандидат технических наук (1997), ИП «Георгий Михайлович Тележко», наб. р. Фонтанки, д. 167, кв. 8, Санкт-Петербург, 190121, Россия. Автор 49 научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительное языкознание, физика атмосферы, теория относительности. E-mail: yurate@bk.ru

Частотные устойчивые словосочетания в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике»: структура и вариативность

Е. С. Тихонова✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉middjungards@gmail.com

Введение. В статье анализируется структура и вариативность устойчивых словосочетаний, представленных в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике». Во введении освещаются историографические исследования данного источника и отмечается его недостаточная изученность с точки зрения исторической поэтики, чем и объясняется актуальность и научная новизна настоящего исследования.

Методология и источники. Материалом исследования служит «Старшая Ливонская Рифмованная хроника» (СРХ). Затрагиваются вопросы ее авторства и точки зрения разных ученых на роль устойчивых словосочетаний в данном произведении. Влияние куртуазного эпоса и его стилистических средств, а также В. фон Эшенбаха признается всеми исследователями, хотя и по-разному оценивается. В то же время подчеркивается письменный характер хроники.

Результаты и обсуждение. В результатах исследования рассматриваются наиболее частотные модели устойчивых словосочетаний с точки зрения их воспроизводимости, устойчивости, вариативности и структурообразующей роли в тексте. Учитывается положение, занимаемое устойчивым словосочетанием в тексте и в строке, его конечная рифма, лексическое наполнение каждой реализации модели, а сами модели описываются как логико-синтаксические схемы. Представленные модели проиллюстрированы 32 примерами.

Обсуждение посвящено обобщению исследования и подведению итогов. Делается вывод о том, что, с одной стороны, проанализированные модели репрезентированы достаточным количеством примеров, чтобы говорить об их регулярной воспроизводимости. С другой стороны, многие устойчивые словосочетания используются исключительно для рифмы или для заполнения строки. Отмечается значительная вариативность как лексического наполнения рассматриваемых моделей, так и их структуры, а также регулярные повторы стабильных устойчивых словосочетаний в пределах небольшого отрывка текста.

Заключение. В заключении отмечается, что изучение стилистических особенностей и структуры СРХ позволяет приблизиться к пониманию ее места в литературе Немецкого ордена в частности и в литературе средневерхненемецкого периода в целом.

Ключевые слова: средневерхненемецкий, «Старшая Ливонская Рифмованная хроника», Немецкий орден, языковая стереотипия, устойчивые словосочетания, историческая поэтика.

Для цитирования: Тихонова Е. С. Частотные устойчивые словосочетания в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике»: структура и вариативность // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 125–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-125-139

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 26.10.2020; принята после рецензирования 11.12.2020; опубликована онлайн 25.02.2021

Frequent Fixed Collocations in the “Livonian Rhymed Chronicle”: Structure and Variety

Elena S. Tikhonova✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉midjungards@gmail.com

Introduction. The article considers the structure and variety of fixed collocations in the “Livonian Rhymed Chronicle”. Introduction explores historiographical researches on this source and states a lack of studies from historical poetics’ point of view.

Methodology and sources. Material for the research is the “Livonian Rhymed Chronicle”. Issues on its authorship and different opinions on the role of fixed collocations in the Chronicle are discussed. All researchers agree that the influence of courtly epics is unmistakable but also that of W. von Eschenbach. However, the evaluation of this influence varies from research to research.

Results and discussion. The research’s results represent the most frequent models of fixed collocations in respect to their reproducibility, variation and structuring role in the text. Position of a collocation in the text and in line, its rhyme and lexical composition of each model are considered. The models are described as logical-syntactic schemes. The analyzed models are illustrated by 32 examples.

Discussion is devoted to summarizing the investigation and reviewing the results. A conclusion is drawn that the analyzed models are represented richly enough to speak of their regular reproducibility, but many fixed collocations are used just for rhyme or to fit in the line. High variety of discussed models’ lexical composition and of their structure is stated, but also regular iteration of stable collocations within a relatively short passage.

Conclusion. The conclusion highlights that the study of the Chronicle’s stylistic features allows to understand its place in the German order’s literature and in the literature of the Middle High German period.

Key words: Middle High German, “Livonian Rhymed Chronicle”, Teutonic Order, language stereotypes, fixed collocations, historical poetics.

For citation: Tikhonova E. S. Frequent Fixed Collocations in the “Livonian Rhymed Chronicle”: Structure and Variety. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 125–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-125-139 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 26.10.2020; adopted after review 11.12.2020; published online 25.02.2021

Введение. Целью настоящей статьи является исследование устойчивых словосочетаний (далее – УС) в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике» (далее – СРХ). Анализу подвергались наиболее распространенные модели УС и их способность к варьированию внутри данных моделей.

СРХ в отечественной науке рассматривалась в первую очередь как исторический источник ([1–4]), полный перевод хроники на русский язык отсутствует, переведены лишь фрагменты, содержащие релевантные для русской истории моменты: так, СРХ – самый ранний и основной западноевропейский источник, описывающий Ледовое побоище

[5, с. 197–198]. Исследование языка и стилистических особенностей СРХ осуществлялось в основном зарубежными исследователями ([6–11] и др.).

В то же время данное произведение представляет собой интерес в силу своего жанра и стиля именно с точки зрения исторической поэтики: это, как следует из названия, рифмованная хроника, но ее автор вдохновлялся книжным эпосом, с которым был хорошо знаком. Этим обусловлено частое использование в СРХ формульных выражений и УС, для которых характерно относительное единство структуры и вариативность лексического наполнения. Подробный анализ УС в данном тексте – уже не эпическом, но находящемся под влиянием эпоса – с точки зрения их структуры, а также устойчивости и вариативности до сих пор не осуществлялся, чем и обуславливается научная новизна и актуальность данного исследования. Такой анализ позволит приблизиться к пониманию функционирования и варьирования УС в рамках средневековой письменной традиции.

Методология и источники. СРХ – анонимный стихотворный памятник конца XIII в., воспевающий деятельность Немецкого ордена в Прибалтике с 1143 по 1290 гг. Хроника состоит из 12 017 строк, составлена около 1290 г. и сохранилась в двух рукописях: рижской (середина XIV в.; считается пропавшей) и гейдельбергской (XV в.). Ее язык определяют как восточносредненемецкий диалект с примесью нижненемецкого [12, с. 855].

Двумя вопросами, поднимавшимися с самого начала изучения СРХ, были ее авторство и литературный талант автора. Изначально авторство приписывали Дитлебу фон Альнпеке, но позже эта атрибуция была признана подделкой XVII в. [12, с. 855]. Гораздо важнее, кем был автор: клериком [13] или рыцарем, возможно, непосредственным участником части описываемых в СРХ событий [7, 10].

Практически все исследователи придерживаются мнения, что автор СРХ в значительной мере ориентировался на книжный, или куртуазный эпос (*höfisches Epos*, *Buchespos*), но был не очень искусен и плохо сумел использовать его изобразительные средства ([2, 6–8, 12, 13] и др.). Пожалуй, лишь Л. А. Арбузов однозначно называет талант автора «довольно выдающимся» [1, с. 131], а В. Браунс признает за автором «поразительную свежесть» в диалогах [8, с. 964].

Согласно наиболее радикальной точке зрения, которую представляли Х. Куглер и Ф. Й. Моне, огромным было влияние даже не куртуазного эпоса, а изначально устного эпоса – в частности, «Песни о Нибелунгах». Так, по их мнению, топоним *Nieflant* (Ливония) – это аллюзия на *Nibelungenlant* (страну Нибелунгов), а этноним *rûsen* (русские) следует трактовать как *risen* (великаны) [11, с. 94–95]. Также и А. Мюррей указывал на существенную архаичность и консервативность лексикона СРХ, аргументируя это преобладанием лексемы *helt* (герой) над *ritter* (рыцарь) [10, с. 247].

Под поэтическим мастерством автора СРХ зачастую понимают именно то, как он сумел применить в своем произведении формулы и УС, в избытке представленные в данном памятнике.

К. Хельм и В. Циземер отмечают начитанность и эрудированность автора СРХ в области литературы, в частности куртуазной и эпической, однако называют его «невеликим поэтом» («kein großer Künstler») и, скорее, хронистом, чем поэтом [7, с. 149].

Наиболее категорично высказывался советско-латышский исследователь Я. Зутис, который рассматривал «постоянное употребление ходульных литературных выражений и

высокопарных трескучих фраз» как явный недостаток, а автора СРХ прямо называл «бездарным поэтом» [2, с. 20].

У. Арнольд пишет, что стиль характеризуется формулами («ist formelhaft geprägt») и находится в том числе в традиции героического эпоса, отличия от которого обусловлены материалом. Не в последнюю очередь обрамление отдельных частей СРХ формулами и создает впечатление осознанно созданного целого [12, с. 860].

М. Фишер отмечает, что влияние эпической поэзии наиболее очевидно в описании боевых действий и армий, при описании вооружения и т. п. [9, с. 179]. Все это – типичные для эпоса случаи употребления формул и постоянных эпитетов.

По указанию А. Мюррея, в СРХ есть формульные выражения и образы, однако многие из них не принадлежат к какому-либо одному стилю, а просто создают связь, необходимую рифму и даже «льют воду» [10, с. 245].

В целом критикуя А. Мюррея и подчеркивая, что СРХ – это не устная поэзия и что СРХ не мимикрирует под нее, М. Нееке, однако, указывает, что наличие формул – это способ отражения реальности, а не только и не столько признак поэтического бессилия, которое предполагал Э. Штайнмайер. М. Нееке также призывает рассматривать СРХ именно с точки зрения устной поэзии и «стиля формул» [11, с. 92–93]. Формулы, указывает он, к этому времени однозначно принадлежат письменной культуре, которая в СРХ явственно подчеркивается [11, с. 93]. Они также являются унифицирующим моментом СРХ [17, с. 99].

Таким образом, все исследователи сходятся в том, что формулы и УС пришли в СРХ из книжного эпоса, и при этом они связаны с письменной культурой. Но к моменту создания СРХ они уже использовались как необходимый признак стиля: для рифмы или для заполнения лакун.

Формулы и УС обладают определенной вариативностью. Повторяющиеся УС понимаются в настоящей работе как «продуктивные модели» – многократно воспроизводимые в рамках данной традиции «проекции некоего стереотипного смысла на типовую синтаксическую структуру» [14, с. 307]. «Такие модели допускают внутреннее лексическое и грамматическое варьирование отдельных компонентов и, таким образом, остаются продуктивными функциональными единицами языка традиции» [14, с. 307–308].

Далее наиболее распространенные в СРХ модели УС рассматриваются с точки зрения их воспроизводимости, устойчивости и вариативности, а также структурообразующей роли в тексте. Для этого анализируются сегменты текста – сверхфразовые единства – содержащие данные УС: отмечается положение, занимаемое УС в каждом сегменте и в строке, его конечная рифма, лексическое наполнение каждой реализации модели, а сами модели описываются как логико-синтаксические схемы.

Результаты и обсуждение. 1. Наиболее распространенной в СРХ моделью является УС, содержащее наречие *vrô/unvrô* (рад/не рад) и сообщение о положительной или отрицательной эмоциональной реакции: $S + V_{\text{cop}} (WERDEN / \hat{S}IN) + OGen + Praed_{Adv} (VR\hat{O})$: *X wurde/war Gen. vrô* (также с инвертированным порядком слов *Gen. wurde/war X vrô*). Она представлена 196 примерами. Эта модель обладает некоторой структурной вариативностью элементов.

1.1. Как правило, данное УС занимает всю строку целиком и часто является отдельным законченным предложением, а наречие *vrô* находится в конце строки и рифмуется с концовкой предыдущей или последующей строки, регулярно – с наречием *dô* (тогда) (см. также пример 3):

(1) *daz vorkouften sie aldar // ein teil baz denne anderswar; // des wurden sie von herzen vrô. // die heiden sprâchen zû in dô...* (185–188) – Его [товар] они продали там, часть – лучше, чем в других местах; этому они от всего сердца радовались. Язычники тогда сказали им...¹

Однако данное УС может быть и частью придаточного предложения:

(2) *dâ wart offen schîn, // daz sie des meisteres wâren vrô.* (4418–19) – Тут стало явно видно, что они были рады магистру.

Еще в одном варианте данного УС подлежащее может находиться на предыдущей строке и быть отделено от сказуемого и от лексического выражения причины эмоциональной реакции другими лексемами:

(3) *die andern gâben gîsel dô // dem meistere und wâren vrô, // daz man sô gûtlich sie entpfien.* (2419–21) – Другие тогда дали заложников и были рады, что их так хорошо приняли.

В большинстве случаев обозначение причины радости в данном УС, стоящее в генитиве, выражается указательным местоимением, соотносимым с предыдущим действием (67 реализаций, примеры 1, 12, 13). Практически в одинаковом числе случаев оно эксплицитно выражено существительным (52 реализации, пример 8) или же вовсе отсутствует (56 реализаций, пример 4). Указание на причину посредством придаточного подлежащего предложения наименее характерно (15 реализаций, пример 5):

(4) *got gab den sînen dô den prîs. // die cristen wâren alle vrô; // zû lande kêrten sie sich dô.* (1838–40) – Господь тогда вознаградил своих. Все христиане были рады. Тогда они вернулись в [свои] земли.

(5) *herre, wir sin vrô, // daz ûch got hât er gesant.* (5212–13) – Господин, мы рады, что Господь прислал вас ранее.

В 25 случаях сообщается о негативной эмоциональной реакции с помощью наречия *unvrô* (не рад). В 3 из этих примеров генитива нет, в 2 примерах вместо него используется предложная конструкция с дативом или аккузативом:

(6) *des wart der brûder her unvrô.* (7984) – От этого войско братьев опечалилось.

(7) *die cristen wurden alle dô // von deme strîte gar unvrô.* (6095–96) – Христиане тогда опечалились от этого боя.

1.2. Для эксплицитного наименования причины/повода для положительной или отрицательной реакции могут использоваться следующие **существительные в генитиве**: *der mêtê* (известию) (10 примеров, в том числе 2 раза с определением *der gûten mêtê* (доброй вести)), *der kumfte* (прибытию) (8 примеров); *der reise* (поездке) (6 примеров); *des râtes* (совету) (6 примеров), *der rede* (речи) (5 примеров), *der geste* (гостям) (3 примера, в том числе с определением), *der verte* (поездке) (2 примера), *der warnunge* (предупреждению) (2 примера), *des trôstes* (утешению) (3 примера). Также по одному примеру каждый представлены следующие генитивные объекты: *gotes êre* (почитанию Господа), *der crône* (ко-

¹ Здесь и далее все цитаты из источника приводятся по изданию Л. Майера [15]. Цифры в круглых скобках после примера обозначают номера строк. Подстрочный перевод всех примеров выполнен автором статьи.

роне), *des meisters* (магистру), *des vrides* (миру), *des hères und der brüdere* (войску и братьям), *der brüdere* (братьям), *des huses* (дому), *der bête* (молитве), *ires gûten willen* (их доброй воле), *der armbruste* (арбалетам), *des lones* (награде), *irs krîges* (их войне). Таким образом, чаще всего в рассматриваемых УС речь идет о каком-то вербальном действии (известие, речь, совет) или поездке/походе (весь текст СРХ очень динамичен, в нем регулярно упоминаются движение и перемещение). В общей сложности эксплицитная номинация причины эмоциональной реакции представлена 52 примерами, что составляет около 1/4 всех примеров с данным УС:

(8) *er hatte nâch bischove Heinrîch // hin zu Prûzen lant // sînen boten vor gesant. // der bischof wart der mère vrô; // zû Rîge an den meister dô // quam er vrôlich geriten.* (3548–53) – Он отправил своих посланцев в Пруссию за епископом Генрихом. Епископ был рад этому известию. Тогда он радостно приехал в Ригу к магистру.

Также в УС может содержаться качественная характеристика наречия *vrô*, подчеркивающая меру эмоционального состояния: *von herzen* (от всего сердца) (18 примеров), *(zu) mâzen* (весьма) (4 примера), *vil* (очень) (5 примеров), *harte* (очень); *gar* (вовсе) (4 примера с *unvrô*) – всего такая характеристика встречается 30 раз (см. примеры 1 и 7).

В 4 случаях *vrô* находится в середине строки, а не в конце и, соответственно, не рифмуется. В двух из этих примеров, расположенных в тексте довольно близко друг к другу, в качестве причины радости эксплицитно называется *der vart* (поездка) и *der hervart* (возвращение). Несмотря на наличие всех формальных элементов, скорее всего, подобные сочетания нельзя рассматривать как варианты данной модели, поскольку в данном случае варьируется не только лексическое содержание, но и сама структура:

(9) *er kârte kein der Mimele wart, // daz er was allez vrô der vart.* (3630–31) – Он вернулся к форпосту Мемеля, так что он все время был рад поездке.

Почти дословные вариации данного УС встречаются в близко расположенных строках; всего в тексте представлено 11 таких случаев. Создается впечатление, что автор СРХ как бы вспоминал какую-то конструкцию или УС и использовал ее несколько раз подряд «в одних и тех же метрических условиях» [16, с. 80].

1.3. **Глагол-сказуемое** *sîn* или *werden* в рассматриваемых УС, как правило, стоит в претерите индикатива, но в косвенной и прямой речи возможен претерит конъюнктив (10) и даже презенс конъюнктив (11):

(10) *der brüdere botschaft was alsô: // die von Nieflant wêren vrô, // daz man einen meister dar // und brüdere sente, daz ist wâr.* (10791–94) – Послание братьев было таково: те [кто] в Ливонии были рады, что туда послали магистра с братьями, это правда.

(11) *sine mâge wol mit sinnen // antwurten im der rede dô: // “der verte sie wir alle vrô”.* (2890–92) – Его родственники с чувством ответили ему тогда на эту речь: «Походу мы все были бы рады».

При использовании данного УС в прямой речи действие также может быть направлено в будущее за счет модального глагола *woln* или *suln* (12) либо составного глагольного сказуемого с *werden* (13):

(12) *der herre von Rûwen sprach alsô: // des sult ir wesen gerne vrô* (9633–34) – Господин фон Рувен сказал так: «Этому вы должны охотно радоваться».

(13) *er sprach: ich wil sie trôsten sô, // daz sie des alle werden vrô.* (10799–10800) – Он сказал: «Я хочу утешить их так, чтобы они все от этого возрадовались».

2. 107 примерами представлен **авторский комментарий о неких обстоятельствах со ссылкой на авторитет**. Данные примеры можно разделить на две большие группы: в первой – более многочисленной – глаголы-сказуемые *hören* и *vernemen* (слышать) стоят в действительном залоге, и есть подлежащее-агенса, а во второй глагол стоит в пассиве (*ist genant/bekant/geseit/verjehen/gelesen*). Внутри этих групп можно выделить следующие модели.

2.1. Модель *ALS + PRO_{pers} (ICH) + OAkk + Circ_{temp} + V_{fin} (LESEN)* либо *ALS + PRO_{pers} (ICH / IR) + OAkk + V_{cop} + Circ_{temp} + PraedPartII (GELESEN / VERNOMEN)*: *als ich (ez) ê/itzunt/vor las/habe vernomen*. Данная модель характеризуется наличием союза *als* и глагола-сказуемого в претерите или перфекте, причем для глагола *lesen* (читать) более характерно употребление в претерите (21 пример против 6 в перфекте) (14), а для глагола *vernemen* (слышать) – почти исключительно в перфекте (35 примеров против 1 в претерите). Однако, если при глаголе *lesen* в качестве подлежащего выступает только местоимение 1 л. ед. ч. *ich*, то при глаголе *vernemen* личное местоимение 2 л. мн. ч. *ir* в качестве подлежащего представлено в половине случаев (15). По одному примеру встречается употребление глаголов говорения *sagen* и *verjehen* (говорить) в перфекте (16). Как видно из примеров, они являются практически взаимозаменяемыми и структурно выполняют одну и ту же функцию – ссылку на предшествующий текст либо акт говорения или восприятия. Как правило, подобные УС занимают менее одной строки:

(14) *daz her gentslîchen quam // bie den hagen, der dâ was // gewonnen, als ich itzunt las*. (6240–42) – Все войско пришло к укреплению, которое было захвачено, как я только что прочитал.

(15) *dô daz her was allez komen zu Rîge, // als ir habt vernomen, // der meister wart des liebes kranc*. (6800–02) – Когда все войско подошло к Риге, как вы слышали, магистр телом заболел.

(16) *daz waz Myndowen sune ein tugent, // die er begienc in sîner jugent, // daz er sô grôzer erbarmkeit // an die cristen hatte geleit, // als ich ûch nû hân verjehen*. (7169–73) – Это было добродетелью сына Миндовга, которую он проявил в своей юности, что он столь большое милосердие проявлял к христианам, как я вам сейчас рассказал.

Также одним примером представлено сочетание *als man ûch ê las* (как вам прежде прочитали), по размеру и структуре совпадающее с данной моделью, но при этом подлежащее выражено не личным местоимением в 1 л. ед. ч., а безличным местоимением *man*:

(17) *den hatte des meisters her geslagen // binnen des, dô irgangen was // zû Rîge, als man ûch ê las*; (3116–18) – Его разбило войско магистра во время того, что произошло в Риге, как вам прежде прочитали.

Структурная вариативность наблюдается и в следующих трех примерах (2 из которых находятся в близкорасположенных строках 9831 и 9849), где местоименное наречие разделено подлежащим: *dâ/dô ich von las*. Поскольку они не противоречат метрической структуре и в остальном совпадают с указанной моделью, вероятно, здесь можно говорить о ее вариации:

(18) *al die wîle hette besant // der kummentûr, dô ich von las, // der zû Aschrâten was, // sîne boten ûf daz lant*. (9830–33) – Все время посылал комтур – о чем я читал, – который был в Ашрадене, своих гонцов в землю.

2.1.1. В шести примерах глагол восприятия вместе с глаголом говорения входит в конструкцию *accusativus cum infinitivo*: *als ich/wir hören jehen/sagen*. В одном из них происходит смена говорящего и слушающего: *als ir mich hörtet sagen*:

(19) *die Kûren, als ich hörte jehen, // sie liezen sich mit trûwen sehen* (4181–82) – Курши, как я слышал, воистину показали себя.

(20) *Dô er Eilart hatte geslagen // die heiden, als ir mich hörtet sagen, // dô er in was gennet nâch, // im was zû den brûderen gach*. (8453–56) – Когда господин Эйльарт разбил язычников, как я вам рассказал, тогда он погнался за ними, он торопился к братьям.

Предполагаемым источником авторских вставок такого рода является творчество Вольфрама фон Эшенбаха и в особенности его «Парцифаль», где подобные вставные реплики, которые Э. Нельман называл «односторонним диалогом» фиктивного автора [17, с. 43], встречаются постоянно. На влияние Вольфрама на стиль СРХ указывали многие исследователи [7–9, 12]. Так, К. Хельм и В. Циземер отмечают, что «влияние Вольфрама нельзя не заметить» [7, с. 149], а по мнению М. Фишер, это одна из основных характеристик СРХ [9, с. 179].

Как и у Вольфрама, авторские вставки-комментарии часто характеризуются сменой грамматического времени с времен прошедшего на презенс. Таким образом действие, которое протекает в прошедшем, переносится в реальность автора и реципиента [18, с. 218].

Другим источником подобного рода вставных комментариев мог быть куртуазный эпос, позаимствовавший их из стадиально предшествовавшего ему героического эпоса. Впрочем, о полной аналогии говорить не приходится: исходно формула *I/we learned/heard of smth* служила исключительно для ввода нового эпизода, и реципиенты всегда распознавали ее как стилистический маркер переключения действия [19, с. 116–117]. В случае же с СРХ это не всегда так: рассмотренные УС часто служат лишь для сохранения размера и рифмы.

2.2. Модель с глаголом-сказуемым в пассиве (в том числе пассиве состояния) представлена 17 примерами: *OAcc + Vfinpass (S^{IN}) + Pronom_{pers} (ODat) + PraedPartII: X ist ûch geseit/verjehen/gelesen/genant/genennet* (пример 21) или – с союзом – *ALS + Pronom_{pers} (ODat) + Vfinpass (S^{IN}) + PraedPartII: als ûch wirt/ist bekant* (пример 22). В абсолютном большинстве случаев употреблено местоимение 2 л. мн. ч. *ûch*, однако двумя примерами представлено местоимение 1 л. ед. ч. (*X ist mir bekant*; пример 23) и одним – 1 л. мн. ч. *uns ist kunt*.

(21) *Ez ist hie vor wol beschriben // waz got mit in hât getriben. // war von man sie loben sol // und mit vîre êret wol // in der reinen cristenheit // daz ist ûch dicke wol geseit; // dâ von mûz ich der rede dagen*. (83–89) – Здесь, пожалуй, хорошо описано, что Господь сделал с ними. За это их стоит хвалить, и их почитают праздниками среди чистых христиан. Это вам часто рассказывали; об этом я должен молчать.

(22) *Myndowen was liebes vil geschehen, // als ûch hie vor ist verjehen: // des hatte er gar vergezzen*. (6587–89) – С Миндовгом случилось много хорошего, как вам прежде здесь рассказано: об этом он совсем забыл.

(23) *sie guzzen beider wege ir blût, // daz tâten sie ouch in Nieflant. // die mère sint mir wol bekant*. (2702–04) – Они проливали кровь с обеих сторон, это они делали также и в Ливонии. Эти известия мне хорошо известны.

2.2.1. Пять комментариев, построенных по данной модели, содержат лексему *daz bûch* (книга), на которую ссылается автор:

(24) *Meister Ernst, daz ist wâr, // der hatte gerâten sechs jâr. // nicht lanc dar nâch wart er erslagen, // als ir daz bûch hôret sagen.* (8511–14) – Магистр Эрнст – это правда – правил шесть лет. Вскоре после этого он был убит, как поведала вам книга.

Д. Г. Грин подчеркивает, что в средневековом дискурсе такого рода отсылки к письменному источнику были синонимом истинности утверждения, представления о чем восходят к авторитету церковной литературы [20, с. 69]. Впрочем, разные исследователи занимают разные позиции в отношении «правдивости» подобных упоминаний «книги».

М. Нееке рассматривает подобные УС как отсылку к этому же тексту (т. е. *daz bûch* – это сама СРХ) [11, с. 93]. Он отмечает, что для придворной литературы формулы – признак письменной традиции, и ссылка на «книгу» в XIII в. регулярно происходит именно в виде формулы. Согласно М. Нееке, лексемы *bûch* и *lesen* в СРХ однозначно указывают именно на письменный характер ее источников [11, с. 94].

Согласно А. Мюррею, УС с глаголом *lesen* (читать) – отсылка к гипотетическому письменному источнику, а УС с *vernemen* (слышать) – к устному, т. е. к рассказам очевидцев [10, с. 237]. Мюррей также постулировал существование некой протохроники, которая позже была включена в текст СРХ [10, с. 249].

Такой дистрибуции, однако, противоречит анализ, проведенный в настоящем исследовании: едва ли можно говорить о последовательном использовании семантики сказуемого для указания на способ получения информации. В большинстве примеров существительное *bûch* сочетается именно с глаголами устного восприятия (*vernemen, hôren* (слышать)), а глагол *lesen* (читать) представлен значительно меньшим числом реализаций. Более того, обилие глаголов устного восприятия может указывать на способ воспроизведения и восприятия СРХ: предположительно, ее зачитывали рыцарям Немецкого ордена во время трапезы [7, с. 29; 9, с. 173].

3. С авторским комментарием-ссылкой на источник сближаются представленные в общей сложности 57 примерами **авторские комментарии о готовности или нежелании продолжать повествование**. Подобные УС употребляются для того, чтобы соблюсти размер, это своего рода предложение-вставка, парентеза, занимающая одну строку. В принципе, они близки предыдущей группе УС, но их отличает обязательное наличие сказуемого, выраженного модальным глаголом, которое передает отношение автора к высказыванию и его интенцию продолжать или не продолжать рассказ. На этом основании такие УС выделяется как самостоятельный тип, внутри которого можно вычлениить следующие модели.

3.1. Модель, содержащая вопрос с вопросительным словом, представлена 16 примерами: *WAZ + V_{fin}modal + S (ICH) + Pronom_{pers} (ODat) + Praed_{inf} + Circ_{mod} (MÊR): *waz sal ich (ûch) da von sagen mê?* Сказуемое в этих УС выражено сочетанием модального глагола *suln* (12 примеров) или *mügen* (4 примера) с глаголами говорения *sprechen* и *sagen* (говорить, сказать), в 1 примере – с глаголом *gelesen* (прочитать). Во всех таких предложениях подлежащим является местоимение 1 л. ед. ч. *ich*, выраженное эксплицитно (25), кроме одного безличного предложения, смысловой глагол в котором стоит в форме пассива: *Waz sal ûch mêr da von gesaget?* Наречие *mê(r)* в большинстве случаев находится в предложении на последнем месте и рифмуется с финалью предыдущей или следующей строки:*

(25) *daz hûs sie bûweten zû hant, // daz der brudere was gewesen, // als ich vor hân gelesen, // und triben daz urlouge als êr. // waz sal ich dâ von sagen mêr? // dô man daz zû Rîge vernam...* (8758–63) – Они быстро построили дом, который принадлежал братьям, как я читал прежде, и продолжали сражаться, как раньше. Что мне еще об этом рассказать? Когда в Риге слышали об этом...

3.2. 15 примерами представлена модель – придаточное подлежащее предложение, вводимое союзом *als* «как»: *ALS + S (ICH) + Pronom_{pers} (ODat) + Praed_{inf} + Vfin_{mod}: als ich (ûch) (nû) sagen sol*. В качестве глаголов-сказуемых в этой модели выступают модальные глаголы *soln*, редко – *weln* (4 примера) или *mügen* (1 пример) с инфинитивом глагола говорения *sagen* (1 раз – с *verjehen*):

(26) *daz wart in gewert sider // mit gotes hulfe vil wol, // als ich ûch nû sagen sol*. (11830–32) – Это было им с тех пор с Божьей помощью предоставлено, как я сейчас вам должен сказать.

3.3. В 9 примерах реализована модель, представляющая собой повествовательное предложение с модальным глаголом и глагольной конструкцией с пассивным значением *bekant machen/tun* (делать известным): *Circ_{temp} + Vfin_{mod} + S (ICH) + Pronom_{pers} (ODat) + Praed_{inf} + Praed_{Attr} (BEKANT)*. За подобным УС почти во всех случаях следует придаточное объектное предложение, вводимое с помощью союзов *wie* (как), *waz* (что), либо придаточное времени с союзом *dô* (когда) или места с союзом *wâr* (где). Следует отметить, что почти половина УС данного типа (4 из 9) приходится на отрывок в 100 строк:

(27) *in grôzeme smertzen reit er dô // gegen der Mytowe unvrô. // nû wil ich machen ûch bekant, // wie ez den brûderen gienc in hant, // die in dem walde bliben dort, // als ir vor habt gehôrt*. (7479–84) – С большой болью он печально поехал тогда к Митаве. Теперь я хочу рассказать вам, каково в это время было братьям, которые остались там в лесу, как вы слышали прежде.

3.4. В 3 примерах в утвердительной форме сообщается о намерении продолжить рассказ, для чего используются глагол-сказуемое *vort/vorder sagen* и модальный глагол *weln* (хотеть):

(28) *wie ouch ir aller name sie, // sô mûze sie got trôsten dort. // nû wil ich aber sagen vort. // wer von der nôte dô entquam, ...* (7336–39) – Как бы их всех ни звали, пусть Господь их утешит. Но теперь я хочу продолжить. Кто тогда спасся от беды...

3.5. В 5 примерах, напротив, сообщается о нежелании автора продолжать рассказ об освещенных перед этим событиях: *NICHT + Circ_{mod} (MÊR) + S (ICH) + Praed_{inf} + Vfin_{mod}: nicht mê(r) ich da von sprechen wil/sol*. Подобные УС встречаются в конце смыслового отрывка, посвященного какому-то одному событию. Это единственная из рассмотренных моделей, после которой происходит переключение действия на следующий сюжет:

(29) *die burc ist rich von gûte // und stêt in grozer hûte. // sie ist gebûwet vor daz lant, // daz dâ Jerwen ist genant. // sie spîset andere burge vil. // nicht mêr ich dâ von sprechen wil. // Der meister von Nieflant, ...* (7521–27) – Замок богат товарами и стоит в безопасности. Он построен перед страной, которая называется Ервен. Он кормит много других замков. Больше я не хочу об этом говорить. Магистр Ливонии...

Наличие в данном примере переключения действия после УС подтверждается тем, что в рукописи последняя строка этого отрывка выделена инициалом. Л. Майер в своем издании также следует рукописи, и у него строка 7527 начинается новый раздел [15, с. 173].

4. Нельзя не упомянуть еще один регулярно повторяющийся элемент в СРХ – сочетания существительных-обозначений воинов с **украшающими эпитетами**, в первую очередь такими, как *vrom* (благочестивый), *balt* (храбрый), *unverzaget* (бесстрашный), *rasch* (быстрый) и некоторыми другими – в общей сложности 53 реализации. Исходя из числа примеров, о постоянных эпитетах и об определенной устойчивости можно говорить применительно к наиболее частотным сочетаниям: *vromer helt* (благочестивый герой) (11 примеров), *helt/deggen balt* (храбрый герой/витязь) (10 примеров, в 8 из них также встречается местоимение *manich* (некоторый, несколько)), *helt unverzaget* (бесстрашный герой) (7 примеров) и *rasche helde* (быстрые герои) (6 примеров, в 3 из них встречается местоимение *manich*).

Следует отметить, что значительной вариативностью в сочетаемости с эпитетами в СРХ обладает существительное *helt* (герой): оно встречается с эпитетами (*ûz*)*erlesen* (избранный) (4 примера), *risch* (быстрый) (2 примера), *vermezzzen* (отважный) (2 примера), *stoltz* (гордый) (2 примера), *zur nôt* (в нужде) (2 примера), *unverdrozzen* (неутомимый) (1 пример) и *êrlîch* (честный) (1 пример). В некоторых случаях встречается сочетание нескольких эпитетов при одном существительном: *ein vromer helt zur nôt* (благочестивый герой в беде); *ein helt kûne (rasch) und ûz erkorn (ûz erwelt)* (храбрый и избранный герой) (3 примера). Часто эпитеты имеют при себе местоимение *manich* (некоторый, несколько), указывающее на неопределенное множество характеризуемых лиц:

(30) *Dar nâch wart ein vromer helt // zû dûtschen landen ûz irwelt* (2299–30) – Затем в немецких землях был избран благочестивый герой.

(31) *sie brâchten manchen deggen balt // gegen in in Kûrlant* (2614–15) – Они привели много храбрых витязей против них в Курляндию.

(32) *er hiez von Katzenellenbogen // und was hubesch und gezogen, // ein vromer helt zû der nôt.* (8521–23) – Он звался фон Катценэлленбоген, он был куртуазен и воспитан, благочестивый герой в нужде.

Происхождение постоянных эпитетов в СРХ также является предметом научных споров. Еще В. Браунс рассматривал эпитеты типа *balt* (храбрый), *gut* (добрый), *stoltz* (гордый) и другие в сочетании с существительными *helt* и *deggen* как указание на связь с книжным эпосом [9, с. 963]. Позднее этой точки зрения придерживался А. Мюррей, подчеркивая, что преобладание в СРХ лексем *helt* и *deggen* над *ritter* (рыцарь) является важным свидетельством того, что в своем лексиконе СРХ близка наиболее консервативному жанру свн. эпической поэзии – эпосу, происходящему из языческой эпохи, такому, как «Песнь о Нибелунгах» и «Кудруна» [10, с. 247]. Эту позицию критиковал, в частности М. Нееке, указывая, что лексема *ritter* (рыцарь) встречается в куртуазном эпосе очень часто, и это ни в коем случае не поэтизм, а поэтика СРХ, таким образом, не вырастает напрямую из книжного и/или устного эпоса [11, с. 97–98].

В СРХ можно выделить несколько регулярно повторяющихся моделей УС, они легко идентифицируются, поскольку обладают устойчивой синтаксической и метрической структурой.

Анализ материала показал, что, хотя сообщение о положительной или отрицательной эмоциональной реакции встречается в СРХ в несколько раз чаще, чем отдельные типы авторских

комментариев, однако в совокупности разные модели комментирующих вставных реплик – как отсылка к некоему источнику информации, так и утверждение готовности или нежелания продолжить повествование – представлены практически таким же числом примеров. Обе эти группы УС являются характерными чертами стиля СРХ. Принципиальное различие между данными двумя группами заключается в том, что сообщения об эмоциональной реакции, даже будучи самостоятельными предложениями, сюжетно связаны с основным действием. Авторские комментарии, вне зависимости от того, представляют они собой самостоятельные предложения или часть сложного, являются парентезами, вставками и не связаны с повествованием хроники. Одной из причин таких отличий может являться неодинаковое происхождение этих двух видов УС: куртуазный эпос и творчество В. фон Эшенбаха соответственно.

Украшающие эпитеты также являются постоянным, но не самым частотным и достаточно вариативным стилистическим средством с тенденцией к архаизации.

С одной стороны, УС в тексте СРХ при достаточно большой повторяемости характеризуются довольно высокой степенью вариативности в их лексическом наполнении. При этом вариативность синтаксических конструкций также присутствует: как показали примеры, в каждой модели можно найти несколько вариаций или даже отклонения от общей структуры.

С другой стороны, одни и те же УС, зачастую идентичные друг другу, не отличающиеся даже вариацией отдельных лексем, нередко расположены рядом и разделены лишь несколькими десятками строк. Это похоже на творчество неопытного или плохого сказителя, как его описывал А. Лорд: автор «перетасовывает и механически соплагает друг с другом» отдельные устойчивые элементы, «как нерушимые единицы» [21, с. 51].

Следует, однако, отметить, что многие из рассмотренных УС в СРХ используются исключительно для рифмы, чтобы заполнить строку, они не всегда и не последовательно служат, в частности, для ввода нового действия. Вероятно, в случае СРХ следует говорить о заимствовании формы УС как структурного элемента поэтического текста, но не ее сути или функции.

Заключение. Автор СРХ был знаком и с куртуазным эпосом, и с куртуазным романом и с точки зрения поэтики СРХ – сознательное подражание книжному эпосу. Ее создатель творил, опираясь на традицию, используя УС как один из структурообразующих элементов своего текста, впрочем, не всегда удачно. Проведенный анализ УС позволил сделать вывод, что в СРХ лексическая и синтаксическая вариативность внутри представленных моделей сочетается с лексической стабильностью повторяющихся близко в тексте УС.

Проанализированные модели представлены достаточным количеством примеров, чтобы считать их регулярно воспроизводимыми. Они являются одними из стилистических констант данного текста. Их изучение позволяет приблизиться к пониманию структуры СРХ и ее поэтики, а также ее места в литературе Немецкого ордена в частности и в литературе средневерхненемецкого периода в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. М.: Троица, 2009.
2. Зутис Я. Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига: Латгосиздат, 1949.

3. Пашуто В. Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. статей к 70-летию ак. М. Н. Тихомирова. М.: Восточная литература, 1963. С. 102–108.
4. Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М.: Индрик, 2002.
5. Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. Тр. комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М., Л.: Наука, 1966. С. 169–240.
6. Linder R. Zur älteren livländischen Reimchronik. Leipzig: Druck v. J. B. Hirschfeld, 1891.
7. Helm K., Ziesemer W. Die Literatur des Deutschen Ritterordens. Gießen: Wilhelm Schmitz, 1951.
8. Brauns W. Die Livländische Reimchronik // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Hrsg. von W. Stammer. Nachträge ed. Band 5. Berlin/Leipzig: De Gruyter, 1955. P. 956–967.
9. Fischer M. "Di Himels Rote": The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order. Göppingen: Kümmerle Verlag, 1991.
10. Murray A. V. The Structure, Genre and Intended Audience of the Livonian Rhymed Chronicle // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150-1500 / in A. V. Murray (ed.). London: Routledge, 2001. P. 235–251. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315258805-15>.
11. Neecke M. Das 13. Jahrhundert // Krieg im Visier. Bibelepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung / in E. Feistner, M. Neecke, G. Vollmann-Profe (ed.). Tübingen: Max Niemeyer, 2007. P. 49–105. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110944990>.
12. Arnold U. Livländische Reimchronik // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Hrsg. von W. Stammer. Band 5. Berlin: De Gruyter, 2010. P. 855–862.
13. Steinmeyer E. Livländische reimchronik mit anmerkungen, namenverzeichnis und glossar hg. v. Leo Meyer // Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1876. № 2. P. 240–245.
14. Бондарко Н. А. Продуктивные модели в языке немецкой средневековой мистической традиции и проблема их структурного описания // Поэтика традиции: сб. науч. ст. / под ред. Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 289–333.
15. Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar / Hrsg. von L. Meyer. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1973.
16. Parry M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making: I. Homer and Homeric Style // Harvard Studies in Classical Philology. 1930. Vol. 41. P. 73–147.
17. Nellmann E. Wolframs Erzähltechnik. Wiesbaden: Franz Steiner, 1973.
18. Bumke J. Wolfram von Eschenbach. Stuttgart: J. B. Metzler, 2004. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-05091-5_3.
19. Renoir A. Oral-Formulaic Tradition and the Affective Interpretation of Early Germanic Verse // Germania. Comparative Studies in the Old Germanic Languages and Literatures / in D. G. Calder, T. C. Christy (ed.). Wolfeboro: D. S. Brewer, 1988. P. 113–126.
20. Green D. H. The Beginnings of Medieval Romance. Fact and Fiction, 1150-1220. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511485787>.
21. Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Восточная литература, 1994.

Информация об авторе.

Тихонова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук (2009), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: история немецкого языка, историческая прагматика, исторический синтаксис, немецкая диалектология. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-1028>. E-mail: middjungards@gmail.com

REFERENCES

1. Arbuzov, L.A. (2009), *Ocherk istorii Lifyandii, Estlyandii i Kurlyandii* [Essay on the history of Livonia, Estonia and Courland], Troitsa, Moscow, RUS.
2. Zutis, Ya.Ya. (1949), *Essays on the historiography of Latvia. Part 1. Baltic-German historiography* [Ocherki po istoriografii Latvii. Chast' 1. Pribaltiisko-nemetskaya istoriografiya], Latgosizdat, Riga, Latvia.
3. Pashuto, V.T. (1963), "Rhymed Chronicle as a Source on Russian History", *Problemy obshchestvenno-politicheskoi istorii Rossii i slavyanskikh stran. Sbornik statei k 70-letiyu akademika M. N. Tikhomirova* [Problems of the socio-political history of Russia and the Slavic countries. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Academician M. N. Tikhomirov], Vostochnaya literature, Moscow, USSR, pp. 102–108.
4. Matuzova, V.I. and Nazarova, E.L. (2002), *Krestonostsy i Rus'. Konets XII v. – 1270 g.* [Crusaders and Rus'. From the Late XIIIth Century to 1270], Indrik, Moscow, RUS.
5. Begunov, Yu.K., Kleinenberg, I.E. and Shaskol'skii, I.P. (1966), "Written Sources about the Battle on the Ice", *Ledovoe poboishche 1242 g. Trudy kompleksnoi ekspeditsii po utochneniyu mesta Ledovogo poboishcha* [Battle on the Ice in 1242. Proceedings of a complex expedition to clarify the location of the Battle on the Ice], Nauka, Moscow, Leningrad, USSR, S. 169–240.
6. Linder, R. (1891), *Zur älteren livländischen Reimchronik*, Druck v. J.B. Hirschfeld, Leipzig, DEU.
7. Helm, K., Zieseimer, W. (1951), *Die Literatur des Deutschen Ritterordens*, Wilhelm Schmitz, Gießen, DEU.
8. Brauns, W. (1955), "Die Livländische Reimchronik", *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*, Hrsg. von Stammler, W., Nachträge ed., band 5, De Gruyter, Berlin, Leipzig, DEU, S. 956–967.
9. Fischer, M. (1991), *"Di Himels Rote": The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order*, Kümmerle Verlag, Göppingen, DEU.
10. Murray, A.V. (2001), "The Structure, Genre and Intended Audience of the Livonian Rhymed Chronicle", *Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150-1500*, in Murray, A. V. (ed.), Routledge, London, UK, pp. 235–251. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315258805-15>.
11. Neecke, M. (2007), "Das 13. Jahrhundert", *Krieg im Visier. Bibelepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung*, in Feistner, E., Neecke, M. and Vollmann-Profe, G. (ed.), Max Niemeyer, Tübingen, DEU, S. 49–105. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110944990>.
12. Arnold, U. (2010), "Livländische Reimchronik", *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*, Hrsg. von Stammler, W., band 5, De Gruyter, Berlin, DEU, S. 855–862.
13. Steinmeyer, E. (1876), "Livländische reimchronik mit anmerkungen, namenverzeichnis und glossar hg. v. Leo Meyer", *Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, nr. 2, S. 240–245.
14. Bondarko, N.A. (2010), "Productive models in the language of the German medieval mystical tradition and the problem of their structural description", *Poetika traditsii* [Poetics of Tradition], in Vasil'kov, Ya.V. and Kisilier, M.L. (ed.), Evropeiskii dom, SPb., RUS, pp. 289–333.
15. Meyer, L. (1973), *Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar*, Ferdinand Schöningh, Paderborn, DEU.
16. Parry, M. (1930), "Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making: I. Homer and Homeric Style", *Harvard Studies in Classical Philology*, vol. 41, pp. 73–147.
17. Nellmann, E. (1973), *Wolframs Erzähltechnik*, Franz Steiner, Wiesbaden, DEU.
18. Bumke, J. (2004), *Wolfram von Eschenbach*, J. B. Metzler, Stuttgart, DEU. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-05091-5_3.
19. Renoir, A. (1988), "Oral-Formulaic Tradition and the Affective Interpretation of Early Germanic Verse", *Germania. Comparative Studies in the Old Germanic Languages and Literatures*, in Calder, D. G. and Christy, T. C. (ed.), D. S. Brewer, Wolfboro, GER, pp. 113–126.

20. Green, D.H. (2002), *The Beginnings of Medieval Romance. Fact and Fiction, 1150-1220*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511485787>.

21. Lord, A.B. (1994), *The Singer of Tales*, Transl. by Kleiner, Yu.A. and Levinton, G.A., Vostochnaya literatura, Moscow, RUS.

Information about the author.

Elena S. Tikhonova – Can. Sci. (Philology) (2009), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: history of German language, historical pragmatics, historical syntaxis, German dialectology. ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8301-1028>. E-mail: middjungards@gmail.com

К вопросу о базовых компонентах формирования поликультурной личности

Е. И. Беседина¹, И. В. Кузьмич^{1✉}, Е. А. Шамина²

¹Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉irinakuzmich@inbox.ru

Введение. В статье исследуется роль родного языка и перевода с иностранного на родной в процессе преподавания иностранного языка как для студентов непрофильных специальностей, так и в профессиональной подготовке студентов-лингвистов, особенно в отношении формирования межкультурной компетенции студентов, специализирующихся в области устного и письменного перевода. Отмечается важность непрерывного совершенствования владения родным языком в процессе овладения иностранным. Значение родного языка как педагогического инструмента в учебном процессе в вузе требует переоценки. Для преодоления существующих на сегодняшний день проблем в преподавании иностранного языка необходимо вести обучение в рамках единого филологического блока.

Методология и источники. Исследование проводилось на материалах практических занятий, подготовленных авторами для проведения занятий со студентами-лингвистами и студентами технических специальностей. В процессе исследования студенты выполняли предложенные задания, затем результаты обрабатывались и анализировались. Помимо этого, студентам было предложено заполнить опросные листы.

Результаты и обсуждение. Важным результатом проведенного исследования стал вывод о необходимости интегрирования родного языка в процесс обучения иностранному языку для достижения оптимальных результатов в ходе формирования поликультурной личности. Была выявлена однозначная корреляция между степенью владения родным языком и показателями освоения иностранного языка.

Заключение. Принимая во внимание стремительное развитие современного общества и информационных технологий, для успешного решения вышеперечисленных проблем необходимо разработать современные, постоянно обновляемые пособия, желательно электронные, которые не только предоставляют материал для обучения иностранному языку, но и уделяют особое внимание формированию двуязычной межкультурной коммуникативной компетенции.

Также представляется вполне уместным включить в программу подготовки курс по стилистике родного языка (в нашем случае – русского), специально разработанный для студентов, специализирующихся на письменном и устном переводе, и курс по нормативной английской/русской речи для переводчиков.

Ключевые слова: полилингвальная/поликультурная личность, межкультурная компетенция, родной и иностранный языки, обучение иностранному языку и переводу.

© Беседина Е. И., Кузьмич И. В., Шамина Е. А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Беседина Е. И., Кузьмич И. В., Шамина Е. А. К вопросу о базовых компонентах формирования поликультурной личности // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 140–152. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-140-152

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 14.12.2020; принята после рецензирования 12.01.2021; опубликована онлайн 25.02.2021

Essential Elements for the Formation of a Polyculturally Educated Individual: a Problem of Statement

Elena I. Besedina¹, Irina V. Kuzmich¹✉, Elena A. Shamina²

¹*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

²*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

✉irinakuzmich@inbox.ru

Introduction. This article examines the role of the first language and translation in foreign language teaching-learning process as well as their relevance and importance in professional training of Linguistics students particularly with regard to the formation of intercultural competence of the students majoring in interpreting and translation. The exceptional role of improving and perfecting the first language, or native tongue proficiency, in this process is emphasized. The importance of a native language as a pedagogical instrument in university teaching-learning process needs to be reassessed. For overcoming present challenges of foreign language teaching an imbedded native language paradigm should be developed.

Methodology and sources. The present study was based on the authors' personal experience in teaching EFL to engineering students, as well as in teaching the English Language and Translation from English into Russian. The students had to do the tasks, which were evaluated and analyzed. In addition, the students were asked to complete questionnaires.

Results and discussion. One of the major the outcomes of the study is the conclusion that a native language should be an integral part of an efficient foreign language teaching paradigm to form a polylingual and polyculturally educated individuals. Unambiguous correlation between the native tongue proficiency and the foreign language mastering levels was discovered.

Conclusion. Taking into account the rapid development of modern society and IT, for successful solution of the above problems we need to design up-to-date modern textbooks, preferably, e-books that provide material for FL learning but also put special focus on forming intercultural competence.

It also seems quite appropriate to include a course on Stylistics of the Native Language (in our case, of the Russian Language) specially designed for students specialising in translation and interpreting and a course on English/Russian standards speech for interpreters.

Key words: polylingual individual/polyculturally educated individual, intercultural competence, native and foreign languages, foreign language and translation training.

For citation: Besedina E. I., Kuzmich I. V., Shamina E. A. Essential Elements for the Formation of a Polyculturally Educated Individual: a Problem of Statement. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 140–152. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-140-152 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 14.12.2020; adopted after review 12.01.2021; published online 25.02.2021

Введение. Одна из основных задач современного международного образования заключается в достижении взаимопонимания в процессе межкультурного диалога, что, в свою очередь, определяет одну из основных целей образования – формирование межкультурной компетентности личности. Таким образом, язык, литература и культура как страны изучаемого языка, так и языка обучения становятся неотъемлемыми компонентами процесса обучения.

В последнее время большое внимание уделяется роли первого/родного языка и перевода в обучении иностранным языкам. Под понятием «первый, или родной язык» принято понимать язык, которым человек овладевает в очень раннем возрасте и который обычно становится для него естественным инструментом выражения мыслей и эффективного общения в окружающем нас физическом мире, а под «переводом» понимается «восприятие, и/или производство, и/или переработка устных или письменных текстов на двух языках (парные дискурсы на двух языках)» [1].

Известно, что, начиная с конца XIX в., самым эффективным способом обучения второму, или иностранному языку единодушно считался так называемый коммуникативный (одноязычный) подход, при котором преподаватели сознательно избегали или полностью исключали родной язык и перевод из процесса обучения [2]. В рамках коммуникативного подхода изучающие иностранный язык должны были думать на том языке, который они изучают, независимо от уровня владения им. Это в свою очередь привело к появлению множества одноязычных учебников, предназначенных для обучения студентов разных национальностей и полностью игнорирующих любые различия в системах их родного и иностранного языков. Тем не менее во многих странах мира, включая Россию, родной язык по-прежнему широко используется в качестве языка обучения [3, 4], и перевод в преподавании иностранных языков также является неотъемлемой частью процесса преподавания [5, 6]. Более того, российскими специалистами предложена концепция единого филологического блока с задачей обновления методик изучения родного/государственного, международного и иностранного языков. Такие методики предполагают металингвистический перенос – создание «горизонтально» связанных учебников языкового цикла (родной язык/русский язык, английский язык) и координацию лингвистического содержания и требований к результатам обучения [7].

Многолетний мировой опыт преподавания иностранных языков, в частности английского, дает веские основания полагать, что родной язык играет немаловажную роль в этом процессе и может функционировать как достаточно эффективный педагогический инструмент преподавания при условии, что занятия хорошо организованы, тщательно продуманы и подготовлены. При этом, безусловно, необходимо учитывать уровень знаний студентов и возрастную группу, к которой они относятся. Правильно сбалансированное использование родного языка может способствовать приобретению знаний изучаемого иностранного языка и значительно снизить неуверенность студентов, обусловленную недостаточным объемом знаний изучаемого иностранного языка [8]. Кроме того, зачастую родной язык незаменим при введении новой лексики, грамматических правил и объяснении культурологических реалий, заданиях по чтению и проверке понимания текста учащимися, при организации занятий в классе, внеаудиторном общении со студентами и даже в устранении эмоциональных и психологических барьеров, своего рода ментальных стен, которые

мешают учащимся открыто выражать мысли на изучаемом языке, передавая таким образом свои чувства окружающим. Такой подход способствует созданию современной безопасной образовательной среды, обеспечивающей учащимся возможность творческой и продуктивной работы в направлении достижения поставленных перед ними целей [9–10]. В связи с этим присутствие родного языка в аудитории представляется не только полностью приемлемым, но и необходимым при обучении студентов *ab initio* или студентов с ограниченным предыдущим опытом владения целевым языком. Однако использование родного языка, безусловно, должно ограничиваться по мере совершенствования владения иностранным языком [11–12].

Исследования показывают, что компетентный уровень владения родным языком является необходимым условием для успешного освоения иностранного языка. Одним из наиболее убедительных доводов в пользу данного утверждения является тот факт, что, согласно проведенным исследованиям, школьники, которые начали изучать иностранный язык в возрасте 12 лет и старше и которые к этому возрасту уже свободно владеют родным языком и имеют базовые представления о его структурных компонентах, обычно осваивают иностранный язык легче, быстрее и успешнее, чем дошкольники, которым, как правило, удается овладеть исключительно фонетической системой нового для них языка. Кроме того, неоспоримым является и тот факт, что маленькие дети обладают свойством быстро забывать приобретенные ими ранее навыки и умения [13].

Несмотря на то, что известный американский и новозеландский лингвист и преподаватель Пол Нэйшн (Paul Nation) считает, что преподавателю необходимо всячески побуждать студентов больше говорить на изучаемом ими иностранном языке во время практических занятий, он не отрицает того факта, что грамотное и адекватное использование родного языка может иметь положительное воздействие на успешность освоения изучаемого иностранного языка. Результаты проведенного им экспериментального исследования показывают, что сбалансированное использование обоих языков позволяет студентам показать максимально высокие результаты квалификационных экзаменов по иностранным языкам [14].

Необходимо также упомянуть о важной роли, которую играет в процессе обучения иностранному языку так называемый «педагогический», или учебный перевод, призванный помочь обучающимся осознать сходства и различия между системами родного и изучаемого языков [15]. Современные зарубежные исследования, проведенные в рамках данной проблематики, подтвердили актуальность использования и востребованность учебников, содержащих упражнения по переводу, а применение элементов перевода настоятельно рекомендуется многими специалистами [16]. Следует отметить, что этот подход широко использовался в российских школах и университетах до внедрения коммуникативного подхода в конце 90-х гг. прошлого века. Перевод широко практиковался как органичный элемент процесса обучения иностранному языку и преследовал цель не только помочь обучающимся правильно понять содержание прочитанного, минимизировать неизбежно возникающие лексические трудности и освоить иностранные языковые единицы, но и способствовал повышению коммуникативного качества речи на иностранном языке (что особенно важно на ранних этапах овладения языком) и, таким образом, стимулировал постепенный переход к производству беглых и связных спонтанных высказываний. Высказывание британского лингвиста и преподавателя Р. Стиббарда (R. Stibbard) о том, что роль

перевода в преподавании иностранных языков в значительной степени недооценивается и иногда даже полностью игнорируется, нисколько не утратило своей значимости и сегодня. Напротив, родной язык, по мнению Р. Стиббарда, может являться ценным ресурсом в изучении иностранного языка и нисколько не мешает его освоению [17]. Представляется, что каких-либо особых проблем в использовании перевода на родной язык для изучающих иностранный язык любой возрастной группы, учитывая, что он используется в соответствии с основными принципами теории перевода, на самом деле не существует. Развитие навыков перевода является неотъемлемой частью изучения иностранного и предоставляет преподавателю возможность обратить пристальное внимание на особенности иностранного языка, в той или иной степени отличающие его от родного, при этом перевод играет исключительно важную роль в формировании языковых компетенций, когда студенты находятся на самом низком уровне знаний.

Перевод также помогает студентам осмыслить форму и научиться осознать, понимать и интерпретировать родную и иную картины мира в их взаимодействии и, как следствие, строить на этой основе иноязычное общение с представителями иного социума. Владение навыками перевода также помогает в освоении таких теоретических предметов, как лексикология, теоретическая грамматика, стилистика, не говоря уже о теории перевода в программе обучения студентов-лингвистов.

Постоянное совершенствование уровня владения родным языком будущим переводчиком является ключевым моментом в процессе обучения искусству перевода. Однако в реальной жизни университетским преподавателям нередко приходится сталкиваться с ситуациями, когда будущие переводчики не придают должного значения родному языку и не стремятся к достижению блестящего уровня владения им. Недостаточный уровень языковой компетенции нередко приводит к тому, что они оказываются не в состоянии выбрать эквивалентную лексику или адекватные грамматические структуры и допускают множество стилистических ошибок. Они также часто склонны игнорировать различные культурные факторы, что делает их переводы совершенно неприемлемыми [18].

Исключительная роль безупречного владения родным языком в этом процессе может быть проиллюстрирована таким важным и сложным аспектом переводческой деятельности, как перевод рекламы с целью поддержания высокой репутации компании и имиджа выпускаемых ею товаров на мировом рынке. В этом случае переводчику необходимо не только обладать знаниями в области социокультурных ценностей, традиций и обычаев данного народа и навыками эффективной межкультурной коммуникации, но также быть способным творчески подойти к решению поставленных задач и адекватно (при этом избегая использования неприемлемых в данной коммуникативной ситуации лексических единиц) транслировать эмоции и побуждения, которые содержались в рекламном тексте языка оригинала, на язык целевой аудитории [19].

Методология и источники. С целью разработки авторской методики диверсифицированного преподавания английского языка для студентов технических и гуманитарных специальностей разного уровня авторами было проведено исследование, в котором участвовали студенты инженерных специальностей первого, второго и третьего курсов Санкт-Петербургского электротехнического университета, а также студенты того же университета и Санкт-Петербургского государственного университета, обучающиеся по направлению

«Лингвистика» (всего 94 студента). Методы исследования, использованные в данном проекте, включали наблюдение, анализ текста, анкетирование и количественный анализ данных. Материал для анализа текста включал 150 примеров письменного перевода с иностранного языка на родной (английский → русский).

Результаты и обсуждение. Одной из предпосылок для проведения исследования стала проблема, с которой часто сталкиваются преподаватели английского языка, осознающие важность родного языка при обучении иностранному языку, – это не вполне обоснованная переоценка преимуществ коммуникативного подхода, который уже много лет используется в отечественной образовательной среде. Многие студенты и коллеги-преподаватели безмерно гордятся полным запретом использования родного (в нашем случае – русского) языка на занятиях по иностранному языку, настаивая на методической обоснованности и исключительной эффективности данного подхода как для учебных целей, так и в последующем его применении в практике межкультурного общения. Однако это представляется справедливым только до тех пор, пока студенты не сталкиваются с заданием перевести что-либо с иностранного языка на русский. За редким исключением (главным образом, если студент владеет иностранным языком на достаточно высоком уровне, например, для английского языка это C1 или C2) выборочное использование русского языка для уточнения деталей выявляет много неточностей, заблуждений и ошибок в понимании текста, предъявленного на иностранном языке. Авторы статьи, опыт которых в преподавании составляет более 30 лет, считают, что родной язык обучающегося представляет собой достаточно надежный и достоверный индикатор фактического понимания любого иноязычного письменного или устного текста.

Приведем несколько наиболее ярких примеров непонимания и замешательства студентов при выполнении такого рода заданий.

Пример 1.

Первокурсникам магистратуры технических специальностей (2 группы по 12 чел. в каждой) был дан список из 10 английских пословиц и поговорок. 80 % учащихся заверили, что полностью понимают их значение, но при этом только 20 % из них смогли объяснить это значение и найти для пословиц русский эквивалент. Остальные, по сути, неправильно поняли и перевели их как неметафорические, нейтральные предложения, например: *There is no need to make a meal of it.* – «*Не стоит (не будем) делать из мухи слона*» на русский язык было переведено следующим образом: «*Нет никакой необходимости готовить из этого еду*». Более того, когда студентов попросили объяснить значение русских эквивалентов, оказалось, что практически 30 % из них имели неправильные представления об их значении, а некоторые студенты имели весьма ограниченный запас пословиц на русском языке.

Пример 2.

Многие слова русской технической терминологии заимствованы из других языков: латинского, греческого, английского, немецкого, голландского и т. д. Эти слова являются международными, и их написание и произношение схожи во многих языках, включая русский (с учетом алфавита). Этот факт вселяет в студентов технических специальностей уверенность в том, что они во всеоружии для того, чтобы приступить к работе с профессиональными научно-техническими текстами. К сожалению, приходится констатировать, что

лишь немногие из них знают о «ложных друзьях переводчика». При анализе переводов было установлено, что от 50 до 65 % слов этой категории были переведены студентами второго курса бакалавриата инженерных специальностей (4 группы по 12 студентов в группе) неадекватно, так, например, *carton* – *картон* (правильно – *коробка, пакет, тара*), *piston* – *пистон* (правильно – *поршень, клапан*), *resin* – *резина* (правильно – *смола, канифоль*) и т. д.

Пример 3.

Учебная программа для студентов-лингвистов обычно включает такой предмет, как страноведение. В российских университетах лекционный курс и практические занятия по этому предмету часто принято вести на языке страны изучаемого языка. Студенты выполняют различные виды работ: читают и обсуждают оригинальные тексты, делают презентации, но, за редким исключением, преподаватели, ведущие данный предмет, не прибегают к переводу. Впоследствии, когда некоторые из студентов на старших курсах выбирают специализацию в области письменного или устного перевода для получения степени бакалавра/магистра, даже те из них, которые хорошо усвоили курс страноведения и получили по предмету хорошие и отличные оценки, испытывают серьезные трудности с переводом антропонимов, географических названий, наименований национальных и местных событий и фестивалей, поскольку не знакомы с закрепленной традицией общепринятым переводом такого рода лексики.

Только 4 из 22 студентов-лингвистов, которым было предложено выполнить устный перевод видеоклипа о популярных туристических местах Великобритании, использовали принятый русский перевод *Северо-Шотландское нагорье (Scottish Highlands)* и *Шотландская низменность (Scottish Lowlands)*. Остальные студенты в качестве переводческой трансформации воспользовались транскрибированием. Только 2 из 22 студентов смогли правильно перевести историческое понятие *Французский квартал (French Quarters)* в Новом Орлеане при просмотре аналогичного видеоклипа о достопримечательностях США. Более того, при выполнении домашнего задания на комментированный перевод различных имен собственных все студенты правильно перевели *The Latin Quarter – Латинский квартал (Париж)*, но в комментариях они указали, что это квартал, населенный выходцами из стран Латинской Америки, а не исторически сложившийся район вокруг знаменитого университета Сорбонна, где традиционно, начиная со Средних веков, жили студенты и где преподавание велось на латыни – отсюда и название квартала. Такие результаты свидетельствуют не только о важности фоновых знаний в подготовке специалистов-лингвистов, но и о необходимости проверять корреляцию информации на иностранном и родном языке.

Все это лишь малая доля примеров неловких и подчас смешных переводов, с которыми сталкиваются преподаватели и возникновение которых они вынуждены учитывать при подготовке своих материалов и инструкций.

В этом проекте также были проанализированы анкеты обратной связи, заполненные студентами. Около 72 % из них заявили, что смогли по-новому посмотреть на родной язык и свыше 65 % отметили, что пересмотрели свое отношение к роли, которую играет родной язык в процессе овладения иностранным. В графе дополнительных комментариев, включенной в анкету, несколько студентов выразили искреннюю благодарность своим преподавателям английского языка за то, что они помогли им лучше понять и оценить важность

русского языка в процессе освоения иностранного языка и те практически безграничные ресурсы, которыми он обладает.

В специальной литературе недавно появилось понятие «развитая языковая личность», означающее личность элитарной культуры [20]. Авторы убеждены, что это понятие в первую очередь должно быть применимо к личности переводчика. Такой человек должен отличаться красноречием и свободным владением родным и иностранным языками, а также всем спектром социокультурных знаний. Однако, к большому сожалению, это противоречит той ситуации, которую мы наблюдаем в настоящее время и которая характеризуется заметным снижением уровня языковой и культурологической компетенции выпускников российских средних школ. Университетские преподаватели профильных дисциплин все чаще отмечают, что, несмотря на высокий средний балл ЕГЭ по русскому языку, лишь немногие из вчерашних выпускников школ и сегодняшних студентов-лингвистов могут похвастаться большим активным и пассивным словарным запасом родного языка. На зачетных занятиях по проверке знания англо-русских соответствий 1-го уровня (словосочетания) некоторым студентам приходится делать несколько попыток для получения проходного балла, и они жалуются на трудности запоминания, поскольку им неизвестны многие общеупотребительные слова родного языка: *изразец, ступица, озимая/яровая культура, декада* и др. Большинство из них владеют довольно ограниченной лексикой, а иногда имеют довольно смутное представление о коннотативном значении слов и различии между стилистически нейтральными и стилистически отмеченными лексемами. Некоторые из них иногда даже не могут построить грамматически правильные предложения.

В процессе перевода с иностранного языка на родной студенты-переводчики больше озабочены своим знанием иностранного языка, чем родного, и склонны недооценивать исключительную важность глубоких знаний родного языка для преодоления трудностей перевода через знание основных различий двух языковых систем и передачу языковых нюансов, восполнение культурологических и языковых лакун. Довольно часто они не могут выбрать релевантную и подходящую лексику и используют неправильный языковой стиль и/или интонацию. Наиболее распространенной ошибкой при выборе слова является, например, широкое использование разговорных выражений в текстах официального стиля или деловых документах. Большинство студентов при переводе не уделяют должного внимания применению необходимых трансформаций. Это особенно касается грамматических преобразований, когда в переведенном тексте проявляются характерные черты грамматических структур языка оригинала, не в последнюю очередь, порядок слов.

Студенты также часто недооценивают необходимость владения лингвокультурными аспектами родного языка, т. е. любыми знаниями, которыми обладает человек помимо знания языка, поэтому они просто игнорируют различные культурные факторы (функциональные стили, конфронтации образов и шаблоны дискурса) и, таким образом, не могут преобразовать текст иностранного языка в соответствующую языковую и культурную форму, при этом иногда выполненные ими переводы представляются совершенно неприемлемыми.

Из-за отсутствия знаний в области культуры, науки и техники студенты испытывают трудности с написанием текстов (как на родном, так и на изучаемом языках). Тексты, которые они создают, могут быть лишены одного или даже нескольких таких неотъемлемых текстовых свойств, как например, целостность, завершенность, связность, эмоциональ-

ность. В случае письменного перевода, помимо довольно бедного или недостаточного словарного запаса и неправильных грамматических конструкций, приходится постоянно сталкиваться с серьезными орфографическими и пунктуационными ошибками. Все это чрезвычайно усложняет задачу преподавателей университетов, которые ведут курсы перевода: помимо ознакомления студентов с наиболее распространенными типами переводческих трансформаций, обеспечивающих корректный перевод единиц с одного языка на другой, они также вынуждены восполнять пробелы студентов в знании родного языка.

Заключение. Результаты исследования показывают, что роль родного языка как педагогического инструмента в университетских курсах обучения иностранного языка требует безотлагательного пересмотра. Студенты инженерных направлений, изучающие иностранный язык в качестве вспомогательного средства для овладения своей специальностью, могут извлечь большую пользу из хорошо сбалансированного сочетания коммуникативного подхода и надлежащего использования как родного, так и иностранного языков. Особенно актуальным такой подход может быть для студентов, владеющих иностранным языком на уровне *pre-intermediate* и *intermediate*. В основном это касается использования родного языка и элементов перевода при введении нового словарного запаса, объяснении грамматических конструкций, привлечении внимания студентов к заимствованиям из иностранного языка (где очень много «ложных друзей переводчика»), а также при подготовке к некоторым сложным письменным или устным заданиям. Перевод на родной язык в этом случае может помочь учащимся пополнить словарный запас и справиться с грамматическими и стилевыми проблемами, неизбежно возникающими при выполнении заданий на иностранном языке в процессе обучения.

Использование родного языка на занятиях по иностранному языку играет чрезвычайно важную роль не только в процессе приобретения непосредственно новых знаний и навыков, но и в установлении дружелюбных отношений между преподавателем и студентом, обеспечивая психологическую безопасность и комфорт и, таким образом, создавая доброжелательную и благоприятную среду обучения. Такая близкая к идеальной среда обучения кажется важным фактором в достижении целей, поставленных перед студентами, и в эффективном усвоении предмета. В то же время использование родного языка должно быть ограниченным и сбалансированным, поскольку обучающиеся должны осваивать тонкости грамматики, расширять свой словарный запас, изучать коллокации, уметь разъяснять их значения и тем самым приобретать беглость речи на иностранном языке. Хотя обучение переводу для подготовки профессиональных переводчиков значительно отличается от обучения с помощью перевода на непрофессиональном уровне, элементы перевода, представленные на ранних этапах обучения студентам, специализирующимся на иностранных языках и лингвистике, вполне ощутимо повышают степень их осведомленности как о родном языке, так и об изучаемых ими иностранных языках с точки зрения лингвистических и культурологических знаний и помогает им лучше понять взаимодействие двух языковых систем. Студенты, специализирующиеся в области лингвистики, которые получили начальное знакомство с элементами перевода на практических занятиях по иностранному языку на базе учебников английского языка, содержащих специальные упражнения по переводу, например с английского языка на русский и с русского на английский, гораздо лучше подготовлены к курсам письменного и устного перевода, чем

студенты, которые обучались исключительно с использованием считающихся универсальными одноязычных учебников, разработанных для обучения студентов иностранному (английскому) в разных странах независимо от их родного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pym A., Malmkjær K., Gutiérrez-Colón Plana M. Translation and Language Learning: The role of translation in the teaching of languages in the European Union. A Study. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2013. URL: <https://www.academia.edu/7801381> (дата обращения: 16.09.2020).
2. Hall G., Cook G. Own-language use in language teaching and learning // *Language Teaching*. 2012. Vol. 45, iss. 3. P. 271–308. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0261444812000067>.
3. Benson M. The secret life of grammar translation – Part 2 // *Studies in Humanities and Sciences*. 2000. Vol. XXXX (1). P. 97–128.
4. Besedina E., Kuzmich I., Shamina E. On the Paradigm of Bilingual Education at a University // ICERI2020 Proceedings: 13th annual International Conference of Education, Research and Innovation, Seville, 9–11 Nov. 2020 / Seville: IATED, 2020. P. 1284–1289. DOI: <https://doi.org/10.21125/iceri.2020.0340>.
5. Cook G. Foreign language teaching // *Routledge encyclopedia of translation studies* / in M. Baker, G. Saldanha (ed.). 2nd ed. London: Routledge, 2009. P. 112–115.
6. Lems K., Miller L. D., Soro T. M. Teaching reading to English Language Learners: Insights from Linguistics. New York: Guilford Press, 2009.
7. Хамраева Е. А. Необходимость концепции единого филологического блока в системе билингвального образования в России // Текст культуры и культура текста: материалы IV Междунар. педагог. форума. Сочи, 16–17 окт. 2017 г. СПб: РОПРЯЛ, 2017. С. 565–569.
8. Pan Y., Pan Y. The use of L1 in the foreign language classroom // *Colombian Applied Linguistics Journal*. 2010. Vol. 12, № 2. P. 87–96. DOI: <https://doi.org/10.14483/22487085.85>.
9. Hanáková M., Metruk R. The Use of L1 in the Process of Teaching English // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2017. Vol. 7, № 8. P. 208–216.
10. Critical thinking as a fundamental ability of a personality / N. V. Maklakova, E. S. Khovanskaya, A. V. Fakhrudinova, L. Grigorieva // *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2019. Vol. 10, № 4. P. 142–147.
11. Gomathi B. S., Kiruthika P. Role of L1 in English language teaching to rural area students with reference to erode region // *International Journal of Humanities and Social Science Invention*. 2013. Vol. 2, № 12. P. 24–26. URL: <https://ru.scribd.com/document/199553314/c-021201024026> (дата обращения: 15.09.2020).
12. Putrawan G. E. The Role of First Language and Translation in EFL Learning: A Brief Literature Review // *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*. 2019. Vol. 2, № 2. P. 150–154. URL: <https://www.researchgate.net/publication/332865622> (дата обращения: 20.09.2020).
13. Бердичевский А. Л. Основные направления языковой политики в современной Европе // *Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы IV междунар. науч. конф. М., 25–30 апреля 2014 г. / МГУ. М., 2014. С. 8–15.*
14. Nation P. The role of the first language foreign language learning // *Asian EFL Journal*. 2003. URL: https://www.asian-efl-journal.com/june_2003_pn.pdf (дата обращения: 16.09.2020).
15. Marqués-Aguado T., Solís-Becerra J. An overview of translation in language teaching methods: implications for EFL in secondary education in the region of Murcia // *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*. 2013. Vol. 8, № 1. P. 38–48, DOI: <https://doi.org/10.4995/rlyla.2013.1161>.
16. Need Analysis for Developing Translation's Textbook base on TEFL Pedagogical Purpose in Indonesia: English Teachers' Perspectives / M. Siregar, T. S. Sinar, A. Saragih, S. Lubis // *Advances in Language and Literary Studies*. 2013. Vol. 9, № 3. P. 81–86. DOI: <https://doi.org/10.7575/aiac.all.v.9n.3p.81>.

17. Stibbard R. The use of translation in foreign language teaching // *Perspectives. Studies in Translation Theory and Practice*. 2010. Vol. 2, № 1. P. 9–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/0907676X.1994.9961218>.

18. Soang L.-L. Translation Teaching: The Importance of the Translator's Native Language // *Open Journal of Modern Linguistics*. 2016. Vol. 6, № 4. P. 247–254. DOI: <https://doi.org/10.4236/ojml.2016.64027>.

19. Шамина Е. А. Задачи курса «Культура английской речи переводчика» и материалы к нему // *Англистика XXI века: материалы III Всерос. науч. конф. СПб., 24–26 янв. 2007 г. / СПбГУ. СПб., 2007. С. 387–392.*

20. Алексеева И. С. Мониторинг качества в обучении переводчиков и русский язык // *Индустрия перевода: материалы V междунар. науч. конф. Пермь, 3–5 июня 2013 г. / ПНИПУ. Пермь, 2013. С. 49–52.*

Информация об авторах.

Беседина Елена Ивановна – кандидат филологических наук (1988), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: перевод и переводоведение, лексикология, фоносемантика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9373-9004>. E-mail: elivbesedina@mail.ru.

Кузьмич Ирина Васильевна – кандидат филологических наук (1994), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: перевод и переводоведение, лексикология, фоносемантика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3213-6266>. E-mail: irinakuzmich@inbox.ru

Шамина Елена Анатольевна – кандидат филологических наук (1989), доцент кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 70 научных публикаций. Сфера научных интересов: фонетика, методика преподавания иностранных языков, фоносемантика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5274-1001>. E-mail: e.shamina@spbu.ru

REFERENCES

1. Pym, A., Malmkjær, K. and Gutiérrez-Colón Plana, M. (2013), *Translation and Language Learning: The role of translation in the teaching of languages in the European Union. A Study*, Publications Office of the European Union, Luxembourg, Belgium, available at: <https://www.academia.edu/7801381> (accessed 16.09.2020).

2. Hall, G. and Cook, G. (2012), "Own-language use in language teaching and learning", *Language Teaching.*, vol. 45, iss. 3, pp. 271–308. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0261444812000067>.

3. Benson, M. (2000), "The secret life of grammar translation – Part 2", *Studies in Humanities and Sciences*, vol. XXXX (1), pp. 97–128.

4. Besedina, E., Kuzmich, I. and Shamina, E. (2020), "On the Paradigm of Bilingual Education at a University", *ICERI2020 Proceedings: 13th annual International Conference of Education, Research and Innovation, IATED*, Seville, Spain, 9–11 Nov. 2020, pp. 1284–1289. DOI: <https://doi.org/10.21125/iceri.2020.0340>.

5. Cook, G. (2009), "Foreign language teaching", *Routledge encyclopedia of translation studies*, in Baker, M. and Saldanha, G. (ed.), 2nd ed., Routledge, London, UK, pp.112–115.

6. Lems, K., Miller, L.D. and Soro T.M. (2009), *Teaching reading to English Language Learners: Insights from Linguistics*, Guilford Press, New York, USA.

7. Khamraeva, E.A. (2017), "The necessity of single linguistic unit in bilingual education system in Russia", *Tekst kul'tury i kul'tura teksta* [Culture as Text, Text as Culture], IV Mezhdunarodnyi pedagogicheskii forum [IV International Pedagogical Forum], Sochi, RUS, 16–17 Oct. 2017, pp. 539–542.
8. Pan, Y. and Pan, Y. (2010), "The use of L1 in the foreign language classroom", *Colombian Applied Linguistics Journal*, vol.12, no. 2, pp. 87–96. DOI: <https://doi.org/10.14483/22487085.85>.
9. Hanáková, M. and Metruk, R. (2017), "The Use of L1 in the Process of Teaching English", *Modern Journal of Language Teaching Methods*, vol. 7, no. 8, pp. 208–216.
10. Maklakova, N.V., Khovanskaya, E.S., Fakhrutdinova, A.V. and Grigorieva, L. (2019), "Critical thinking as a fundamental ability of a personality", *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 10, no. 4, pp. 142–147.
11. Gomathi, B.S. and Kiruthika, P. (2013), "Role of L1 in English language teaching to rural area students with reference to erode region", *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, vol. 2, no. 12, pp. 24–26, available at: <https://ru.scribd.com/document/199553314/c-021201024026> (accessed 15.09.2020).
12. Putrawan, G.E. (2019), "The Role of First Language and Translation in EFL Learning: A Brief Literature Review", *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*, vol. 2, no. 2, pp. 150–154, available at: <https://www.researchgate.net/publication/332865622> (accessed 20.09.2020).
13. Berdichevskii, A.L. (2014), "The main directions of language policy in modern Europe", *Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda* [Russian language and culture in the mirror of translation], IV *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [IV International scientific conference], Moscow, RUS, 25–30 April 2014, pp. 8–15.
14. Nation, P. (2013), "The role of the first language foreign language learning", *Asian EFL Journal*, available at: https://www.asian-efl-journal.com/june_2003_pn.pdf (accessed 16.09.2020).
15. Marqués Aguado, T. and Solís-Becerra, J. (2013), "An overview of translation in language teaching methods: implications for EFL in secondary education in the region of Murcia", *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas*, vol. 8, no. 1, pp. 38–48. DOI: <https://doi.org/10.4995/rlyla.2013.1161>.
16. Siregar, M., Sinar, T.S., Saragih, A. and Lubis, S. (2013), "Need Analysis for Developing Translation's Textbook base on TEFL Pedagogical Purpose in Indonesia: English Teachers' Perspectives", *Advances in Language and Literary Studies*, vol. 9, no. 3, pp. 81–86. DOI: <https://doi.org/10.7575/aiac.all.v.9n.3p.81>.
17. Stibbard, R. (2010), "The use of translation in foreign language teaching", *Perspectives. Studies in Translation Theory and Practice*, vol. 2, no. 1, pp. 9–18. DOI: <https://doi.org/10.1080/0907676X.1994.9961218>.
18. Soang, L.-L. (2016), "Translation Teaching: The Importance of the Translator's Native Language", *Open Journal of Modern Linguistics*, vol. 6, no. 4, pp. 247–254. DOI: <https://doi.org/10.4236/ojml.2016.64027>.
19. Shamina, E.A. (2007), "Objectives of the course "The culture of the English speech of the translator" and materials for it", *Anglistika XXI veka* [Anglistics of the XXI century], III *Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya* [III All-Russian Scientific Conference], SPb., RUS, 24–26 January 2007, pp. 387–392.
20. Alekseeva, I.S. (2013), "Quality monitoring in the training of translators and the Russian language", *Industriya perevoda* [Translation industry], V *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* [V International scientific conference], Perm', RUS, 3–5 June 2013, pp. 49–52.

Information about the authors.

Elena I. Besedina – Can. Sci. (Philology) (1988), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 40 scientific publications. Area of expertise: translation and translatology, lexicology, phonosemantics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9373-9004>. E-mail: elivbesedina@mail.ru

Irina V. Kuzmich – Can. Sci. (Philology) (1994), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: translation and translatology, lexicology, phonosemantics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3213-6266>. E-mail: irinakuzmich@inbox.ru

Elena A. Shamina – Can. Sci. (Philology) (1989), Associate Professor at the Department of Phonetics and Foreign Language Teaching Methodology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 70 scientific publications. Area of expertise: phonetics, foreign language teaching methodology, phonosemantics. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5274-1001>. E-mail: e.shamina@spbu.ru

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи»;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках) (1 экз.);
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - распечатку рукописи (1 экз.), подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику) (1 экз.);
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ») (1 экз.).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)] в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

• *Заголовочная часть:*

– УДК (выравнивание по левому краю);
– авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

– место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, а затем список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название статьи;

– аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;

– ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

• текст статьи;

• приложения (при наличии);

• список литературы (библиографический список);

• справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

– авторы (Authors);

– место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

– название (Title);

– аннотация (Abstract);

– ключевые слова (Keywords);

– список литературы (References);

– справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует указывать ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например, «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение; см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

– заголовок «Список литературы»;

– библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес: discourse@etu.ru

СПБГЭТУ «ЛЭТИ» ПЕРВЫЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ

Гуманитарный факультет объявляет о проведении
18–19 марта 2021 г.

XVII Всероссийской научной конференции «ИНФОРМАЦИЯ – КОММУНИКАЦИЯ – ОБЩЕСТВО»

Тема ИКО-2021

«Культуросберегающий потенциал в цифровую эпоху»

Работа секций будет осуществляться по следующим тематическим направлениям:

1. Философия будущего и будущее философии.
2. Искусственный интеллект в социальном знании и образовании.
3. Этика профессиональных коммуникаторов в цифровой среде.
4. Роль языка в сохранении национальных культур.
5. Проблемы исторического наследия в современном мире.

Наше кредо

- ✓ Открытость тематики и проблематики конференции любой профессиональной интеллектуальной инициативе.
- ✓ Стремление к совмещению в едином интеллектуальном пространстве различных подходов и позиций.
- ✓ Диалог представителей разных профессиональных научных сфер, школ, направлений.

Место проведения конференции

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Адрес: Россия, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, д. 5, 5-й ауд. корпус.

Проезд: ст. метро «Петроградская», авт. 128, трол. 31, до остановки «Улица Профессора Попова».

Контакты

Тел./факс: (812) 346-47-83 (доб. 25)

E-mail: ИКО.XXI@gmail.com

Редакторы: *Н. В. Кузнецова, М. И. Попова,*
Е. А. Ушакова
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *N. V. Kuznetsova, M. I. Popova,*
E. A. Ushakova
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 17.02.21. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 20,5. Печ. л. 19,75. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 4.

Signed to print 17.02.21. Sheet size 60 × 84 1/8
Educational-ed. liter. 20,5. Conventional printed sheets 19,75. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 4

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56